

Только правда
может освободить ее

ИСПОРЧЕННАЯ КРОВЬ

[HTTP://VK.COM/HUSHRUSSIA](http://vk.com/hushrussia)

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

ТАРРИН ФИШЕР

Когда писатель-затворница Сenna Ричардс просыпается в свой тридцать третий день рождения, всё меняется. Обнаружив себя в клетке с решетками под напряжением, запертой в доме посреди снежной пустыни, ей остается только расшифровывать подсказки, чтобы выяснить, почему её похитили. Если ей хочется на свободу, она должна внимательно пересмотреть свое прошлое. Но, её прошлое живо..., а похитителя нигде не видно. Её жизнь висит на волоске, и вскоре Сenna понимает, что это всё игра. Опасная игра. И только правда может освободить её.

ИСПОРЧЕННАЯ КРОВЬ

Лори, которая спасла меня, когда я тонула...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ШОК И ОТРИЦАНИЕ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я написала роман. Я написала роман, и он был опубликован. Я написала роман, и он пополнил список бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс». Я написала этот роман, а потом смотрела его экранизацию в кинотеатре с большим пакетом маслянистого попкорна на коленях. Мой роман. То, что я написала. Я сделала это в полном одиночестве, потому что мне так нравится. И если остальной мир хочет платить за то, чтобы заглянуть в мой испорченный разум, так оно и будет. Жизнь слишком коротка, чтобы скрывать свои обиды.

Поэтому я скрываюсь сама.

Это мой тридцать третий день рождения. Просыпаюсь в холодном поту. Я горю. Нет, мне холодно. Я замерзаю. Одеяла путаются у моих ног и ощущаются незнакомыми — слишком гладкие. Я тяну их, пытаюсь прикрыть себя. Мои пальцы чувствуются толстыми сосисками на шелковистом материале. Может быть, они распухли. Не могу сказать точно, потому что мой мозг вялый, глаза совершенно слипаются, и теперь мне снова становится жарко. Или, может быть, холодно. Я прекращаю борьбу с одеялом, позволяя себе дрейфовать... *назад... назад...*

Когда я просыпаюсь, в комнату проникает свет. Я вижу его сквозь веки. Он тусклый, даже для дождливого дня в Сиэтле. В моей спальне окна от пола до потолка; я поворачиваюсь в их сторону и заставляю себя открыть глаза, только, чтобы обнаружить, что лежу лицом к стене. Стене из брёвен. Такого нет в моём доме. Я даю своим глазам пропутешествовать по их длине вплоть до потолка; мгновение, прежде чем я резко выпрямляюсь и окончательно просыпаюсь.

Я не у себя в спальне. Я в шоке осматриваю комнату. Чья это спальня? Начинаю прокручивать в голове события прошлого вечера. *Может я...*

Ни за что. Я даже не смотрела на мужчин, с тех пор как... Не может быть, что я пошла домой с кем-то. Кроме того, вчера вечером я ужинала с моим редактором. Мы выпили пару бокалов вина. «Кьянти» (*Прим. ред.: «Кьянти» (итал. Chianti) — итальянское сухое красное вино, производимое в регионе Тоскана преимущественно из винограда сорта «Санджовезе»*) не приводит к амнезии. Моё дыхание поверхностное, пока я пытаюсь вспомнить, что произошло после того, как покинула ресторан.

Заправка. Я остановилась на заправке «Рэд Си» на углу Магнолии и Куин-Анна. Что после этого? Не могу вспомнить.

Смотрю вниз, на одеяло между своими пальцами с костяшками, побелевшими от сжатия. Красное... пуховое... чужое. Опускаю ноги с края кровати, и комната сразу начинает качаться и крениться. Мне тут же становится дурно. Напоминает похмелье после огромной попойки. Я задыхаюсь и пытаюсь дышать достаточно глубоко, чтобы подавить тошноту. «Это не «Кьянти», — говорю я себе ещё раз.

— Это сон, — произношу вслух. Но всё не так. И я знаю об этом. Встаю, и у меня добрых десять секунд кружится голова, прежде чем я делаю свой первый шаг. Наклоняюсь, и меня рвёт... прямо на деревянный пол. Мой желудок пуст, что, в любом случае, не мешает ему вывернуться. Поднимаю руку, чтобы вытереть рот, и странно её ощущаю — слишком тяжёлой. Это не похмелье. Меня накачали наркотиками. Остаюсь согнутой в течение нескольких секунд, прежде чем пытаюсь выпрямиться. Чувствую себя сошедшей с американских горок. Спотыкаясь, иду вперёд, пытаюсь оглядеться в окружающей обстановке. Комната круглая. Морозный воздух. Здесь камин — без огня — и кровать с балдахином. Здесь нет двери. *Где дверь?* В приступе паники я неуклюже кружусь по комнате на ватных ногах, периодически держась за кровать, чтобы не упасть.

— Где дверь?

Я вижу своё дыхание, испаряющееся в воздухе. Сосредотачиваюсь на том, как оно расширяется и рассеивается. Моим глазам нужно много времени, чтобы сфокусироваться вновь. Я не уверена, как долго стою, кроме того, что мои ноги начинают болеть. Смотрю вниз на пальцы. И с трудом их чувствую. Мне нужно двигаться. Сделать что-нибудь. Выйти. На стене передо мной есть окно. Ковыляю вперёд и дёргаю в сторону лёгкий занавес.

Первое, что замечаю — я нахожусь на втором этаже. И следующее — о, Боже! Мой мозг посылает озноб вниз по остальной части тела. Своего рода предупреждение. *«Это случилось, Сенна»*, — говорит он. — *«Всё. Конец. Кто-то похитил тебя»*. Мой рот медленно реагирует, но когда это происходит, я слышу, как вздох заполняет мёртвую тишину вокруг меня. Я не верила, что люди, на самом деле, ахают в подобных ситуациях, до того момента, пока не услышала саму себя, делающую именно так. Этот удушающий, останавливающий сердце момент, когда всё, что наполняет мои глаза — это снег. Очень много снега. Весь снег мира свалили прямо передо мной.

Я слышу, как моё тело ударяется о дерево, а затем проваливаюсь в темноту. Когда я просыпаюсь, то нахожу себя лежащей на полу в луже рвоты. Стону от резкой боли, которая пронизывает моё запястье, когда я пытаюсь подняться. Я плачу, закрывая рот рукой. Если кто-то здесь есть, я не хочу, чтобы они услышали меня. *«Отлично, Сенна. Тебе следует думать, прежде чем падать в обморок в комнате и так шуметь»*.

Я поддерживаю запястье свободной рукой и скольжу вверх по стене, опираясь на неё. Только сейчас я замечаю во что одета. Не моя одежда. Белый льняной пижамный комплект. Дорогой. Тонкий. Неудивительно, что мне так чертовски холодно.

О, Боже.

Закрываю глаза. Кто раздел меня? Кто привёз сюда? Одеревенелыми руками я ощупываю тело, чтобы изучить себя. Дотрагиваюсь до груди, тяну вниз штаны. Кровотечения нет, нет болезненности, только белые хлопковые трусики, которые кто-то на меня надел. Кто-то видел меня голой. Кто-то трогал моё тело. Закрываю глаза, и от этих мыслей меня начинает трясти. Бесконтрольно. *Нет, пожалуйста, нет.*

— О, Боже, — слышу саму себя. Я должна дышать глубоко и ровно.

«Ты окоченела, Сенна. И ты в шоке. Соберись с мыслями. Думай».

Тот, кто привёз меня сюда, имеет более зловещие планы, чем дать мне замёрзнуть. Я оглядываюсь вокруг. В камине есть дрова. Если этот грёбаный психопат оставил мне дрова, возможно, он оставил мне кое-что, чтобы их разжечь. Кровать, в которой я проснулась, находится в центре комнаты; она с четырьмя столбиками, инкрустированными вручную. Балдахин из прозрачного шифона. Это мило до тошноты. Я изучаю остальную часть комнаты: тяжёлый деревянный комод, большой шкаф, камин, и один из тех толстых, меховых ковров. Распахнув шкаф, я обшариваю шмотьё... слишком много одежды. Здесь всё для меня? Моя рука задерживается на этикетке. Осознание того, что она вся моего размера, вызывает отвращение. *«Нет»*, — говорю я себе. — *«Она не может быть моей. Это всё ошибка. Это не может быть для меня, цвета не те. Красные... голубые... жёлтые...»*.

Но мой мозг знает, что это не ошибка. Мой мозг, познавший горе, как и моё тело.

«Сосредоточься, Сенна».

Я нахожу богато украшенную серебряную шкатулку на верхней полке шкафа. Тяну её вниз и встряхиваю. Она тяжёлая. Чужая. Внутри находятся зажигалки, ключ и маленький серебряный нож. Я хочу изучить содержимое шкатулки. Осмотреть его, коснуться, но мне нужно действовать быстро. Я использую нож, чтобы отрезать полоску материала от нижней части рубашки, связываю её в узел с помощью зубов и здоровой руки. Скольжу запястьем в импровизированную повязку и вздрагиваю.

Я сую нож в карман и задерживаюсь на одной из зажигалок. Моя рука парит над шкатулкой. Восемь розовых зажигалок «Zippo». Если бы меня уже не пронял озноб, то

сейчас бы это и произошло. Я игнорирую ощущение. Не могу игнорировать. Могу и должна, потому что замерзаю. Моя рука дрожит, пока я достаю одну. *Это совпадение.* Я смеюсь. Может ли что-то, связанное с похищением, быть совпадением? Подумаю позже. Сейчас нужно согреться. Мои пальцы онемели. Уходит целых шесть попыток, прежде чем получается прокрутить колесико на «Zippo». На большом пальце остаются отпечатки. Дрова трудно поджечь. *Они влажные.* Неужели он положил их здесь недавно? Я ищу что-нибудь, что поможет поддержать пламя, но ничего нет, что бы мне не понадобилось позже.

Я уже думаю как выживающий, и это меня пугает. Воспламенитель. Что я смогу использовать для воспламенения? Мои глаза исследуют помещение, пока я не нахожу в углу шкафа белую коробку с красным крестом сверху. Аптечка. Бегу к ней и открываю крышку. Бинты, аспирин, иглы... *Господи.* Я, наконец, нахожу пакеты одноразовых салфеток, пропитанных спиртом. Хватаю горсть и бегу обратно к камину. Вскрываю первый пакет и подношу зажигалку к кончику салфетки. Огонь охватывает её и разгорается. Я проталкиваю горящий кусок между дров и вскрываю другой пакет, повторяя процесс. И молюсь, кому бы там ни было, кто отвечает за огонь, и не сильно дую.

Древесина начинает гореть. Я тяну толстое одеяло с кровати и закутываюсь в него, присев перед скудным пламенем. Этого недостаточно. Мне так холодно, что я готова погрузиться в огонь, и пусть он сожжёт с меня весь холод. Остаюсь нарывом на полу, пока дрожь не унимается.

И тогда я двигаюсь.

Под ковриком чердачный люк с тяжёлой металлической ручкой. Он заперт. Я тяну его здоровой рукой в течение пяти минут, пока плечо не начинает гореть, и меня снова не тянет вывернуть внутренности. На мгновение мой взгляд застывает, перед тем как я бегу к серебряной шкатулке, чтобы достать ключ. Что это за игра? И почему у меня ушло так много времени, чтобы подумать о ключе? Я не могу решить, что делать. Хожу вокруг двери босиком и тыкаю ключом в бедро. Это необычайно большой ключ, сделанный из бронзы, в старинном стиле. Замочная скважина в двери выглядит достаточно большой, чтобы его вместить.

Меня снова пробирает дрожь, и на этот раз я знаю, что не только от холода. Перестаю ходить и смотрю на ключ более внимательно. Он заполняет всю ладонь от кончиков пальцев до запястья. По центру инкрустирован вопросительный знак, украшенный металлическими спиральями богатого дизайна. Я бросаю его. Он тяжело падает на пол, недалеко от места, где меня вырвало. Начинаю отступать, пока мои лопатки не упрутся в стену.

— Что. Это. Такое? — нет никого, чтобы ответить; конечно, если они не ждут сразу за этим люком, чтобы сказать мне, что же *это* всё-таки такое. Я дрожу, и мои пальцы автоматически сжимаются вокруг ножа в кармане. Лезвие острое. От этого я чувствую себя лучше. У меня слабость к острым ножам, и я чертовски уверена в том, что знаю, как надрезать кожу. Если у меня есть ключ, то и у них есть ключ. Я могу подождать их здесь, или могу спуститься вниз сама. Предпочитаю второй вариант, который, как мне кажется, даёт мне небольшое преимущество.

Я иду быстро, обходя рвоту, и хватаю ключ. Прежде чем могу подумать о том, что делаю, я приседаю над люком и сую ключ в замочную скважину.

Металл трётся об металл, и... *щелчок*.

Использую здоровую руку, чтобы открыть люк. Это чертовски тяжело. Осторожно, чтобы не шуметь, поднимаю его. И смотрю в темноту. Там лестница. В нижней части лестницы круглый ковёр и прихожая. Я не могу видеть дальше, чем на несколько футов. Собираюсь слезть вниз. Размещаю нож между зубами и начинаю считать ступеньки, спускаясь.

Один... два... три... четыре... пять... шесть. Мои ноги касаются ковра. Пол ледяной. Холод поднимается вверх по ногам. Ну, почему я не подумала найти обувь?

Я держу нож на расстоянии вытянутой руки, готовая нанести удар любому, кто на меня выскочит. Буду колоть в глаза и если не смогу добраться до них — то в яйца. Всего один острый удар, и, когда он скукожится, я побегу. Теперь, когда у меня есть план, я оглядываюсь вокруг. Надо мной потолочное окно; словно лазерные, тонкие лучи солнца проходят через него и падают на деревянный пол. Переступаю через них, мои глаза выискивают скрытого захватчика.

Я в конце коридора: деревянные полы, деревянные стены, деревянный потолок. Там три двери: две слева, одна справа. Все они закрыты. Прямо позади меня стена, а также лестница, по которой я спустилась. В конце коридора вижу ступеньки. Я решила, куда пойду сначала. Если кто-то выскочит из-за одной из этих дверей, я уже буду на пути к выходу. В глубине моего мозга что-то шепчет, что всё не будет так легко. Иду на цыпочках мимо дверей и останавливаюсь на ступеньках. Нож зажат в руке, хотя сейчас он кажется крохотным, если учитывать ситуацию.

Очевидно, я в хижине. Вижу большую открытую кухню слева, вниз по лестнице. Справа гостиная с толстым, кремового цвета ковром. Везде устрашающе тихо. Крадусь вниз по лестнице, спиной к стене. Если я доберусь до двери, то смогу убежать. Получить помощь. Мой разум воспроизводит бесконечный снег, который запечатлел из окна в круглой комнате. Я отодвигаю эту мысль. Там будет кто-нибудь... дом... или, может быть, магазин. *Боже, почему я не подумала взять обувь?* Одни только действия, без мозгов. Я собираюсь нырнуть в трёх футовый снег босыми ногами. Входная дверь прямо внизу лестницы. Я оглядываюсь на верхний этаж, чтобы убедиться, что никто не следует за мной, а потом несусь к ней. Она заперта.

Рядом с дверью цифровая панель. У неё электронный замок. Я собираюсь найти другой выход. Меня снова трясёт. Если кто-то нападёт на меня сейчас, вряд ли я буду в состоянии держать нож достаточно крепко, чтобы защитить себя. Я могла бы разбить окно. Кухня находится левее от меня. Проверяю там, в первую очередь. Она прямоугольная. Сверкающие

приборы из нержавеющей стали. Выглядят совершенно новыми.

Господи, где я? На кухне большое окно во всю длину стены, его непрерывность нарушается только холодильником. В углу тяжёлый круглый стол с двумя изогнутыми скамейками по бокам. Я открываю все ящики, пока не нахожу тот, который с ножами. Хватаю самый большой, проверяя его вес в руке, прежде чем бросаю мой крохотный нож на стойку. Подумав, вновь возвращаю его в карман.

Теперь, когда у меня есть оружие, настоящее оружие, я направляюсь в гостиную. Одна из стен занята книгами, на другой камин. Диван и кресло расположены вокруг журнального столика. Там нет выхода. Ищу, чем бы разбить окно. Журнальный столик выглядит слишком тяжёлым, чтобы я могла поднять его, особенно с растяжением руки. Когда я приглядываюсь более внимательно, то вижу, что он прикручен к полу. Там нет стульев. Я возвращаюсь на кухню, открывая каждый шкаф и ящик; моё отчаяние растёт, ведь с каждой секундой я рискую быть обнаруженной. Там нет ничего достаточно большого или достаточно тяжёлого, чтобы разбить окно. С отчаянием я понимаю, что должна буду вернуться наверх.

Это может быть ловушкой. Может быть, кто-то прячется за одной из дверей. Но зачем давать мне ключ от комнаты, в которой я была заперта, если бы меня хотели схватить? Это такая игра? Всё моё тело дрожит, когда я поднимаюсь вверх по лестнице. Я не плакала годами, а сейчас чувствую, что близка к слезам как никогда. *«Переставляй ноги, Сенна, и если кто-то выскочит на тебя, используй нож и перережь его пополам»*. Я между дверями. Выбираю одну, ту, что слева, кладу руку на ручку и поворачиваю. Слышу своё дыхание: рваные, холодные, испуганные вздохи.

Она не заперта.

— О, Боже.

Хлопаю рукой по рту и сжимаю своё оружие крепче. Не опускаю нож и держу его готовым к действию. Я делаю шаг на ковёр, мои пальцы заворачиваются вокруг ворса, как будто им необходимо за что-то держаться. Кровать с балдахинном находится у дальней от меня стены. Похожа на постель ребёнка, в плане дизайна, но по размеру больше королевского. На двух столбиках карусельные лошади в натуральную величину, их древки исчезают в деревянных балках на потолке. Камин слева от меня, окно справа. Я с трудом дышу. Сначала зажигалки, затем ключ, а теперь... это.

Как можно быстрее я выхожу оттуда. Закрываю дверь позади себя. Есть ещё одна, более пугающая, чем предыдущая. Либо это просто моя интуиция, или же здесь последнее место, где мой похититель может скрываться? Я стою перед ней долгое время, моё дыхание клубится в воздухе, и окоченевшие пальцы здоровой руки сжимают маленький нож. Хватаюсь за ручку травмированной рукой и вздрагиваю, когда боль стреляет по руке. Открываю дверь настежь и жду. В комнате темно, но до сих пор никто не выскочил на меня. Я делаю шаг вперёд и нащупываю выключатель.

И тогда я слышу его — мужской стон, глубокий и гортанный. Я пчусь из комнаты, направляя нож на звук. Хочу убежать, подняться вверх по лестнице и запереться в круглой комнате. Но не делаю этого. Если я не найду того, кто привёл меня сюда, то он будет меня искать. Я не буду жертвой. Не снова. Моё сердце бьётся с перебойми. Стон внезапно прекращается, словно там поняли, что я здесь. Я слышу, как он дышит. Интересно, слышит

ли он меня. Шум возобновляется, приглушённые слова, в этот раз он как будто говорит сквозь что-то. Слова... Слова, которые звучат, как: «ПОМОГИ МНЕ» Это может быть ловушка. Что мне делать? Я иду прямо в неё.

Никто не нападает на меня, но моё тело напряженно и готово к действиям. Глубокие стоны «*О-о-о-о-о-ги, о-о-о-о-о-ги*» становятся более настойчивыми. Ищу выключатель, и это означает, что я должна переложить нож в ушибленную руку. Не важно, если кто-то нападёт на меня, я выдержу любую боль, только чтобы вспороть их. Нащупываю его: широкий, плоский квадрат, который нужно подтолкнуть вниз двумя пальцами. Пока загорается свет, я быстро перекидываю нож обратно в здоровую руку. Комната освещается жёлтым, цвета мочи, светом. Он мерцает, прежде чем устанавливает связь с источником тока, и начинает жужжать.

Я моргаю от внезапной перемены освещённости. Моя рука с ножом ударяет воздух. Передо мной никого нет, никакого врага, но есть кровать. На ней мужчина. Его руки и ноги привязаны к четырём столбам белыми лоскутами. Он с завязанными глазами и кляпом во рту, из той же белой ткани. Я в шоке наблюдаю, как его голова дёргается из стороны в сторону. Мышцы мужских рук туго натянуты, так что я могу видеть очертания каждого мускула, от начала и до конца. Спешу вперёд, чтобы помочь ему, но останавливаюсь. Я до сих пор могу быть в опасности. Это может быть ловушкой. Он может быть ловушкой.

Иду осторожно, всматриваясь в углы комнаты, как будто кто-то может выйти из деревянных стен. Резко оборачиваюсь к двери, в которую вошла, чтобы убедиться, что никто не крадёт за мной. Я продолжаю оглядываться, пока не добираюсь до кровати. Моё сердце колотится до боли. Я вращаю запястьем руки, которая сжимает нож. Рядом с кроватью находится дверь. Я открываю её пинком, и мужчина замирает, его лицо повернуто ко мне, его дыхание становится тяжёлым. У него тёмные волосы... на лице довольно много щетины. В ванной комнате пусто, занавеска отодвинута, как будто мой похититель старался — в последнюю минуту — успокоить меня, что его там нет. Я выхожу из ванной. Мужчина больше не борется. Повернувшись спиной к стене, я тянусь к нему и дёргаю с его глаз повязку и кляп. Наполовину опираюсь на него, когда мы видим друг друга впервые. Я вижу его шок. Он видит мой. Мужчина быстро моргает, как будто пытается прояснить взгляд. Я роняю нож.

— О, господи. — Я произношу второй раз. Не хочу, чтобы это стало моей привычкой. Я не верю в Бога.

— О, господи, — говорю я снова. Медленно опускаюсь на колени, не отводя глаз от него и двери, пока не поднимаю своё оружие. Я пачусь назад. Мне нужно какое-то расстояние между нами. Я продвигаюсь к двери, но потом понимаю, что могу попасть в

засаду сзади. Я разворачиваюсь и выпячиваю свой нож. Позади меня ничего нет. Снова разворачиваюсь, направляю свой нож на мужчину в постели. Этого не может быть. Это безумие. Я схожу с ума. Прижимаюсь спиной к ближайшей стене. Это единственный способ почувствовать относительную безопасность, так я могу видеть комнату и не чувствовать, будто кто-то подкрадывается сзади.

— Сенна? — слышу своё имя. Я смотрю на него. В любую минуту я ожидаю, что очнусь от этого кошмара. Буду в своей постели, под своим белым одеялом, в своей пижаме.

— Сенна, — задыхаясь, произносит он. — Освободи меня... пожалуйста...

Я колеблюсь.

— Сенна, — говорит он снова. — Я не собираюсь делать тебе больно. Это я.

Мужчина опускает голову на подушку и закрывает глаза, мучаясь от нестерпимой боли.

Крепко держу нож и разрезаю белую ткань, которой связаны его руки. Я едва могу дышать, не говоря уже о том, чтобы видеть. Задеваю его кожу кончиком ножа. Он вздрагивает, но не подаёт ни звука. Я зачарованно наблюдаю, как его кровь скапливается, прежде чем начинает стекать по руке.

— Мне очень жаль, — произношу я. — Мои руки дрожат. Я не могу...

— Всё в порядке, Сенна. Не торопись.

«Забавно», — думаю я. — «Он тот, кто связан, и успокаивает меня».

Я проделываю то же самое с другой рукой, и мужчина берёт у меня нож, освобождая ноги. Начинаю паниковать. Я не должна была отдавать ему свой нож. *Он может быть... он может быть одним из...*

В этом нет смысла.

Освободившись, мужчина спрыгивает с кровати и массирует свои запястья. Я делаю шаг назад... к двери. Единственное, во что он одет — это пара тонких пижамных штанов. Думаю, *кто-то одел его в них, как и меня.*

И тогда я произношу его имя в уме: *«Айзек Астерхольдер».*

Когда он смотрит на меня, его глаза сужаются.

— Есть ли здесь кто-то ещё? Ты видела...

— Нет, — прерываю я его. — Не думаю, что здесь кто-то есть.

Айзек сразу же направляется к двери. Я вздрагиваю, когда он проходит мимо меня. Хочу назад свой нож. Задерживаюсь в дверях, не уверенная, чему доверять. Всё же я иду за ним. Он обыскивает комнаты, пока я бережно удерживаю своё запястье. Если кто-то и нападёт на нас, то будет нашей первой целью. Мне нужно что-то острое, чтобы я могла бы держать в руке. Мы спускаемся по лестнице, и Айзек пытается открыть входную дверь, сильно дёргает, и когда она не открывается, ударяет кулаком по дереву и ругается. Я вижу, что его взгляд останавливается на клавиатуре, но он не касается её. Клавиатура внутри дома. Тот, кто закрыл нас здесь, оставил нам возможность выйти.

После того, как Айзек тщательно обыскал оба этажа, он ищет что-нибудь, чем можно было бы разбить окно.

— Мы могли бы поднять скамейки, — предлагаю я, указывая на деревянный стол в кухне.

Айзек потирает виски.

— Хорошо, — отвечает он. Но когда мы пытаемся поднять его, то обнаруживаем гладкие, бронзовые болты, крепящие стол к полу. Он проверяет остальную мебель. То же

самое. Всё, что достаточно тяжёлое, чтобы разбить окно, крепится к полу.

— Мы должны выйти, — настаиваю я. — Может, есть какие-то инструменты, чтобы отвинтить эти болты. Мы можем найти помощь, прежде чем тот, кто привёз нас сюда, вернётся. Недалеко отсюда должно быть что-нибудь, куда мы сможем пойти...

Неожиданно рассердившись, он поворачивается ко мне.

— Сенна, неужели ты думаешь, что кто-то пойдёт на все неприятности и трудности связанные с тем, чтобы похитить нас и запереть в доме, а затем даст нам легко уйти?

Я открываю и закрываю рот. *Похищены*. Мы были похищены.

— Не знаю, — отвечаю я. — Но мы должны хотя бы попытаться!

Айзек открывает и закрывает ящики, роясь в них. Он распахивает холодильник, и его лицо заметно бледнеет.

— Что? Что там? — я бегу вперёд, чтобы узнать, что он там увидел. Холодильник большой, промышленный. Каждая полка заполнена до последнего дюйма, чтобы сэкономить место. То же самое в морозильной камере: мясо, овощи, мороженое, банки замороженного сока. У меня от всего кружится голова. Здесь достаточно пищи, чтобы прокормиться в течение нескольких месяцев. Хватаю большую банку консервированных томатов и бросаю её в окно так сильно, как могу. Я бросаю её левой рукой, но страх придаёт ей впечатляющую скорость. Она глухо ударяет об окно и падает на подоконник, прокатываясь назад на пол. Мы смотрим на неё, помятую с одной стороны, в течение нескольких минут, прежде чем Айзек наклоняется, чтобы её поднять. Он пытается сам, тянет руку назад, как питчер (*Прим. ред.: подающий в бейсболе*

— это игрок, который бросает мяч с питчерской горки к дому, где его ловит кетчер и пытается отбить бьющий

), и со всей силы выпускает банку из руки. На этот раз стук громче, но результат тот же. Я бегу обратно к входной двери и бросаюсь на ручку. Я кричу, стучу кулаками по дереву, не обращая внимания на жгучую боль в руке. Мне необходимо чувствовать боль, я хочу её. Колочу так с минуту, пока не чувствую на себе руки Айзека. Он оттаскивает меня.

— Сенна! Сенна! — трясёт меня Айзек. Я смотрю на него, моё дыхание учащается. Он наверно, увидел что-то в моих глазах, потому что обнимает. Я дрожу напротив его тепла, пока Айзек не отстраняется от меня.

— Дай мне взглянуть на запястье, — произносит он мягко. Я протягиваю руку, вздрагивая, когда Айзек осторожно тычет в запястье холодными пальцами. Мужчина кивает в знак одобрения моей импровизированной повязке. — Это растяжение, — говорит он. — Ты так проснулась?

Я качаю головой.

— Я упала... наверху.

— Где ты очнулась?

Рассказываю ему про комнату вверх по лестнице и о том, как я нашла ключ.

— Думаю, меня накачали наркотиками.

Он кивает.

— Да, нас обоих. Давай взглянем на эту комнату. Кроме того, если здесь есть электричество, то должно быть отопление. Нам нужно найти термостат.

Мы начинаем подниматься по лестнице.

Я смотрю на лицо Айзека. Его тёмные глаза выглядят мутными, как будто он отходит от

дозы, учитывая то, что он никогда не принимал наркотики. Даже анальгетики. Я так много знаю о нём. Это то, что шокирует меня больше всего. Почему я здесь? Почему я здесь с ним?

Айзек поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Как будто действительно видит меня впервые. Замечаю, как поднимается и опускается его грудь, будто он борется за дыхание. Так же было и со мной пятнадцать минут назад. Его глаза исследуют моё лицо, прежде чем он говорит:

— Что ты помнишь?

Качаю головой.

— Я ужинала в Сиэтле. Закончила около десяти. Остановилась на заправке по пути домой. Вот и всё. А ты?

Он опускает взгляд, хмуря брови.

— Я был в больнице, только закончил смену. Солнце вставало. Помню, как остановился, чтобы посмотреть на него. И после ничего.

— Это не имеет смысла. Зачем кому-то привозить нас обоих сюда?

Я думаю о зажигалках, и ключе, и карусели в комнате, а затем выкидываю эти мысли из головы. Совпадение. И тут же смеюсь про себя.

— Я не знаю, — отвечает Айзек. Не думаю, что когда-либо слышала, как он говорит такое. Думаю обо всём том времени в своей жизни, когда я рассчитывала на его ответы — требовала ответы — и они у него всегда были.

Но это было тогда...

Он проводит рукой по щетине, и я замечаю глубокие фиолетовые синяки на запястьях, где ткань врезалась в кожу. Как долго он был связан? Как долго я была без сознания?

— Мы должны включить отопление, — говорит Айзек.

— Я зажгла огонь... в комнате вверх по лестнице.

Мы ищем термостат. Я заметила, как побелели костяшки его пальцев вокруг ножа. Мы находим его за дверью комнаты с каруселью. Он настраивает его на тепло.

— Если есть электричество, мы должны быть рядом с каким-нибудь селением, — говорю я с надеждой. Он качает головой.

— Не обязательно. Это может быть генератор. И всё может быть ненадолго.

Я киваю, но не верю ему.

Мы поднимаемся в круглую комнату, чтобы сидеть у огня и ждать, когда прогреется дом. Айзек заставляет меня идти первой. Когда я наверху, он оглядывается через плечо последний раз, а затем быстро поднимается, присоединяясь ко мне. Закрываем люк и запираем его. Мы пытаемся водрузить над ним шкаф, но он тоже прикручен болтами. Огонь, который я развела, угасает. Есть три дополнительных бревна. Я тянусь к одному и подкидываю его в огонь, пока Айзек осматривается.

— Как думаешь, где мы? — спрашиваю я, когда он подходит, чтобы сесть на пол рядом со мной, и кладёт нож между нами. От этого я чувствую себя лучше. Не доверяю даже себе. Если Айзек не прячет оружие от меня — это хорошо.

— Так много снега? Кто знает? Мы можем быть где угодно.

«Мы нигде», — думаю я.

— Как ты освободилась?

— Что? — я не понимаю, о чём он говорит, пока до меня не доходит то, что Айзек думает, что я тоже была связана.

— Я не была связана, — отвечаю ему.

Он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Мы сидим так близко, что пары нашего дыхания смешиваются в воздухе. У него тёмная щетина. Я хочу коснуться её, просто чтобы почувствовать что-то острое и реальное.

Его глаза всегда интенсивные, два тёмных мыслящих бассейна. Он почти никогда не моргает. Это нервировало меня в самом начале, когда я впервые встретила с ним, но через некоторое время стала это ценить. Айзек будто боялся что-то пропустить. Его пациенты, которые также заметили это, говорили, что они оценили отсутствие моргания во время операции. «*Вы знаете, доктор Астерхольдер никогда не проколет вены*», — в больнице была такая шутка.

Почему мне не заткнули рот, не завязали глаза и не привязали мои конечности к столбам моей же постели?

— Чтобы ты смогла освободить меня, — говорит он, читая мои мысли.

Холодок бежит по моей спине.

— Айзек, я боюсь.

Он придвигается и обнимает меня за плечи.

— Я тоже.

Когда дома теплеет, а наши конечности снова могут двигаться, мы открываем люк и спускаемся вниз. И теперь сидим за столом на кухне друг против друга. У наших глаз остекленевший взгляд двух человек, находящихся в шоке. Хотя я не сомневаюсь, что мы будем быстры как кошки, если понадобится действовать. Прикасаюсь к ручке ножа. Айзек и я положили свои ножи на стол перед собой, их остриё направлены в сторону другого. Ему не обязательно что-то говорить мне, чтобы знать, что у него на лице написано подозрение. Как и у меня. Мы выглядим глупо: похищены, заперты в доме и ожидаем, что тот, кто это сделал, вернётся.

— Выкуп, — говорю я. Мой голос скрипит. Он застревает в горле, прежде чем я могу сказать что-нибудь ещё. Сглатываю и смотрю на Айзека.

Он рыщет глазами по углам комнаты. Его нога дёргается вверх и вниз, я могу чувствовать вибрации через дерево. Каждые несколько минут Айзек переводит глаза от окна к двери.

— Может быть...

Ощущаю паузу, после «*может быть*». Он хочет сказать больше, но мне не доверяет. И если бы я действительно вникла в свою теорию, она, скорее всего, развалилась бы. Похищения с целью выкупа быстрые и грязные; пистолет, приставленный к голове, скорые требования. Без клавиатуры на двери и достаточного количества продовольствия, чтобы

переждать одну из долгих зим как в книгах Джорджа Мартина (*Прим. ред.: Джордж Рэймонд Ричард Мартин — современный американский писатель-фантаст, сценарист, продюсер и редактор, лауреат многих литературных премий*). Я кладу руки на стол, кончики пальцев повернуты внутрь, и опускаю на них подбородок. Мой мизинец касается ручки ножа.

Мы ждём.

В хижине столь устрашающе тихо, что мы могли бы услышать приближающийся автомобиль или человека за милую душу, но мы всё же продолжаем прислушиваться. *Ожидание... ожидание*. Наконец, Айзек встаёт. Я слышу, как он ходит из комнаты в комнату. Интересно, он что-то ищет, или ему просто нужно двигаться. Понимаю, что, скорее всего, последнее. Он не может сидеть на месте, когда нервничает. Когда мужчина возвращается на кухню, я нарушаю молчание:

— Что, если они не вернутся?

Он долго не отвечает.

— Здесь есть кладовая, вон там, — Айзек кивает в сторону узкой двери левее стола. — Она снабжена продовольствием, достаточным, чтобы продержаться несколько месяцев. Там двадцатикилограммовый мешок муки. Но дров достаточно только на несколько недель. Четыре, самое большее, если мы их растянем.

Не хочу думать о гигантском мешке муки, поэтому притворяюсь, будто не слышала его. Однако дрова меня беспокоят. Мне бы не хотелось замёрзнуть. Снаружи много деревьев. Если бы мы могли выйти на улицу. У нас были бы дрова.

— Комната с каруселью, — произносит он. — Не считаешь ли ты это странным? — голос мужчины ясный и чёткий. Тот, который Айзек использует с пациентами. Я не одна из его пациентов, и мне совсем не нравится, что врач так со мной говорит.

— Да, — просто отвечаю я.

— Книга? — его голос становится хриплым. — Там не было ничего о карусели, не так ли?

— Нет, — говорю я. — Не было.

В этом не было необходимости.

— Как думаешь, может ли это быть один из твоих поклонников? Кто-то одержимый?

Не хочу думать об этом, но это уже приходило мне в голову. Я не хочу быть ответственной за всё.

— Возможно, — произношу я осторожно. — Но это не объясняет твоего нахождения здесь.

— Получала ли ты какие-либо угрозы, странные письма?

— Нет, Айзек.

Он поднимает на меня взгляд, когда я называю его имя.

— Сенна, необходимо хорошенько подумать. Это может иметь значение.

— Я думаю! — огрызаюсь я. — Не было никаких странных писем, даже по электронной почте ничего не приходило. Ничего!

Он кивает и идёт к холодильнику.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, поворачиваясь на сидении, чтобы видеть его.

— Приготовлю нам что-нибудь поесть.

— Я не голодна, — произношу быстро.

— Мы не знаем, как долго были без сознания. Ты должна поесть и выпить что-нибудь,

или будешь обезвожена.

Айзек начинает доставать продукты из холодильника и выкладывать их на столешницу. Он достаёт стакан, наполняет его водой из-под крана, и протягивает мне. У воды странный цвет.

Я беру его. Как можно есть или пить сейчас? Заставляю себя проглотить воду, потому что он стоит надо мной в ожидании.

Смотрю невидящим взглядом на снег снаружи, в то время как Айзек хлопочет у плиты. Печь газовая и выглядит совершенно новой.

Затем мужчина возвращается к столу, держа две тарелки, каждая из которых с омлетом. Запах вызывает у меня тошноту. Он ставит одну передо мной, и я беру вилку. Оружие у нас есть, его так много: вилки, ножи... можно предположить, что если бы кто-то и вернулся, то не оставил бы нам все эти вещи, с помощью которых мы могли бы напасть на него. Я озвучиваю свои мысли, и Айзек кивает.

— Знаю.

Конечно, он уже думал об этом. Всегда на два шага впереди...

— Твои волосы изменились, — говорит мужчина. — У меня ушла минута, прежде чем я узнал тебя... наверху.

Я таращусь на него. Неужели мы на самом деле говорим о моих волосах? Остро осознаю свою седую прядь. Проверяю, что хорошенько спрятала её за ухом.

— Я отрастила их.

Положить еду в рот, разжевать, проглотить, положить еду в рот, разжевать, проглотить.

Мы больше не говорим о моих волосах. Когда я доедаю, то объявляю, что мне нужно в туалет. И прошу его пойти со мной. Здесь только один туалет, и он в спальне, где я нашла Айзека. Он ждёт за дверью с ножом в руке. Прежде чем мы покинули кухню, Айзек прихватил тот, который больше. Это почти смешно, но не совсем. Большой нож, большая рана. Я выбрала себе нож для стейка. Он прост в обращении и чертовски острый.

Я облегчаюсь и подхожу к раковине, чтобы вымыть руки. Над ней висит зеркало. Смотрю на себя и вздрагиваю. Мои волосы безжизненные и жирные, и эта широкая двухсантиметровая седая прядь, которая появилась, когда мне было двенадцать, выделяется на фоне бледного лица. Я делала всё, чтобы избавиться от неё: закрашивала, отрезала, выдёргивала волосок за волоском. Цвет не становился серым. Я просидела в десятках парикмахерских на протяжении многих лет, и каждый стилист говорил мне то же самое: «В этом нет смысла... она не принимает цвет». Независимо от того, что я делаю, она всегда возвращается, словно упрямый сорняк. В конце концов, я сдалась. Старая часть меня победила.

Открываю воду, она шипит и в течение нескольких секунд напоминает приступ кашля, прежде чем начинает течь слабой коричневой струёй. Я брызгает на лицо и немного пробую. На вкус она противная. Ржавчина и грязь.

Когда я выхожу из ванной, Айзек протягивает мне свой нож мясника. Я должна положить свой нож на пол, чтобы держать его, так как моё запястье повреждено.

— Мне тоже нужно, — говорит он. — Не дай плохим ребятам добраться до нас.

Я улыбаюсь — на самом деле улыбаюсь — когда мужчина закрывает дверь. Его юмор всегда проявляется в самые неожиданные моменты. Не думаю, что когда-либо буду в

милости у кого-то.

Когда он выходит, его лицо вымыто, а волосы влажные. Тонкая струйка воды стекает с виска.

— И что теперь? — спрашиваю я.

— Ты устала? Мы могли бы отдохнуть по очереди. Хочешь спать?

— Конечно, нет!

Он смеётся.

— Да, я понимаю.

И тогда наступает длинная неловкая пауза.

— Я хотела бы принять душ, — произношу я. То, чего я не добавляю — это *в случае, если этот больной мудака касался меня...*

Айзек кивает. Я поднимаюсь вверх по лестнице, чтобы взять что-нибудь чистое из одежды. Меня мутит от мысли о том, что кто-то выбрал и повесил здесь её для меня. Я бы хотела свою, но, даже пижама, которая до сих пор на мне, не моя. Изучаю содержимое гардероба. Почти каждый предмет гардероба я выбрала бы для себя, за исключением цвета. Его слишком много. Это жутко. Кто может знать меня достаточно хорошо, чтобы купить мне шмотки? Одежду, которая на самом деле мне нравится? Я снимаю с вешалки кофту для йоги с длинными рукавами и нахожу под ней соответствующие штаны. В ящике я нахожу разнообразные трусики и бюстгальтеры.

О, Боже!

Решаю остаться без них. Не могу носить нижнее бельё, которое какой-то психопат купил и сложил в ящик. Это будет, как будто он касается меня... там. Я захопываю ящик.

Айзек помогает мне спуститься по лестнице. После моей атаки на дверь, запястье опухло вдвое.

— Держи его выше и подальше от горячей воды, — говорит он, прежде чем я захожу в ванную.

Я нахожу мыло и шампунь под раковиной. Общеизвестный бренд. Мыло белое и пахнет бельём. Принимаю душ пять минут, хотя и хочу остаться ещё. Коричневатая вода никогда не становится действительно горячей и у неё странный запах.

Я выхожу и вытираюсь полотенцем лимонного цвета, которое висит на стойке с полотенцами. Такой весёлый цвет. Так иронично. И так любезно повешено здесь для нас. Вытираю руки и ноги, пытаюсь впитать все капли. Жёлтый, чтобы смягчить шок от снега, тюрьмы и похищения. Может быть, тот, кто притащил нас сюда, подумал, что цвет этого полотенца сможет предотвратить депрессию. Я с отвращением бросаю его на пол. И затем начинаю смеяться, грубо и резко.

Я слышу, как Айзек легко стучит в дверь.

— Ты в порядке, Сенна?

Его голос приглушённый.

— Я в порядке, — кричу в ответ. И смеюсь так громко, что он открывает дверь и позволяет себе войти.

— Я в порядке, — отвечаю его заинтересованному лицу, пытаюсь заглушить свой смех. Затыкаю смех рукой, и из моих глаз начинают течь слёзы. Я смеюсь так сильно, что мне необходимо упереться об раковину.

— В порядке, — задыхаюсь я. — Разве это не самая сумасшедшая вещь, что ты когда-нибудь слышал? Как будто я могу быть в порядке. Ты в порядке?

Я вижу, как мышцы на его щеке дёргаются. Цвет глаз Айзека металлический, как консервная банка.

Он тянется ко мне, но я отталкиваю его руку. Перестаю смеяться.

— Не прикасайся ко мне. — Я говорю это громче и жёстче, чем предполагала.

Он сжимает губы и кивает. До него доходит. Я сумасшедшая. Это не ново. Сажу на кровати с ножом и смотрю на дверь, пока Айзек принимает душ. Если кто-то войдёт в комнату прямо сейчас, будет бесполезно, с ножом я или нет. Чувствую, что моё тело здесь, но остальная часть меня в глубокой яме. Я не могу их объединить.

Айзек принимает душ быстрее, чем я. Прихожу немного в себя, когда он появляется. На нём полотенце. Он направляется к шкафу. Я вижу, что он смотрит на одежду так же, как и я. Айзек ничего не говорит, но потирает чёрный хлопок рубашки между большим и указательным пальцами. Я дрожу. Даже если это был один из моих поклонников, почему Айзек? Смотрю на нож, пока он одевается в ванной. Он новый, лезвие блестящее. «*Куплен специально для нас*», — думаю я.

За неимением того, чем заняться, мы спускаемся вниз по лестнице, чтобы ждать. Айзек подогревает две банки супа и кладёт несколько замороженных булочек в духовку. Я на самом деле чувствую голод, когда он протягивает мне тарелку.

— Снаружи всё ещё светло. Сейчас уже должно быть темно.

Он смотрит на свою еду, целенаправленно избегая моего взгляда.

— Почему, Айзек?

Тем не менее, мужчина не смотрит на меня.

— Как думаешь, мы на Аляске? Как они, чёрт возьми, смогли провести нас через канадскую границу?

Я встаю и начинаю кружить по кухне.

— Айзек?

— Я не знаю, Сенна, — отрезает он. Я останавливаюсь и смотрю на него. Его голова опущена над едой, но взгляд поднят на меня. Наконец, мужчина вздыхает и опускает ложку. Айзек медленно ею вращает против часовой стрелки, пока она не делает полный круг.

— Вполне возможно, что мы находимся на Аляске, — произносит он. — Почему бы тебе не отдохнуть? Я останусь следить.

Киваю. Я не устала. Или, может быть, да. Ложусь на диван и притягиваю ноги к груди. Мне так страшно.

Никто не приходит. Ни в течение двух дней, ни трёх. Мы с Айзеком почти не разговариваем друг с другом. Мы едим, принимаем душ, переходим из комнаты в комнату, словно беспокойные тени. А как только заходим в комнату, наши глаза направляются к месту, где мы спрятали ножи. *Придётся ли нам использовать их? Как скоро? Кто выживет,*

а кто умрёт? Это худшая форма пытки, которую человек только может себе представить — ждать смерти. Я вижу эту неопределённость в темных кругах, которые проступают вокруг глаз Айзека. Он спит меньше, чем я. Знаю, что не могу выглядеть по-другому, и это разъедает нас.

Страх...

Страх...

Страх...

Мы утоляем беспокойство бесполезным времяпровождением: пытаюсь разбить окна, пытаюсь открыть дверь, пытаюсь не сойти с ума. Мы так устали от попыток, что смотрим на вещи... часы напролёт: картина с двумя воробьями, которая висит в гостиной, ярко-красный тостер, клавиатура на входной двери, которая является порталом к нашей свободе. Айзек смотрит на снег больше, чем на что-либо ещё. Он стоит у раковины и смотрит в окно, пока тот медленно падает.

На четвёртый день я так устала от рассматривания вещей, что осмеливаюсь спросить Айзека о его жене. Я заметила, что его обручального кольца не хватает, и задаюсь вопросом, снял ли *он* украшение, или же это сделали *они*. Почти инстинктивно пальцы Айзека тянутся к призраку кольца.

Они сняли его», — предполагаю я.

Мы сидим на кухне, доедая свой завтрак из овсянки. Мои обгрызенные до мяса ногти болят. Он только прокомментировал насколько огромный и неуклюжий стол: большой, круглый блок из дерева поддерживается цилиндрическим основанием, которое толще, чем стволы двух деревьев.

Сначала Айзек выглядит встревоженным из-за того, что я спросила. Затем что-то изменяется в его глазах. Он не успевает это скрыть. Я вижу каждую частичку эмоций, и мне больно.

— Она онколог, — говорит мужчина. Я киваю, мой рот сухой. Она как раз для него.

— Как её зовут?

Я уже знаю, как её зовут.

— Дафни, — отвечает он. *Дафни Акела.* — Мы женаты два года. Вы как-то встречались.

Да, я помню.

Он чешет голову, прямо над ухом, затем приглаживает волосы ладонью.

— Что Дафни будет делать прямо сейчас... когда ты пропал? — спрашиваю я, подгибая ноги под себя.

Айзек прочищает горло.

— Будет беспокоиться, Сенна.

Это сухое заявление с очевидным ответом. Я не знаю, почему спросила об этом. Наверное, только чтобы быть жестокой. Никто не ищет меня, за исключением разве что средств массовой информации. *Автор бестселлера исчезла.* А у Айзека много людей. Людей, которые его любят.

— Что насчёт тебя? — спрашивает он, переводя тему на меня. — Ты замужем?

Я тереблю свой серый локон, накручивая его на палец и убирая за ухо.

— Тебе действительно нужен ответ?

Он холодно смеётся.

— Нет, полагаю, что нет. У тебя есть кто-нибудь?

— Не-а.

Айзек сжимает губы и кивает. Он тоже знает меня... вроде того.

— Что случилось с...

Прерываю его:

— Я не говорила с ним в течение длительного времени.

— Даже после того, как написала книгу?

Я кладу ложку с остывшей овсянкой в рот и посасываю затвердевшие зёрна.

— Даже после выхода книги, — отвечаю, не поднимая глаз. Хочу спросить, читал ли он её, но я слишком труслива.

— У него, вероятно, тоже сейчас есть своя Дафни. Ты не полноценный человек, если у тебя никого нет, верно? Найти свою вторую половинку или любовь всей жизни... или как там об этом говорится. — Я отмахиваюсь, как будто меня это не волнует.

— У людей есть потребность чувствовать связь с кем-то ещё, — произносит Айзек. — В этом нет ничего плохого. Также нет ничего плохого в том, чтобы держаться от этого подальше, если ты сильно обожглась.

Моя голова дёргается вверх. Что? Неужели Айзек думает, что он заклинатель душ?

— Мне никто не нужен, — уверяю я его.

— Знаю.

— Нет, ты этого не знаешь, — настаиваю я.

И плохо себя чувствую от того, что злюсь на него, тем более что я инициировала этот разговор. Но мне не нравится то, что он намекает на то, что *знает* меня, или нечто подобное.

Айзек смотрит в свою пустую миску.

— Ты так уверена в себе, что иногда я забываю заботиться о тебе. Ты в порядке, Сенна? Тебя...

Я прерываю его:

— Я в порядке, Айзек. Давай не будем об этом. — Я встаю. — Собираюсь поюзаться с клавиатурой.

Чувствую его взгляд на себе, пока ухожу. Я встаю у двери и начинаю нажимать комбинации случайных чисел. Мы по очереди пытаемся угадать четырёхзначный код. Довольно глупая идея, так как есть десять тысяч возможных комбинаций. Но ввиду того, что нам нечего делать, почему бы и не попробовать? Айзек нашёл ручку, и мы записываем коды на стене рядом с дверью, чтобы не повторяться.

Мы спрятали ножи в каждой комнате дома: ножи для стейка под каждым матрасом, зазубренный нож длиной с моё предплечье под диванными подушками в маленькой гостиной, нож мясника в ванной комнате под раковиной, нож с резьбой наверху в коридоре на подоконнике. *«Мы должны найти более подходящее место для ножа наверху»*, — продолжаю думать я. Любой желающий может схватить его. *Кто угодно. Взять... его...*

Мой палец висит над кнопкой 5. Я чувствую, что мою грудь медленно сжимает, будто невидимый удав обвил тело. Моё дыхание учащается, слишком быстро. Я разворачиваюсь, пока не упираюсь спиной в дверь, и скольжу вниз, пока не оказываюсь на полу. Не могу отдышаться. Тону в море воздуха, его полно вокруг меня, но я не могу получить достаточно для своих лёгких, чтобы выжить.

Айзек, должно быть, услышал моё свистящее дыхание. Он выбегает из-за угла и

приседает передо мной.

— Сенна, Сенна! Посмотри на меня! — нахожу его лицо и пробую сосредоточиться на глазах Айзека. Если бы я только могла отдышаться...

Он берёт меня за руку, его голос умоляет меня:

— Сенна, дыши. Ровно и медленно. Ты слышишь меня? Постарайся подстроить дыхание под мой голос.

Я пытаюсь. Его голос особенный. Я могла бы узнать его в группе голосов. Он на октаву выше альта. Достаточно глубокий, чтобы усыпить вас, и достаточно мелодичный, чтобы держать в бодрствовании. Слежу за его речью, пока он говорит со мной — растянутые согласные, небольшая хрипотца над его «э». Я разглядываю рот Айзека. Его резцы слегка перекрывают два передних зуба, которые также пересекаются; эдакое совершенство в несовершенстве. Постепенно моё дыхание замедляется. Я сосредотачиваюсь на руках, которые держат мои. Руки хирурга. Нет лучше рук, чтобы быть в них. Прослеживаю вены на тыльной стороне его ладоней. Айзек выводит пальцами круги на моей коже, между большим и указательным пальцами. У него квадратные ногти. Мужские. Многие мужчины, с которыми я встречалась, имели ногти овальной формы. Квадратные лучше. Я чувствую, что мои лёгкие открылись. И жадно вдыхаю воздух. Он помогает мне. *«Квадратные лучше»*, — произношу я снова и снова. Это моя мантра. — *«Квадратные лучше»*.

Я изнурена. Айзек не упускает это, берёт меня на руки и несёт на диван. Он отлично заботится о людях. И позаботится о вас без вашей просьбы. Мужчина исчезает в кухне и через минуту возвращается со стаканом воды.

Я беру его.

— Он знал точные размеры одежды, которую мы носим, но не знал, что у меня астма?

Айзек хмурится.

— Ты искала ингалятор во всех шкафах?

— Да. Ещё в первый день.

Доктор смотрит на пол между своих ног.

— Может быть, он не хотел, чтобы у тебя был ингалятор.

Я фыркаю.

— Таким образом, этот псих похитил меня и оставил здесь умирать от приступа астмы? Анти-кульминационно.

— Я не знаю, — произносит он. Врачу трудно говорить такие слова. Айзек уже говорил мне их однажды. Доктора должны иметь ответы на всё.

— Ничего из этого не имеет смысла, — говорит он. — Почему кто-то похитил меня... запер здесь, с тобой. Как они вообще нашли связь между нами?

Я не знаю ответов ни на один из вопросов. Отворачиваю голову в сторону. Смотрю на картину с воробьями.

— Ты должна проще относиться к этому. Будь...

Я в очередной раз прерываю его:

— Я в порядке, Айзек. — Кладу свою руку на его и сразу же отдёргиваю. Он смотрит на то место, где я его коснулась, затем встаёт и выходит из комнаты. Я сжимаю всё вместе: свои глаза, свои ладони, свои губы, рану внутри меня, которая никогда не заживёт.

— Айзек, — выдыхаю я. Но он меня не слышит.

По окончании первой недели я начинаю спать в комнате с люком. Там теплее. Айзек заставляет меня закрываться, как только мои ноги исчезают вверх по лестнице.

— На всякий случай, — говорит он. — У них тоже есть ключ, но это позволит тебе выиграть время.

— Конечно. Отлично.

Он проверяет замок после того, как я поворачиваю ключ, чтобы убедиться, что никто не сможет открыть его. Я всегда сначала жду щелчка, а потом уже начинаю двигаться в сторону кровати. И сплю с ножом мясника в руке. Опасно, но не так, как если тебя застанет врасплох похититель в тюрьме, которую он создал для тебя и...

Каждое утро я просыпаюсь в страхе, хотя никогда не знаю, что сейчас: утро, вечер или полдень. Солнце светит постоянно. Я всегда боюсь, что когда спущусь с чердака, Айзека там не будет. Он всегда стоит там, у кофеварки, растрёпанный и измождённый. В чайнике всегда есть свежий кофе, когда я появляюсь. Чувствую его аромат, спускаясь по лестнице. Так я понимаю, что Айзек жив, здоров и до сих пор там, окутанный ароматом кофе. Однажды утром спускаясь с чердака, я не чувствую этот запах. Несусь по лестнице вниз, перепрыгивая через несколько ступеней, рискуя сломать себе шею. Когда попадаю на кухню, то вижу, что он спит за столом, положив голову на руки. В этот день я завариваю кофе. Мои руки тверды, но сердце не перестаёт колотиться.

Однажды днём (а может и вечером?), Айзек поднимается вверх по лестнице и опускается рядом с камином, где я сижу перед огнём, скрестив ноги. Я размышляла о самоубийстве. Не о своём, просто о самоубийстве. Есть так много способов. Не знаю, почему люди так не изобретательны, когда убивают себя.

Обычно мы не оставляем входную дверь без присмотра, но я уверена, что он хочет поговорить. Протягиваю ноги к огню, двигая пальцами. Наши запасы дров на исходе, и Айзек говорит, что не уверен, насколько большой генератор, и что, возможно, топливо в нём уже на исходе.

— О чём ты думаешь? — спрашиваю я, вглядываясь в его лицо.

— О комнате с каруселью, Сенна. Мне кажется, что она что-то значит.

— Я не хочу говорить о комнате с каруселью. Мысли о ней пугают меня.

Он резко поворачивает голову ко мне.

— Мы поговорим об этом. Если только ты не хочешь остаться запертой здесь навсегда.

Я качаю головой, наматывая бледную прядь волос на палец.

— Это совпадение. И ничего не значит.

Он растягивает губы, обнажая зубы, и качает головой из стороны в сторону.

— Дафни беременна.

И вот наступает такая тишина, что я слышу, как к моим глазам устремляется вода. Мой взгляд устремляется к его лицу.

— Когда я в последний раз её видел, было восемь недель. — Он облизывает губы и

поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Мы сделали три попытки оплодотворения, чтобы забеременеть, пережили два выкидыша. — Айзек потирает лоб. — Дафни беременна, и мне нужно поговорить о комнате с каруселью.

Я тупо киваю.

Чувствую что-то. Я отталкиваю это. Хороню это.

— Кто знает о том, что случилось? — мягко спрашивает он. Я наблюдаю, как огонь поедает бруски. На мгновение я не уверена, какой случай Айзек имеет в виду. Их было так много. «Карусель», — напоминаю я себе. Эта память такая странная. Ничего особенного. Но очень личное.

— Лишь ты. Вот почему кажется, что вряд ли... — Я смотрю на него. — Может ты...?

— Нет... нет, Сенна, никогда. Это был наш момент. После я даже не хотел думать об этом.

Я верю ему. На долгую секунду наши глаза пересекаются, а прошлое, кажется, парит между нами мыльным пузырьком. Я первая отвожу взгляд, глядя на свои носки. Цветные носки, не белые. Я искала белые, но всё, что было куплено для меня — это длинные носки до колен с рисунком. Полная противоположность моему характеру. Я ношу свои новые цветные носки поверх колгот. Сегодня они фиолетовые с серым. Диагональные полосы.

— Сенна?

— Да, прости. Я задумалась о своих носках.

Он смеётся через нос, как будто предпочёл бы не смеяться. Я бы тоже предпочла, чтобы доктор не смеялся.

— Айзек, то, что произошло на карусели, было... личным. Я не говорю с людьми о личном. Ты знаешь это.

— Хорошо, давай забудем, что этот... этот... человек знает. Давай предположим, что он может знать. Это может быть ключом.

— Ключом? — произношу я в недоумении. — К чему? Нашей свободе? Это что, игра?

Айзек кивает. Я вглядываюсь в его лицо, выискивая намёк на шутку. Но в этом доме нет ничего смешного. Только два похищенных человека, которые спят со сжатыми в руках ножами.

— И они называют *меня* фантастом, — говорю я, чтобы разозлить его, потому что знаю, что Айзек прав.

Я пытаюсь встать, но он хватает меня за запястье и осторожно тянет вниз. Его глаза путешествуют по моему носу и щекам. Он смотрит на мои веснушки. Айзек всегда так делал, будто они были произведениями искусства, а не пигментным дефектом. У доктора нет веснушек. У него мягкие глаза, которые в уголках опущены вниз, и два передних зуба, незначительно закрывающие друг друга. Он выглядит одновременно обычным и красивым. И если вы присмотритесь достаточно близко, то увидите, насколько интенсивны его черты. Каждая говорит с вами по-разному. Или, может быть, я просто писатель.

— Мы здесь не ради выкупа, — настаивает он. — Они хотят чего-то от нас.

— Что, например? — произношу я как раздражительный ребёнок. Поднимаю тыльную часть руки к губам и кусаю кожу на костяшках пальцев. — Никто ничего не хочет от меня, за исключением, может быть, большего количества историй.

Айзек поднимает брови. Мне приходит на ум Энни Уилкс и источники её психопатической влюбленности. *Ни за что.*

— Они не оставили мне печатную машинку, — уточняю я. — Или даже ручку и бумагу. Речь идёт не о моей писательской деятельности.

Мужчина не выглядит убеждённым. Я готова направить его в сторону карусели, особенно, если это означает, что он перестанет смотреть на меня так, будто у меня есть волшебный ключ, чтобы выбраться отсюда.

— Карусель — это жутко, — говорю я. Это всё, что нужно, чтобы подтолкнуть его разработку теорий. В пол уха слушаю его теории — нет, я их вообще не слушаю. Притворяюсь, что слушаю, а сама вместо этого считаю узлы в деревянных стенах. В конце концов, я слышу своё имя.

— Расскажи мне, как ты это помнишь, — призывает он меня.

Я качаю головой.

— Нет. Какой в этом толк?

Я не в настроении, чтобы вернуться к рассмотрению этих аспектов своей жизни. Они несут за собой другие вещи. Те, из-за которых, в конечном счёте, я очутилась на удобном диване психотерапевта.

— Хорошо. — На этот раз встаёт он. — Я собираюсь приготовить обед. Если ты собираешься оставаться здесь, запри люк.

На этот раз Айзек не остаётся проверить, заперлась ли я. Он рассеян. Я ненавижу его.

Мы едим в тишине. Он разморозил гамбургеры и открыл банку зелёных бобов. Доктор нормирует нашу еду. Я понимаю это. Играю с бобами и ем гамбургер с помощью вилки, разрезая его на куски. Айзек ест ножом и вилкой, нарезает одним, нанизывает другой. Я спросила его об этом один раз, и он сказал:

— Есть инструменты для всего. Я врач. И использую правильный инструмент для правильной цели.

Айзек злиться на меня. Я бросаю на него взгляд каждые несколько укусов, но взгляд доктора остаётся на его пище. Когда я заканчиваю, то встаю и несу свою тарелку к раковине. Мою и вытираю её. Кладу обратно в шкаф. Я стою за ним, пока он заканчивает свою трапезу, и смотрю на затылок Айзека. Вижу седину в его волосах, в основном на висках. Немного. В последний раз, когда я видела доктора, её там не было. Может быть, искусственное оплодотворение послужило причиной. Или его жена. Или хирургия. Я родилась с сединой, так что, кто знает? Когда он встаёт из-за стола, я быстро отворачиваюсь и занимаю себя тем, что протираю стойку. Протирание тряпкой и уборка кажутся глупыми. *Я убираю дом своего похитителя.* Это немного ощущается как предательство: *жить в грязи или убрать свою тюрьму.* Я должна была спалить её с лица земли. Заканчиваю вытирать своей тряпкой, складываю её и аккуратно вешаю на кран. Прежде чем пойти наверх, я хватаю в охапку несколько дров из дровяного шкафа. Мы почти сталкиваемся у подножия лестницы.

— Позволь мне отнести их для тебя.

Я усиливаю хватку на дровах.

— Разве ты не должен остаться, чтобы охранять дверь?

— Никто не придёт, Сенна. — Айзек выглядит почти грустно и пытается взять у меня дрова.

Я отвожу руки подальше от него.

— Ты не знаешь этого наверняка, — возражаю я. Он смотрит на мои веснушки.

— Тише, — говорит мягко он. — Они бы уже пришли к этому времени. Прошло четырнадцать дней.

Я качаю головой.

— Не может быть, что так много... — Я мысленно делаю подсчёты. Мы были здесь в течение... четырнадцати дней. Он прав. *Четырнадцать*. Боже мой. Где поисковые группы? Где полиция? Где мы? Но, самое главное, где этот человек, который притащил нас сюда? Отдаю свои дрова. Айзек слегка мне улыбается. Я следую за ним вверх по ступенькам и поднимаюсь по лестнице на чердак, чтобы он мог передать мне дрова.

— Спокойной ночи, Сенна.

Я оборачиваюсь на яркое солнце, льющееся через окно позади меня.

— Доброе утро, Айзек.

Мы в неизвестности.

Айзек сходит с ума. Почти каждый день, в течение нескольких часов, он вышагивает перед кухонным окном, всматриваясь в снег, будто тот с ним разговаривает. Кажется, словно он что-то видит, но там ничего нет — только белые холмы, находящиеся посреди белизны, раскинутые на белом и покрытые белым. Мы нигде и снег ни о чём не говорит. Я скрываюсь от него в своей спальне на чердаке и иногда, когда устаю от этого, лежу на полу в комнате с каруселью, смотря на лошадей. Он не заходит сюда, говоря, что это его пугает. Я стараюсь напевать песни, потому что так делал бы один из моих персонажей, но это заставляет меня чувствовать себя чокнутой.

Независимо от того, где нахожусь, я чувствую, что он пульсирует сквозь стены. Айзек всегда был интенсивным. Это то, что делает его хорошим врачом. Он пытается выяснить, почему мы здесь, почему никто не пришёл. Полагаю, я тоже должна думать об этом, но не могу сосредоточиться. Каждый раз, когда я начинаю задаваться вопросом, зачем кому-то так делать, начинается пульсирующая головная боль. Если я буду углубляться в свои мысли, то взорвусь. *«Как грейпфрут в микроволновке»*, — думаю я.

Когда мы находимся в одной и той же комнате, его глаза давят на меня. Они давят как пальцы, впиваясь в мою плоть всё сильнее и сильнее, пока я не вырываюсь, сбегая в свой люк и прячась. Айзек больше не поднимется в мою комнату. Он начал спать в комнате, где я нашла его связанным, а не на диване. Это произошло после шести недельной отметки. Айзек просто перебрался туда однажды ночью и перестал охранять входную дверь.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, следуя за ним к кровати. Он снимает рубашку, и я быстро отвожу глаза.

— Иду спать.

Я в недоумении наблюдаю, как он отбрасывает свою рубашку в сторону.

— Что, если... что насчёт...?

— Никто не приходит, — произносит он, раскрывая простыни и забираясь в постель. Айзек не смотрит на меня. Интересно, он не хочет, чтобы я увидела что-то в его глазах?

Я не спорю с ним. Несу свои одеяла и нож вниз и сажусь на диван, уставившись на дверь. Айзек может позволить себе расслабиться, но я не собираюсь этого делать. Не собираюсь доверяться своей тюрьме. И уж точно, я не собираюсь принимать это как постоянство. Я готовлю чайник с кофе, хватаю немного вяленой говядины и приступаю к вахте. Когда он спускается вниз следующим утром и находит меня бодрствующей, то удивляется. Доктор приносит мне свежий кофе и тарелку овсянки, а затем отсылает спать.

— Доброе утро, Айзек.

— Спокойной ночи, Сенна.

Я не сплю. Могу безбожное количество времени находиться без сна. Вместо этого, я подтаскиваю стул к окну прямо над кухней и смотрю на снег вместе с ним.

Теперь, спустя неделю, я просыпаюсь с ясностью, острой и холодной, как снег за окном. Иногда, когда я пишу книгу, то ложусь спать с брешью в своей истории, которую не знаю, как исправить. Когда просыпаюсь, то у меня есть ответ. Это как если бы оно было там всё время, а мне просто нужен был правильный сон, чтобы найти ответ.

Я мгновенно поднимаюсь на ноги, распахиваю люк и босиком сбегая вниз по лестнице, прежде чем достигаю последней ступени. Я скачу через две ступеньки за раз и торможу в дверях кухни. Айзек сидит за столом, обхватив голову руками. Его волосы торчат вверх, как если бы он всю ночь проводил по ним руками. Я наблюдаю, как под столом с кроличьей скоростью дёргается мужское колено. Он переживает семь стадий горя, по версии похищенного. Судя по его налитым кровью глазам, я бы сказала, что доктор находится на стадии «Принятия».

— Айзек.

Он смотрит на меня. Несмотря на моё желание знать, что он чувствует, я отвожу взгляд. Я давно потеряла привилегию знать его мысли. Мои ноги мёрзнут, я жалею, что не надела носки. Иду к окну и указываю на снег.

— Окна в этом доме, — говорю я, — все они выходят на одну сторону.

Туман в его глазах, кажется, немного рассеивается. Айзек отодвигается от стола и встаёт рядом со мной.

— Да... — говорит он. Конечно, доктор тоже это знал. Только потому, что я была в тумане, не означает, что и он был.

Он обросший, больше, чем я когда-либо видела. Отрываю глаза от него, и мы вместе смотрим на снег. Мы так близко, что достаточно протянуть мизинец, и я коснусь его руки.

— Что за домом? — спрашивает Айзек.

Между нами опускается тишина, прежде чем я произношу:

— Генератор...

— Ты думаешь?

— Да, думаю.

Мы смотрим друг на друга. У меня по рукам бегут мурашки.

— Он может заправлять его, — говорю я. — Думаю, что до тех пор, пока мы остаёмся здесь, он будет пополнять генератор. Если мы выясним код и выйдем, то потеряем электричество и замёрзнем.

Айзек надолго и глубоко задумывается над этим. Всё звучит логично. Для меня, по крайней мере.

— Почему? — спрашивает Айзек. — Почему ты так думаешь?

— Это из Библии, — отвечаю я, а затем автоматически вздрагиваю.

— Тебе придётся объяснить мне, почему ты так считаешь, Сенна, — говорит он, хмурясь. Его голос резок. Айзек теряет со мной терпение, что не совсем справедливо, так как мы оба в одной лодке.

— Ты видел картину, которая висит рядом с дверью? — мужчина кивает. Конечно. Как он мог пропустить? На стенах этого дома висят семь репродукций. Когда вы проводите шесть недель где-то взаперти, то проводите много времени, рассматривая произведения искусства на стенах.

— Это картина Ф. Кэли (*Прим. ред.: Фредерик Кейли Робинсон (англ. Frederick Cayley Robinson) 1862*

— 1927

, британский художник

, представитель символизма

и викторианской сказочной живописи

). Это должны быть Адам и Ева, когда они обнаружили, что должны покинуть Эдем. Айзек качает головой.

— Я думал, что это просто два очень депрессивных человека на пляже.

Я улыбаюсь.

— Мы как первые люди, — произношу я.

— Адам и Ева? — он уже полон неверия, что я даже не хочу рассказывать ему остальное. Пожимаю плечами.

— Конечно.

— Продолжай, — говорит он.

— Бог поселил их в райском саду и сказал не есть запретный плод, помнишь?

Теперь настала очередь Айзека пожимать плечами.

— Да, полагаю. Воскресная школа, базовые знания.

— После того, как они были искушены и съели плод, то остались сами по себе, изгнаны из божьего места, которое он создал для них, лишены его защиты. — Когда Айзек ничего не говорит, я продолжаю: — Они покидают абсолютный рай и теперь должны заботиться о себе: охотиться, возделывать землю, познать холод, смерть и роды.

Когда последнее слово покидает мой рот, я краснею. Было глупо с моей стороны упоминать роды, учитывая Дафни и их ещё не родившегося ребенка. Но Айзека это не останавливает.

— Так ты считаешь, — говорит он, сдвинув брови вместе, — что пока мы остаёмся здесь — в месте, которое наш похититель обустроил для нас — мы будем в безопасности, и он будет поддерживать тепло и пополнять запасы еды?

— Это просто моё предположение, Айзек. Я не знаю.

— Что за запретный плод?

Я стучу пальцем по столу.

— Клавиатура, может быть...

— Это маразм, — отвечает он. — И если одна картина означает так много, что ещё здесь скрыто?

Я не хочу думать об этом.

— Сегодня вечером я приготовлю ужин, — произношу в ответ.

Я смотрю в окно, пока чищу картошку над раковиной. Потом смотрю вниз на кожуру, сваленную в противную кучу. Мы должны это съесть. Скоро мы, вероятно, будем голодать, мечтая о кусочке картофельной кожуры. Я сгребая кожурки и держу их в ладони, не уверенная, что с ними делать. Я посчитала картофель, прежде чем выбрать из них четыре самых маленьких, из пятидесяти фунтового мешка. Семьдесят картофелин. Насколько мы могли бы их растянуть? И муку, рис и овсянку? Казалось бы, много, но мы понятия не имели, как долго будем заключены здесь.

Заключены. Здесь.

Я ем кожуру. По крайней мере, таким образом, она не пропадёт.

Боже. Я морщусь и сжимаю картофельную кожуру, когда бросаю картофель, который держала, в раковину и прижимаю ладонь ко лбу. Я должна сосредоточиться. Оставаться позитивной. Я не могу позволить себе погрузиться в темноту. Мой психолог пыталась научить меня технике, как справиться с эмоциональной перегрузкой. Почему я не слушала? Помню, что-то о саде... гулять по нему и касаться цветов. Было что-то, о чём она говорила? Сейчас я стараюсь представить себе сад, но всё, что вижу — тени, отбрасываемые деревьями, и вероятность того, что кто-то прячется за живой изгородью. Я так облажалась.

— Нужна помощь?

Смотрю через плечо и вижу Айзека. Я отправляла его наверх вздремнуть. Он выглядит отдохнувшим. Хирурги привыкли к отсутствию сна. Мужчина принял душ, и его волосы ещё влажные.

— Конечно. — Я указываю на оставшийся картофель, и он берёт нож.

— Прямо как в старые времена, — слегка улыбаюсь. — За исключением того, что я не в ступоре, и у тебя нет постоянно обеспокоенного взгляда на лице.

— Неужели? Эта ситуация довольно таки тяжёлая.

Я кладу нож.

— Нет, на самом деле. Ты выглядишь спокойным. С чего бы?

— Принятие. Смирение с неотвратимым.

— В самом деле?

Я чувствую его улыбку. Через два фута воздуха между нами и раковиной, заваленной свежей кожурой. На минуту моя грудь сжимается, но чистка заканчивается, и он уходит, забирая с собой запах своего мыла.

Я должна знать, где всё время в комнате находится этот человек. Слышу его у холодильника, он пересекает комнату, садится за стол. По шуму, который мужчина создаёт, могу сказать, что у него два стакана и бутылка чего-то. Я мою руки и отворачиваюсь от раковины.

Айзек сидит за столом с бутылкой виски в руках.

Мой рот открывается.

— Где ты это нашёл?

Он усмехается.

— В кладовой, позади контейнера с сухарями.

— Я ненавижу сухари.

Айзек кивает, как будто я сказала что-то значительное.

Мы выпиваем первую стопку, пока мясо жарится на сковороде. Я думаю, это оленина.

Айзек говорит, что говядина. Это действительно не имеет значения, так как наша ситуация крадёт большую часть нашего аппетита. Мы действительно не способны отличить оленину от говядины.

Мы оба делаем вид, что пить весело, когда на самом деле это необходимо, чтобы справиться со сложившейся ситуацией. Чокаемся и стараемся не смотреть друг другу в глаза. Это как игра: стучим стаканами, опрокидываем виски, смотрим на стену с вымученной улыбкой. Мы едим нашу еду в скупом молчании, лица опущены над тарелками, как безвольные подсолнечники. Такое удовольствие. Мы справляемся волей-неволей. Сегодня это виски. А завтра, может быть, сон.

Когда мы заканчиваем, Айзек убирает со стола и начинает мыть тарелки. Я остаюсь на месте, вытягиваю руку и кладу голову на стол, чтобы смотреть на него. Моя голова кружится от виски и глаза слезятся. Не просто слезятся. Я плачу. *«Ты не плачешь, Сенна. Ты не знаешь, как это делать».*

— Сенна? — Айзек вытирает руки кухонным полотенцем и присаживается на скамейку лицом ко мне. — Ты теряешь жидкость, известную также как слёзы. Ты знаешь об этом?

Я жалобно шмыгаю.

— Я просто так сильно ненавижу сухари...

Он прочищает горло и сдерживает улыбку.

— Как твой врач, я бы посоветовал тебе сесть.

Снова шмыгаю и выпрямляюсь, пока не приобретаю сколько-нибудь вертикальное положение.

Мы оба сидим на скамейке, оседлав её, смотря друг на друга. Айзек тянется ко мне, но он не касается моего лица, используя большие пальцы, чтобы вытереть мои щёки от слёз. Доктор останавливается, когда обхватывает моё лицо обеими руками.

— Мне больно, когда ты плачешь. — Его голос так искренен, так открыт. Я не умею так говорить. Всё, что я говорю, звучит стерильно и роботизировано.

Стараюсь отвернуться, но он держит моё лицо так, что я не могу двигаться. Мне не нравится быть так близко к нему. Айзек начинает просачиваться в мои поры. От этого у меня всё покалывает.

— Я плачу, но ничего не чувствую, — уверяю его.

Он сжимает губы в тонкую линию и кивает.

— Да, знаю. От этого мне ещё больнее.

После того как мы разобрались с иллюстрацией Ф. Кэли, я провела инвентаризацию всего, что было в доме. Мы могли что-то упустить. Я бы предпочла, чтобы у меня была ручка и бумага, но в нашей единственной «Бик» (*Прим. ред.: «Бик», или «Компания Бик» — компания, расположенная во Франции, занимающаяся производством одноразовых предметов — шариковых ручек, бритв, зажигалок*) давно закончились чернила... так что я

должна положиться на свою хорошую память.

По всему дому разбросаны шестьдесят три книги. Я взяла каждую, пролиставла страницы, коснулась чисел в правом верхнем углу. Начала читать две из них — классиков, которых уже читала — но не могла заставить себя сосредоточиться. У меня двадцать три лёгких цветастых свитера, шесть пар джинсов, шесть пар треников, двенадцать пар носков, восемнадцать рубашек, двенадцать пар штанов для йоги. Одна пара дождевых сапог — размер Айзека. На стенах ещё шесть репродукций, кроме Ф. Кэли; все они украинского иллюзиониста Олега Шупляка (*Прим. ред.: Иллюзионизм (франц. illusionnisme, от лат. illusio — обман, насмешка) имитация видимого мира в произведениях изобразительного искусства, создание впечатления реально существующих предметов и пространства*). В гостиной «Воробьи» — одно из его безобидных произведений. По всему дому развешаны размытые лица известных исторических деятелей, почти неотделимым образом смешанные с пейзажами. Та, что на чердаке, беспокоит меня больше всего. Я пыталась вырвать её из стены ножом для масла, но она так прочно закреплена, что у меня не получается сдвинуть картину с места. На ней человек в капюшоне, который держит в вытянутых руках две косы. Его рот и глаза — зияющие, тёмные, пустые дыры. Сначала вы видите жуткую пустоту — грядущее насилие. Но когда ваши глаза приспособливаются, в поле зрения появляется череп: тёмные зеницы глаз между косами, зубы, которые всего секунду назад были рисунком на ткани. Мой похититель повесил смерть в моей спальне. Осознание этого вызывает тошноту. Остальные репродукции, разбросанные по всему дому, включают в себя: «Гитлер и дракон», «Фрейд и озеро», «Дарвин под мостом с таинственной фигурой в плаще». Моя наименее любимая — «Зима», на которой по заснеженной деревне едет человек, оседлав яка... и два глаза холодно смотрят на меня. Это ощущается как послание.

Когда я сосчитала всё в своём шкафу и шкафу Айзека, то начала считать вещи на кухне. Отмечаю цвета мебели и стен. Не знаю, что ищу, но мне нужно как-то занять свой мозг. Когда мне больше нечего считать, я говорю с Айзеком. Он готовит для нас кофе, как делал и раньше, и мы сидим за столом.

— Почему ты хотел улететь на красном велосипеде?

Он поднимает брови. Айзек не привык к вопросам от меня.

— Я ничего не знаю о тебе, — говорю я.

— Ты никогда этого не хотела.

Это жалит. И немного соответствует действительности. Я преуспела в «*держись от меня подальше*» имидже.

— Действительно так.

Считаю кухонные шкафы. Я забыла это сделать.

— Почему? — он вращает чашку с кофе по кругу и поднимает её ко рту. Прежде, чем сделать глоток, мужчина снова опускает чашку.

Я пользуюсь моментом, чтобы подумать.

— Просто я такая.

— Потому что ты предпочла быть такой?

— Разговор должен был быть о тебе.

Он, наконец, делает глоток кофе, после чего толкает кружку по столу в моём направлении. Я уже допила свой. Это предложение мира.

— Мой папа был пьяницей. Он издевался над матерью. Не очень уникальная

история, — Айзек пожимает плечами. — Как насчёт тебя?

Я раздумываю, стоит ли применить мои обычные трюки: избежание и отступление, но решаю удивить его. Всё становится скучным, всегда одно и то же.

— Мама ушла, прежде чем я вступила в период полового созревания. Она была писателем. Сказала, что папа высасывает из неё жизнь, но я думаю, что это сделала жизнь в пригороде. После того как она ушла, мой отец слегка сошёл с ума.

Я делаю глоток кофе Айзека, избегая его взгляда.

— Как именно сошёл с ума?

Я сжимаю губы.

— Правила. Много правил. Отец стал эмоционально нестабильным.

Допиваю его кофе, и он встаёт, чтобы достать виски. Айзек наливает каждому из нас по стопке.

— Вы пытаетесь заставить меня говорить, Доктор?

— Да, мэ.

— Текила работает лучше.

Он улыбается.

— Я сейчас сбегу до ликёро-водочного магазина и захвачу бутылку.

Опрокидываю стопку прямо в свои кишки. Я даже не пьяна. Сапфира гордилась бы мной. Морщу нос, когда думаю о ней. Что она думает обо всём этом? Наверное, думает, что я убралась из города. Женщина всегда меня обвиняет... какое слово она использует? Бегство?

— Расскажи мне что-нибудь о жизни с ним, — настаивает Айзек. Я сжимаю губы. — Хммм... так много грёбаного дерьма. С чего начать?

Он моргает.

— За неделю до окончания старшей школы, он обнаружил трещину в одном из наших стаканов. Ворвался вихрем в мою комнату, требуя рассказать, как она появилась. Когда я не смогла дать ему ответ, отец отказывался разговаривать со мной. В течение трёх недель. Даже не пришёл на мой выпускной. Мой папа. Он мог превратить стакан в проблему, равносильную подростковой беременности.

Я протягиваю кружку, и Айзек наполняет её.

— Ненавижу виски, — говорю я.

— Я тоже.

Наклоняю голову.

— Тише, — произносит он. — Ты не можешь судить мой оборот речи.

Я вытягиваю руку на столе и опускаю на неё голову.

Сейчас он всё меньше и меньше напоминает врача, с этим обросшим лицом и длинными волосами. Если подумать об этом, он и действует не как врач. Может быть, это Айзек рок-звезда. Я не помню, чтобы он пил в то время, которое мы провели вместе. Поднимаю голову и опускаю подбородок на руку.

Я хочу спросить, были ли у него проблемы с алкоголем в то время, когда он прожигал свою татуировку. Но это не моё дело. Мы все что-то залечиваем. Он замечает, что я забавно на него смотрю. Айзек уже выпил пять порций виски.

— Ты хочешь спросить меня о чём-то?

— Сколько ещё бутылок у нас есть? — спрашиваю я. Та, что он держит, полна на треть. Думаю, что, возможно, грядут более тёмные дни. Мы должны сохранить веселящую жидкость для более печальных времён.

Он пожимает плечами.

— Какая разница?

— Эй, — говорю я. — Мы делимся семейными воспоминаниями. Воссоединяемся. Не будь депрессивным.

Айзек смеётся и ставит бутылку на стол. Интересно, заметит ли он, если я её спрячу. Я наблюдаю, как он уходит в гостиную. Не уверена, должна ли последовать за ним или позволить ему уединиться. В конце концов, я иду наверх. Это не моё дело, с чем борется Айзек. Я едва его знаю. Хотя нет, не совсем верно. Я просто не знаю эту его сторону.

Я закутываюсь в одеяло и пытаюсь заснуть. Голова кружится от виски. Мне нравится это. Я удивляюсь, как до сих пор не пристрастилась к алкоголю. Отличный способ, который стоит проверить. Может быть, я должна найти новую зависимость. Может быть, я должна найти Айзека.

Может быть...

Когда я просыпаюсь, меня тошнит. Едва успеваю спуститься вниз по лестнице в комнату Айзека. Дверь ванной закрыта. Не думая дважды, я врываюсь туда и бросаюсь к унитазу. Айзек как раз открывает душевую занавеску. На один момент рвота застревает на полпути до моего пищевода, а он стоит передо мной голый, всё застывает, затем я отталкиваю его в сторону, и меня рвёт.

Это ужасное чувство, когда ваш желудок выворачивает. Больным булимией должны выдавать медаль. Использую его зубную щётку, потому что не могу найти свою. По крайней мере, я не брезглива. Когда выхожу из ванной, он лежит на кровати. Одетый, Слава Богу.

— Почему тебя не тошнит?

Он смотрит на меня.

— Полагаю, я тот ещё профессионал.

Меня посещает мимолетная мысль, та, в которой я задаюсь вопросом, не он ли тот, кто привёз нас сюда. Я прищуриваю глаза и сканирую разум на наличие мотива. Но быстро прихожу в чувства. У Айзека нет никаких причин, чтобы желать быть здесь. Нет вообще никаких причин, чтобы он был здесь.

— Сделай мне одолжение, — говорю я, не смотря на мои лучшие суждения. — Если в твоей прошлой жизни, тогда, когда появилась эта эмоциональная татуировка на всём теле, у тебя были проблемы с алкоголем — не пей.

— Тебе какое дело, Сенна?

— Никакого, — быстро отвечаю я. — Но это важно для твоей жены и ребёнка.

Он смотрит в сторону.

— В конце концов, мы собираемся выбраться отсюда. — Я произношу намного уверенней, чем чувствую себя на самом деле. — Ты не можешь вернуться к ним в хаосе.

— Кто-то оставил нас здесь умирать, — произносит он спокойно.

— Ерунда. — Я качаю головой и закрываю глаза. Снова чувствую тошноту. — Вся эта еда... Запасы. Кто-то хочет, чтобы мы выжили.

— Ограниченная еда. Ограниченные запасы.

— Это не имеет смысла, — отвечаю я. Мы оба перестали возиться с цифровой панелью в день, когда я рассказала всю эту чушь об Адаме и Еве.

— Может быть, мы должны вернуться к попыткам вырваться отсюда, — говорю я.

Затем бегу обратно в ванную и меня рвёт.

Позже, когда я лежу в постели, всё еще зелёная от тошноты и слабая, я решаю больше не пытаться помочь. Это не моя сильная сторона. Хочу, чтобы меня оставили в покое, соответственно, должна оставить в покое других. Из-за того, что нам нечего делать, мы снова пытаемся подобрать код к двери.

Для утоления скуки я пытаюсь вернуться к чтению. Это не работает; у меня синдром дефицита внимания, появившийся после похищения. Мне нравится ощущать бумагу под пальцами. Звук страницы, когда я переворачиваю её. Так что я не вижу слов, но касаюсь страниц и переворачиваю их, пока книга не заканчивается. Однажды Айзек видит, как я это делаю, и смеётся надо мной.

— Почему бы тебе просто не прочитать книгу? — спрашивает он.

— Не могу сосредоточиться. Я хочу, но не могу.

Он подходит и забирает книгу из моих рук. Диван прогибается, когда Айзек усаживается рядом со мной и открывает её на первой странице. Он сидит так близко, что наши ноги соприкасаются.

Стану ли я героем повествования о своей собственной жизни или это место займёт кто-нибудь другой — должны показать последующие страницы.

Закрываю глаза и слушаю его голос. Когда он читает слова «*мне предопределено испытать в жизни несчастья*», мои глаза резко открываются. Я хочу сказать: «*Проклятье*». Может быть, Дэвид Копперфилд, не так уж плох. Сейчас не первый раз, когда Айзек мне читает. Последний раз происходил в других условиях. В других, но очень похожих на эти. Он читает, пока его голос не становится хриплым. Тогда я забираю у него книгу и читаю, пока мой тоже не хрипнет. Мы отмечаем место, где остановились, и откладываем её до завтра.

Ничего не происходит в течение нескольких недель. Мы разработали рутину, если это можно так назвать. Всё вроде для того, чтобы оставаться в здравом уме изо дня в день и выжить. Я называю это Циклом Здравомыслия. Когда вы заперты, вам нужно как-то убить время, или же вы начнёте чувствовать покалывания, как тогда, когда сидите в одном и том же положении слишком долго, и ваши ноги пронзают иголки. А когда тому же подвергается ваш мозг — это верный путь к психушке. Поэтому мы стараемся поддерживать рутину. Или только я, по крайней мере. Айзек выглядит так, будто ему вот-вот потребуется «*Галоперидол*» (*прим. пер.: лекарство от шизофрении*) и обитая палата. Он делает кофе по утрам, так было решено. В кладовой огромный мешок кофе в зёрнах и несколько банок растворимого. Доктор использует зёрна, говоря, что когда мы используем всё топливо в генераторе, можно будет греть воду для быстрорастворимого кофе над огнём. *Когда... не если.*

Мы пьём наш кофе за столом. Обычно в тишине, но иногда Айзек говорит, чтобы

заполнить тишину. Мне нравятся эти дни. Он рассказывает мне о случаях, с которыми сталкивался... сложные операции, пациенты, которые выжили, и те, кто нет. После этого мы едим завтрак: овсянку или яичный порошок. Иногда крекеры с вареньем. Затем расстаёмся на несколько часов. Я ухожу наверх, доктор остаётся внизу. Обычно я использую время, чтобы принять душ и посидеть в комнате с каруселью. Не знаю, почему сижу там, может, чтобы сосредоточиться на странности всей ситуации. После этого мы меняемся. Мужчина поднимается, чтобы принять душ, а я спускаюсь посидеть в гостиной. Вот тогда я делаю вид, что читаю книги. Мы встречаемся на кухне пообедать. Мы знаем, что время обеда по голоду, а не по положению солнца или часам. Тик-так, тик-так.

На обед консервированный суп или тушёная фасоль, приготовленные с хот-догами. Иногда Айзек размораживает хлеб, и мы едим его с маслом. Я мою посуду. Он наблюдает за снегом. Мы пьём ещё кофе, затем я поднимаюсь на чердак, чтобы поспать. Не знаю, что доктор делает в это время, но когда я снова спускаюсь вниз, он беспокойный. Хочет поговорить. Я использую лестницу для тренировки, поднимаюсь вверх и вниз. Каждый день я оббегаю дом изнутри, делаю приседания и отжимания, пока не чувствую, что не могу двигаться. У нас много часов между обедом и ужином. В основном мы просто бродим по комнатам. Ужин — это большое событие. Айзек готовит три блюда: мясо, овощи и что-то из углеводов. Я с нетерпением жду его ужина, не только из-за еды, но и ради развлечения. Спускаюсь вниз пораньше и усаживаюсь за стол, чтобы наблюдать, как мужчина готовит. Как-то я попросила его озвучить всё, что он делает, чтобы я могла представить, что нахожусь на кулинарном шоу. Айзек сделал, но только изменил свой голос, акцент и говорил в третьем лице.

«Айзикиэвозьметэсейчасэтотэкусокэмяса и эзажаритэнаэмасле и....».

Каждые несколько дней, когда настроение лёгкое, я прошу другого Айзека приготовить мне ужин. Мой любимый — Рокки Бальбоа (*Прим. ред.: «Ромки Бальбома» — художественный фильм, снятый режиссёром Сильвестром Сталлоне, который является автором сценария и исполняет главную роль. Является шестой частью в серии фильмов о боксёре Рокки Бальбоа*), в котором мужчина называет меня Эдриан и имитирует ужасную попытку Сильвестра Сталлоне говорить с филадельфским акцентом. Таковы наши лучшие вечера — маленькие всплески среди плохих. Во время плохих мы не разговариваем вообще. В эти дни снег громче похищенных заложников.

Иногда я ненавижу его. Когда Айзек моет посуду, то встряхивает каждый предмет, перед тем как убрать на сушилку. Вода брызгает повсюду. Пару капель всегда попадает мне в лицо. Я вынуждена удаляться из комнаты, чтобы не разбить тарелку о его голову. Он напевает в душе. Внизу я слышу его повсюду, в основном «АС/ДС» и «*Journey*» (*Прим. ред.: американская рок-группа*

, образованная в 1973 году бывшими участниками «Santana

«). Айзек носит не соответствующие носки. Прищуривает глаза, когда читает, а потом утверждает, что у него нет проблем со зрением. Опускает крышку унитаза. Странно смотрит на меня. На самом деле странно. Иногда я ловлю его на этом, и он даже не пытается отвернуться. От этого моё лицо и шея покалывает, и они горят. Айзек едва издаёт шум, когда движется. Мужчина всё время подкрадывается ко мне. Когда вы похищены, быть очень тихим, когдаходишь в комнату — плохая идея. В результате он получил бесчисленные удары локтём в рёбра и шлепки.

— Тебя раздражает что-то из того, что я делаю? — однажды спрашиваю у него. Мы оба в раздражительном настроении. Айзек пытается увильнуть, я преследую его. Мы сталкиваемся друг с другом, когда я выхожу из кухни, а он из маленькой гостиной. Мы замираем в пространстве между двумя комнатами.

— Ненавижу, когда ты в отключке.

— Я не делала этого уже долгое время, — оправдываюсь я. — Четыре дня, по крайней мере. Дай мне что-то более существенное.

Он смотрит в потолок.

— Ненавижу, когда ты наблюдаешь за тем, как я ем.

— Хах! — вскидываю руки в воздухе, что совершенно мне несвойственно. Айзек фыркает.

— Во время еды у тебя слишком много правил, — говорю ему. В моём голосе веселье. Даже я могу его слышать. Айзек прищуривается, будто что-то беспокоит его, но он, кажется, отмечает это.

— Когда я встретил тебя, ты не слушала музыку со словами, — произносит доктор, скрестив руки на груди.

— Какое это имеет отношение?

— Почему бы нам не обсудить за перекусом? — он указывает на кухню. Я киваю, но не двигаюсь. Айзек делает шаг вперёд и оказывается невероятно близко. Я делаю два шага назад, позволяя ему пройти в кухню. Он выкладывает крекеры на тарелку с небольшим количеством вяленой говядины и сушёных бананов, и ставит её между нами. Он делает шоу из поедания крекера, прикрывая рот рукой в притворном смущении.

— Ты живёшь по правилам. Мои просто более социально целесообразны, чем твои, — говорит Айзек.

Я усмехаюсь.

— Очень сильно стараюсь не смотреть, как ты ешь, — отвечаю ему.

— Я знаю. Спасибо за усилия.

Беру кусочек банана.

— Открой рот, — говорю я. Айзек делает это без вопроса. Бросаю банан в рот. Тот попадает в нос, но я поднимаю руки в триумфе.

— Чего празднуешь? — он смеётся. — Ты промахнулась.

— Нет. Я целилась в нос.

— Мой ход.

Я киваю и открываю рот, наклоняя голову вперёд, а не назад, чтобы сделать всё для него тяжелее.

Банан приземляется прямо мне на язык. Я мрачно жую.

— Ты хирург. Твоя точность безупречна.

Он пожимает плечами.

— Я могу победить тебя, — говорю ему, — в чём-то. Знаю, что могу.

— Никогда и не говорил, что ты не можешь.

— Ты подразумеваешь глазами, — хнычу я. Кусаю внутреннюю сторону щеки, пока пытаюсь что-нибудь придумать. — Жди здесь.

Несусь вверх по лестнице. У подножия кровати в карусельной комнате есть металлический сундук. Ранее я нашла там игры, пару паззлов, даже несколько книг по

анатомии человека и как выжить в дикой природе. Разбираюсь с его содержимым и вытаскиваю два паззла. В каждом из них по тысяче частей. На одном изображены два оленя на скале. На другом «Где же Уолдо в зоопарке» (Прим. пер.: Уолдо — герой серии книг «Где же Уолдо?»). Я несу их вниз и бросаю на стол.

— Гонка паззлов, — заявляю я. Айзек выглядит немного удивлённым.

— Серьёзно? — спрашивает он. — Ты хочешь сыграть в игру?

— Серьёзно. И это паззл, а не игра.

Айзек откидывается назад и вытягивает руки над головой, пока раздумывает над этим.

— Мы делаем перерыв в одно и то же время для туалета, — говорит он твёрдо. — И я беру оленей.

Я протягиваю ему руку, и он её пожимает.

Десять минут спустя мы сидим напротив друг друга за столом. Он настолько большой в окружности, что там достаточно места для нас обоих, чтобы расположиться с нашими паззлами на тысячу шгук. Айзек ставит между нами две кружки кофе, прежде чем начать.

— Нам нужны правила, — объявляет он. Я скольжу рукой по кружке и просовываю палец в ручку.

— Какие, например?

— Не используй со мной этот тон.

Когда я улыбаюсь, моё лицо ощущается натянутым. Улыбка не такая, как мой маниакальный смех в первый день, когда мы проснулись здесь, и, вероятно, впервые, когда моё лицо вытягивается вверх.

— Самые ленивые мышцы в твоём теле, — заявляет Айзек, когда видит её. Он скользит в своё кресло. — Не думаю, что когда-либо видел твою улыбку. Вообще.

Я ощущаю себя неловко, чувствуя её на своём лице, поэтому прячу улыбку, отпивая кофе.

— Не правда. — Но я знаю, что это так.

— Хорошо, правила, — говорит он. — Мы будем выпивать каждые полчаса.

— Алкоголь?

Айзек кивает.

— НЕТ! — протестую я. — Мы никогда не сможем всё сделать, если будем пьяны!

— Он уравнивает наши силы на поле боя, — отвечает мужчина. — Не думай, что я не знаю о твоей любви к паззлам.

— О чём ты говоришь? — кончиком пальца я передвигаю кусочек своего паззла по столу. Вывожу им восьмёрки — большие, затем маленькие. Откуда Айзек мог знать что-то вроде этого?

Стараюсь вспомнить, были ли паззлы в моём доме, когда...

— Я читал твою книгу, — говорит он.

Я краснею. *О да.*

— Это был просто персонаж...

— Нет, — отвечает он, наблюдая за движением моего паззла. — Это была ты.

Я смотрю на него из-под ресниц. У меня нет сил, чтобы спорить, и не уверена, что, в любом случае, у меня есть убедительные аргументы. «Виновата», — думаю я. — «Рассказала слишком много правды». Когда я думаю, о том, как мы пили в прошлый раз,

мой желудок скручивает. Если у меня будет похмелье, я буду спать большую часть следующего дня и буду слишком больна, чтобы есть. Это сэкономит пищу и убьёт, по крайней мере, двенадцать скучных часов.

— Согласна, — говорю я. — Давай сделаем это.

Я поднимаю пазл под своим пальцем. Могу начать с ног в ярких штанах и крошечного бульдога на красном поводке. Кладу его обратно, беру другой, кручу его между пальцами. Я обеспокоена тем, что он сказал, но также только что нашла Уолдо. Кладу его на хранение под кружку с кофе.

— Я художник, Сенна. И знаю, каково это, вложить себя в то, что создаёшь.

— О чём ты? — я притворяюсь непонимающей.

Айзек уже собрал небольшой угол. Я слежу за его рукой, путешествующей над кусочками пазла, пока мужчина не выбирает один. У него хорошая фора. Он собрал около двадцати частей. Я пока подожду.

— Перестань, — произносит он. — Сегодня мы развлекаемся и откровенничаем.

Я вздыхаю.

— Откровенничать не весело. И потом, я была более откровенной в этой книге, чем в любой другой.

Айзек добавляет ещё один кусочек к своему растущему континенту.

— Я знаю.

Позволяю слюне скопиться во рту, пока её не становится достаточно много, чтобы реально захлебнуться, затем проглатываю всё сразу. Он читал мои книги. Я должна была знать. Сейчас у него уже тридцать частей. Провожу пальцами по столу.

— Не знаю эту твою сторону, — говорю я. — Художник. — Собираю больше слюны. Бурлю ею, проталкиваю между зубами. Глотаю.

Он ухмыляется.

— Доктор Астерхольдер. Вот кого ты знаешь.

Разговор жалит туда, где болит. Я вспоминаю вещи и ночь, когда он снял рубашку и показал, что было написано на его коже. Как странно горели глаза мужчины. Это был мой беглый взгляд в кроличью нору. *Другой* Айзек, как и другая мать в «*Коралине*» (Прим. пер.: страна кошмаров, героиня мультфильма ужасов про похищенных детей). У него тридцать три кусочка. Он довольно хорош.

— Может быть, поэтому ты здесь, — добавляет Айзек, не поднимая глаз. — Потому что была откровенной.

Я немного подождала, прежде чем говорю:

— Что ты имеешь в виду?

Пятьдесят.

— Я видел шумиху вокруг книги. Помню, что ходил по больнице и видел людей, читающих её в залах ожидания. Даже видел как-то женщину, читающую книгу в продуктовом магазине. Она одновременно толкала тележку и читала, будто не могла оторваться. Я гордился тобой.

Не знаю, что чувствую по поводу того, что он гордится мной. Мужчина меня едва знает. Ощущается как снисхождение, но это не так. На самом деле Айзек не снисходительный парень. Он в равной степени скромный и немного стеснительный, чтобы получать похвалы. Я видела его в больнице. Как только кто-нибудь начинал говорить хорошие вещи о нём, доктор отводил взгляд и искал пути для бегства. Айзек в любую секунду готов убежать без

оглядки.

Шестьдесят два кусочка.

— Так как это привело меня сюда?

— Тридцать минут, — объявляет он.

— Что?

— Прошло тридцать минут. Время выпить.

Он встаёт и открывает шкаф, где мы держим спиртное. Мы продолжаем находить спрятанные бутылки. Ром был в вакуумном пакете в мешке с рисом.

— Виски или ром?

— Ром, — отвечаю я. — Я устала от виски.

Он достаёт две чистые кофейные кружки и наливает наши порции. Я выпиваю, прежде чем Айзек поднимает свою кружку. Чмокаю губами, пока жидкость катится вниз по горлу. По крайней мере, это не дешёвый товар.

— Ну? — требую я. — Как это привело меня сюда?

— Я не знаю, — наконец говорит он. Айзек находит деталь, которую искал, и присоединяет её к уху оленя. — Но было бы глупо думать, что это не один из поклонников. Или ещё один вариант.

Его голос понижается, и я знаю, о чём он думает.

— Не думаю, что это был он, — спешу ответить я. Наливаю себе стопку вне очереди.

Я не так уж привычна к алкоголю, и ничего сегодня не ела. Моя голова немного кружится, пока алкоголь проникает в горло. Я смотрю, как его пальцы скользят над паззлом, находят нужный элемент, вставляют на место, скользят, находят, вставляют...

Сто деталей.

Я поднимаю свой первый кусочек, тот, который с бульдогом.

— Ты знаешь, — говорит Айзек. — У моего велосипеда никогда не вырастут крылья.

Ром обуздал мою кислую мину и ослабил мышцы на лице. Я пытаюсь соорудить на нём какую-нибудь версию шока, и это смешит Айзека.

— Нет, я не предполагала, что они вырастут. Только у птиц растут крылья. Мы просто остаёмся барахтаться в болоте, как кучка эмоционально неустойчивых пещерных людей.

— Нет, если у тебя есть кто-то, чтобы поддерживать тебя.

Никто не хочет поддерживать кого-то, у кого жизненные трудности. Как-то раз я читала об этом книгу. Сплошная чушь о двух людях, которые продолжали возвращаться друг к другу. Главный герой говорит это девушке, которую продолжает отпускать. Мне пришлось бросить ту книгу. Никто не хочет поддерживать кого-то, у кого жизненные трудности. Это понятие, которым умные авторы кормят своих читателей. Медленный яд; вы заставляете их поверить, что это реально, что побуждает их возвращаться снова и снова. Любовь — это кокаин. И я знаю это, потому что у меня был краткий и увлекательный опыт отношений с провалом, которое заглушило на некоторое время мою потребность в самоистязании посредством полосования кожи ножом. А затем, в один прекрасный день, я очнулась и решила, что была жалкой — когда решила, что всасывание наркотика через нос поможет избавиться от проблем с матерью. В итоге я предпочла ему кровопускание. Вот так я начала резать свою кожу. В любом случае... любовь и кокс. Последствия от обоих слишком дорогие: ты определённо наслаждаешься, когда на вершине, но если катишься вниз, то сожалешь о каждом часе, который потратил, упиваясь чем-то настолько опасным. Но ты срываешься снова. Всегда срываешься. Если вы, не я. В моём случае я заперлась и писала рассказы об

этом. Ю-ху. Ю, мать его, ху.

— Люди не созданы для того, чтобы нести чужие тяготы. Мы едва можем нести собственные. — Даже когда говорю это, то не совсем верю. Я видела, как Айзек делает то, что большинство не стало бы. Но это просто Айзек.

— Может быть, принимая чужие, мы делаем наши тяготы более сносными, — отвечает он.

Мы встречаемся взглядами. Я первая отвожу свой. Что я могу сказать по этому поводу? Это романтично и глупо, и у меня нет сердца, чтобы спорить. Было бы легче, если бы кто-то разбил сердце Айзека Астерхольдера. Одержимость любовью была настолько сильной, что от неё было чертовски сложно избавиться. «Как рак», — думаю я. Просто, когда вы думаете, что одолели его, он возвращается.

Мы выпиваем ещё, прежде чем я водружаю последнюю часть паззла на место. Это часть с Уолдо, из-под моей чашки кофе. Айзек закончил только половину. Его рот открывается, когда он это видит.

— Что? — спрашиваю я. — Я дала тебе хорошее преимущество на старте. — Встаю, чтобы принять душ.

— Ты спец, — кричит он мне в след. — Это не честно!

Я не ненавижу Айзека. Даже не немного.

Дни тают. Они сливаются друг с другом, пока я не могу вспомнить, как долго мы здесь, или когда должно быть утро или вечер. Солнце никогда, мать его, не перестаёт светить. Айзек никогда, чёрт возьми, не перестаёт ходить туда-сюда. Я лежу неподвижно и жду.

И вот оно приходит. Несмотря на все отрицания, мой онемевший мозг всё осознал. Тепло — это слово, которое становилось всё менее знакомым. В последнее время Айзек более обеспокоен генератором. Он считает, как долго мы здесь.

— Топливо вот-вот закончится. Не знаю, почему этого ещё не произошло...

Мы выключили обогрев и используем дрова из шкафа внизу. Но теперь у нас заканчиваются дрова. Айзек ограничил нас четырьмя брусками в день. Топливо в генераторе может иссякнуть в любой день. Айзек боится, что мы не сможем получить воду из крана без энергии.

— Мы можем сжечь вещи в доме ради тепла, — говорит он мне. — Но как только останемся без воды, мы умрём.

Мои руки и ноги ледяные, нос тоже ледяной; но мозг всё равно что-то обдумывает в эту минуту. Я вжимаюсь лицом в подушку и отгоняю эти мысли подальше. Мой мозг иногда как неуправляемый кубик-рубик. Он перекручивается, пока не находит решение. Я могу понять любой фильм, любую книгу в течение пяти минут после начала. Это почти болезненно. Жду,

пока это пройдёт, кручение. Мой ум может увидеть картину, которую ищет Айзек. В то время как он, как обычно, ходит по кухне, я встаю и сажусь на пол перед угасающим огнём. Дерево жёсткое под моими ногами, но оно поглощает тепло, и по мне лучше быть в тепле и испытывать неудобство, чем быть в холоде, но с комфортом. Я пытаюсь отвлечься от мыслей, но они стойкие. *Сенна! Сенна! Сенна!* Мои мысли звучат как Юл Бриннер. Не женский голос, не мой, голос Юла Бриннера (*Прим. ред.: при рождении Юлий Борисович Бринер — американский актёр театра и кино русского происхождения с швейцарско-бурятскими корнями*). Из «Десяти заповедей».

— Заткнись, Юл, — шепчу я.

Но он не затыкается. И не удивительно, что я не замечала этого раньше. Правда более запутанная, чем я. Если я права, мы будем дома в ближайшее время, Айзек со своей семьёй, я со своей. Хихикаю. Если я права, то дверь откроется, и мы сможем добраться до места, где есть помощь. Всё закончится. И это хорошо, потому что у нас осталось около десяти поленьев. Когда пальцы на ногах оттаивают, я встаю и направляюсь вниз, чтобы рассказать ему.

Айзека нет на кухне. Я останавливаюсь на мгновение у раковины, где он обычно находится, глядя в окно. Кран протекает. Я смотрю на него минуту, прежде чем отворачиваюсь. Виски, которое мы пили несколько ночей назад, всё ещё на столешнице. Откручиваю крышку и делаю глоток прямо из бутылки. Губы обжигает. Интересно, делал ли Айзек то же самое. Я вздрагиваю, облизываю губы, и делаю ещё два глубоких глотка. Смело иду вверх по лестнице, размахивая руками. Я узнала, что, если двигать всеми конечностями сразу, то можно ненадолго прогнать холод.

Айзек в карусельной комнате. Я нахожу его, сидящим на полу, уставившимся на одну из лошадей. Это странно. Как правило, здесь моё место. Я скольжу вниз по стене, пока не оказываюсь рядом с ним, и вытягиваю ноги перед собой. Я уже ощущаю влияние виски, который делает всё легче.

— День на карусели, — произношу я. — Давай поговорим об этом.

Айзек поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Вместо того, чтобы избежать его глаз, я удерживаю их. Взгляд доктора такой пронзительный. Стальной.

— Я никому не рассказывала эту историю. И не в состоянии понять, как о ней узнали. Вот почему эта комната кажется совпадением, — говорю я.

Он не отвечает, так что я продолжаю:

— Ты рассказал кому-то, не так ли?

— Да.

Он лгал мне. Говорил, что не рассказывал ни единой душе. Может быть, я тоже солгала. Не помню.

— Кому ты рассказал, Айзек?

Мы дышим в унисон, две пары бровей сдвигаются.

— Моей жене.

Мне не нравится это слово. Оно заставляет меня думать о фартуках с яблоками и оборками, и о слепой, покорной любви.

Я отвожу взгляд. Смотрю на концы лакированных грив, которые украшают лошадей. Одна лошадь чёрная, другая белая. У чёрной ноздри, расширяющиеся как у скаковой лошади,

её голова отброшена в сторону, глаза выпучены от страха. Одна нога подогнута вверх, в процессе шага, приговорённого к вечности стекловолокном. Из двух лошадей она более впечатляющая: упёртая, сердитая. Я расположена к ней. Главным образом потому, что стрела пронзает её сердце.

— Кому рассказала она?

— Сенна, — отвечает он. — Никому. Кому ей рассказывать?

Я вскакиваю на ноги и иду босиком к первой лошади — чёрной. Исследую седло мизинцем. Оно изготовлено из костей.

Я не в восторге от правды; вот почему обманываю себя. И ищу кого-то, чтобы обвинить.

— Таким образом, это совпадение, как я и сказала вначале. — Я сама не верю в это, но Айзек утаивает что-то от меня.

— Нет, Сенна. Ты смотрела на лошадей, я имею в виду, действительно смотрела на них? — я поворачиваюсь к нему лицом.

— Я смотрю на них прямо сейчас! — *почему я кричу?*

Айзек рывком приближается ко мне. Когда я не смотрю на него, он хватается за плечи и разворачивает, пока я снова не смотрю на чёрную лошадь. Мужчина крепко удерживает меня.

— Замолчи и посмотри на неё, Сенна.

Меня передёргивает. Я смотрю, только чтобы он снова не произнёс так моё имя. Вижу чёрную лошадь, но новым взглядом: не упрямым, простым взглядом старой Сенны. Я вижу всё. Я чувствую всё. Дождь, музыка, лошадь, в стержне которой есть трещина. Ощущаю запах грязи и сардин... и ещё что-то... кардамон и гвоздику. Я достаю это, достаю из памяти так быстро, что моё дыхание останавливается. Руки Айзека ослабевают на моих плечах. Я разочарованна, он был тёплым. Я могу убежать, но подворачиваю пальцы ног, пока не чувствую как они захватывают ворс ковра, и остаюсь. Я пришла сюда, чтобы решить одну из наших проблем. Одну из многих наших проблем. Это те же самые лошади. Именно те. Пробегаю взглядом по трещине. Юл говорит что-то обо мне, подавляющей воспоминания. Я смеюсь над ним. *Подавлять мои воспоминания.* Это то, что сказала Сапфира Элгин. Но он прав, не так ли? Я в тумане и половину времени даже не осознаю этого.

— Дата, когда всё произошло, — тихо говорю я. — Это то, что откроет дверь.

Воздух покалывает, когда он выбегает. Я слышу, как Айзек перепрыгивает через две ступеньки за раз. Мне даже не пришлось напоминать ему о дате. Это вырезано в плоти наших воспоминаний. Жду с закрытыми глазами, молясь, чтобы сработало, молясь, чтобы не сработало. Он возвращается через минуту. В этот раз гораздо медленнее. *Шлён, шлён, шлён* вверх по лестнице. Чувствую, как он останавливается в дверях, глядя на меня. Я могу чувствовать его запах. Раньше я любила вдыхать запах Айзека, спрятав лицо у его шеи. *О, Боже, мне так холодно.*

— Сенна, — произносит он, — хочешь выйти наружу?

Да. Конечно. Почему бы и нет?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: БОЛЬ И ВИНА

Было двадцать пятое декабря. Следовательно, этот день наступал каждый год, и я чертовски мечтала, чтобы этого не происходило. Но невозможно избавиться от Рождества. И, даже если бы это было возможно, все люди в мире, полные надежды, нашли бы новый день, чтобы праздновать, с их дешёвой мишурой, тушками индеек и газонами, украшенными всякой ерундой. И я была бы вынуждена ненавидеть и этот день тоже. Индейка, в любом случае, отвратительна. Каждый, у кого есть вкусовые рецепторы, мог это подтвердить. На вкус она как пот, и у неё текстура мокрой бумаги. Весь этот праздник был фарсом; Иисус должен был разделить его с Сантой. Единственное, что было хуже всего — то, что Иисус должен был разделить Пасху с кроликом. Это было просто жутко. Но, по крайней мере, на Пасху подают ветчину.

Моей ежегодной традицией на Рождество было вставать с туманом на пробежку вдоль озера Вашингтон. Это помогало мне справиться. Не только с Рождеством, но и с жизнью. Кроме того, бег был одобрен психологами. Я не встречалась с ними больше, но всё ещё бегала. Это был здоровый способ выработать достаточно эндорфинов, чтобы мои демоны оставались в своих клетках. А я то думала, что для этого есть лекарства — но, неважно. Мне нравилось бегать.

Этим рождественским утром мне не хотелось бегать, как обычно, вдоль озера. Человек может ненавидеть Рождество, но всё ещё чувствует необходимость сделать что-то значительное в этот день. Я хотела попасть в лес. Есть что-то в деревьях размером с небоскрёбы, в их коре, одетой в мох, что заставляло меня чувствовать себя полной надежды. Я всегда считала, что если бы Бог существовал, мох был бы его отпечатками пальцев. Около шести утра, схватив айпод, я направилась к двери. Было ещё темно, поэтому я не торопилась, идя по тропе, давая солнцу время, чтобы подняться. Чтобы добраться до тропы, я должна была прорваться через район шаблонных домов под названием «Глен». Я презирала «Глен». Я должна была проезжать мимо него, чтобы добраться до дома, который находился на вершине холма.

Я всматривалась в окна, проходя мимо домов, и разглядывала рождественские огни и ёлки, задаваясь вопросом, в состоянии ли я услышать детей с тротуара, пока они открывали подарки.

Я делала растяжку за пределами леса, поворачивая лицо к зимнему дождю. Это была моя рутина; я делала растяжку, заставляя себя продолжать жить изо дня в день. Подтянула хвостик, и позволила ногам начать бежать. Тропа ухабистая и извилистая. Она граничила с окраинами «Глен», что я находила ироничным. Тропа вся в ухабах, созданных временем и дождями, кишела выпирающими корнями деревьев и острыми камнями. Требовалась концентрация в дневное время, чтобы не вывихнуть лодыжку, проходя тут, что являлось причиной травм для многочисленных бегунов. Не знаю, о чём думала, когда решила бегать здесь в темноте. Я поняла, что должна была придерживаться обычного бега трусцой вокруг озера. Я должна была остаться дома. Я должна была сделать что-нибудь, только не бегать

там, в то утро, в то время.

В 6:47 он изнасиловал меня.

Я знаю это, потому что за секунду до этого почувствовала, как руки обхватили верхнюю часть моего тела, вышибая дыхание из моих лёгких. Я взглянула на часы и увидела время 6:46. Полагаю, ему потребовалось тридцать секунд, чтобы затащить меня вглубь от тропы, без толку болтающую ногами в воздухе. Ещё тридцать секунд, чтобы бросить на корневище и сорвать с меня одежду. Две секунды, чтобы врезать по лицу. Только минута, чтобы воспроизвести всю мою жизнь в окрашенной насилием памяти. Он взял то, что хотел, и я не кричала. Ни тогда, когда он схватил меня, и ни когда ударил меня, и ни когда насиловал меня. Ни даже после, когда моя жизнь была безвозвратно осквернена.

После я выбралась из леса. Мои штаны наполовину спущены, и кровь стекала в глаза от пореза на лбу. Я побежала, глядя через плечо, и врезалась в другого бегуна, который только что вышел из своего автомобиля. Он поймал меня, когда я упала. Мне не нужно было ничего говорить, поэтому тот сразу же достал телефон и позвонил в полицию. Он открыл пассажирскую дверь своей машины и помог мне сесть, затем включил отопление на полную мощность. Достал старое одеяло из багажника, сказав, что использует его для кемпинга. Он о многом говорил в течении десять минут, пока мы ждали полицию. Пытался успокоить меня. Я действительно не слышала его, хотя звук голоса был успокаивающим и твёрдым. Он обернул одеяло вокруг моих плеч и спросил, хочу ли я воды. Я не хотела, но кивнула. Он объявил, что откроет заднюю дверь, чтобы достать воды. Рассказывал мне обо всём, что собирался сделать, прежде чем сделать.

Я была доставлена в больницу в машине скорой помощи. Там меня отвезли на каталке в отдельную комнату, и санитар протянул мне больничный халат. Медсестра пришла несколькими минутами позже. Она выглядела затравленной и рассеянной, волосы над ушами торчали ключьями.

— Мы собираемся использовать комплект СУСН, мисс Ричардс, — сказала она, не глядя на меня. Когда я спросила, что это значит, та ответила, что это Комплект для Сбора Улик при Сексуальном Нападении.

Моё унижение достигло высшей точки, когда она раздвинула мои ноги. СУСН комплект лежал на металлическом столе, который медсестра подкатила к кровати. Я наблюдала, как она распаковывала его, положив каждый предмет на поднос. Там было несколько небольших коробок, предметные стёкла, пластиковые пакеты, и два больших белых конверта, в которые она убрала мою одежду. Меня начало трясти, когда женщина достала небольшой синий гребень, набор для ногтей и ватные тампоны. Вот тогда я отвела глаза к потолку, сжимая их так крепко, что смогла увидеть золотые звёзды на внутренней стороне век. *Пожалуйста, нет, Боже. Пожалуйста, не надо.* Я задавалась вопросом, помогают ли слова «сексуальное нападение» не чувствовать себя жертвами. Я ненавидела их. Ненавидела все слова, которые использовали люди. Полицейский, который привёз меня сюда, шепнул медсестре слово «изнасилование». Но мне они говорили сексуальное нападение. Побочный продукт реальной ситуации.

На сбор доказательств потребовалось два часа. Когда медсестра закончила, то сказала мне сесть. Женщина протянула мне две белые таблетки в небольшом бумажном стаканчике.

— От дискомфорта, — произнесла она. *Дискомфорт.* Я повторила слово про себя, закидывая таблетки на языки и запивая водой из бумажного стаканчика, который она мне протягивала. Я была слишком потрясена, чтобы обижаться. После того, как медсестра

закончила, зашла женщина офицер, чтобы поговорить со мной о том, что произошло. Я дала ей описание человека: крупный, около тридцати, выше меня, но ниже чем полицейский, на голове вязаная шапка, скрывающая его волосы, которые, возможно, были коричневого цвета. Нет татуировок, которые я могла видеть... нет шрамов. Когда медсестра закончила, то спросила, хочу ли я кому-нибудь позвонить. Я сказала: «Нет». Офицер отвезёт меня домой. Я остановилась, когда увидела человека у стойки медсестер. Бегун, тот, кто помог мне, одетый в белый медицинский халат поверх спортивных штанов и футболки, листал, как я предположила, моё дело. Не то, чтобы он уже не знал, что случилось со мной, но я всё равно не хотела, чтобы врач прочитал это в моём деле.

— Мисс Ричардс, — сказал он. — Я доктор Астерхольдер. Я был там когда...

— Я помню, — ответила я, прерывая его.

Он кивнул.

— Я сегодня не на дежурстве, — признался врач. — Я пришёл, чтобы проверить Вас.

Проверить меня? Я гадала, что он видел, когда смотрел на меня. Женщину? Осквернённую женщину? Горе? Лицо, вызывающее сочувствие?

— Я понимаю, Вас надо отвести домой. Это может сделать полиция, — он посмотрел на офицера в униформе, который стоял в стороне. — Но я хотел бы отвезти Вас, если всё в порядке?

Ничего не было в порядке. Но я также ничего не говорила. Вместо этого я думала о том, откуда мужчина точно знал, что делать и что говорить, чтобы успокоить меня. Он был врачом; задним числом всё это обретало смысл. Если у меня был выбор, как возвращаться домой, то я выбрала не ехать на заднем сидении полицейской машины.

Я кивнула.

Он посмотрел на полицейского, который, казалось, был более чем счастлив передать меня. Случай изнасилования на Рождество, который напоминал, что в мире существовало зло, даже когда следы Санта Клауса и его оленей ещё оставались в небе?

Доктор Астерхольдер вывел меня через боковую дверь на парковку для персонала. Он предложил подъехать к фасаду здания, чтобы забрать меня, но я твёрдо отказалась, покачав головой. Его автомобиль был невзрачным. Скромный гибрид. Это выглядело немного заносчиво. Мужчина открыл для меня дверь, подождал, пока мои ноги не оказались внутри... закрыл её... подошёл к своей стороне. Я смотрела в окно на дождь. Я хотела извиниться, что испортила его Рождество. Что меня изнасиловали. Что он чувствовал, что ему надо отвести меня домой.

— Ваш адрес? — спросил он. Я оторвала взгляд от дождя.

— Проспект Аткинсон 1226. — Его рука зависла над GPS, прежде чем вернуться обратно к рулю.

— Каменный дом? На холме, с лозами на трубе?

Я кивнула. Мой дом был заметен со всего озера, но он должен был жить достаточно близко, чтобы знать о лозе.

— Я живу в этом районе, — сказал он, спустя мгновение. — Красивый дом.

— Да, — ответила ему рассеянно. Вдруг я почувствовала холод. Обняла себя руками, чтобы скрыть мурашки, и мужчина усилил отопление без моей просьбы. Я увидела семью, пересекавшую автостоянку, каждого с охапкой подарков. Все четверо были одеты в новогодние колпаки, от малыша и до папаши с пивным пузом. Они выглядели полными надежды.

— Почему Вы не со своей семьёй в Рождество? — спросила я его.

Он выехал со стоянки и оказался на улице. Был час дня Рождества, так что на этот раз не было никакого движения.

— Я переехал сюда из Роли два месяца назад. Моя семья осталась на востоке. Я не успел накопить достаточно отпускных, чтобы поехать к ним. Плюс штат в больнице сокращён на Рождество. Я должен был выйти на смену сегодня позже.

Я снова отвернулась к окну.

Мы молчали в течение нескольких миль, и тогда я сказала:

— Я не кричала... может, если бы я кричала...

— Вы были в лесу, и это было рождественское утро. Там не было никого, кто мог бы услышать Вас.

— Но я могла бы попытаться. Почему я не попыталась?

Доктор Астерхольдер посмотрел на меня. Мы стояли на красном, поэтому он мог.

— Почему я не подъехал раньше? Всего десять минут, и я мог бы спасти Вас...

Мой шок встряхнул меня. За минуту я стала другой Сенной. Потрясённая, я сказала:

— Это не Ваша вина.

Свет стал зелёным, грузовик перед нами тронулся вперёд. Перед тем как надавить на газ, доктор Айзек Астерхольдер произнёс:

— И не Ваша.

Дорога от больницы до моего дома заняла около десяти минут. Три светофора, короткий участок скоростной трассы, и извилистый холм, который вызывал даже у крепкой машины предродовые схватки. Шопен мягко играл в динамиках остальную часть пути, пока доктор в молчании вёз меня домой. Обшивка его автомобиля кремовая, что успокаивало. Он припарковался у моего дома и сразу же вышел, чтобы открыть мою дверь. Мне пришлось напомнить себе как двигаться, ходить, вставлять ключи в замок. Это как прикладывать сознательное усилие, управляя своими конечностями вне своего тела: кукловод и марионетка в одно и то же время. Или, может быть, я не была в своём теле. Может быть, настоящая я до сих пор бегала на той тропе, и та, что он схватил, была другой частью. Может быть, можно было оторваться от уродливых вещей, которые случились с вами. Но даже когда я открыла дверь, то знала, что это было не так. Я чувствовала слишком много страха.

— Хотите, чтобы я проверил дом? — спросил доктор Астерхольдер. Его глаза смотрели мимо меня в прихожую. Я посмотрела на него, благодарная за предложение, но также боялась впустить его. Со всем уважением, доктор был человеком, который спас меня, но я всё ещё смотрела на него так, будто он мог напасть на меня в любую минуту. Мужчина, казалось, почувствовал это. Я сама бросила взгляд в темноту позади себя, и вдруг почувствовала себя слишком напуганной даже для того, чтобы нажать на выключатель. Что ждало меня там? Человек, который меня изнасиловал?

— Я не хочу, причинять неудобства. — Он шагнул назад, подальше от меня и дома. — Могу оставить Вас здесь и уйти.

— Подождите, — сказала я. Мне было стыдно за свой голос, охрипший от паники. — Пожалуйста, проверьте. — Мне было несказанно тяжело произнести обращение за помощью. Он кивнул. Я шагнула в сторону, чтобы позволить ему войти. Когда вы позволяете кому-то войти в ваш дом, чтобы проверить наличие в нём монстров, вы невольно впускаете его в свою жизнь.

Я ждала на табурете в кухне, в то время как он осматривал комнаты. Я слышала, как мужчина движется от спальни до ванной, а затем в мой офис, который находился над кухней. «Ты в шоке», — сказала я себе. Доктор проверил каждое окно и дверь. Когда он закончил, то вытащил карточку из бумажника и положил её передо мной на столешницу.

— Звоните мне в любое время, когда я понадобится. Мой дом находится в миле отсюда. Я хотел бы навестить Вас завтра, если это возможно.

Я кивнула.

— Есть ли у Вас кто-то, кто может приехать? Остаться с Вами сегодня вечером?

Я колебалась. Не хотела признаваться ему, что у меня никого нет.

— Я буду в порядке, — ответила я.

Когда он ушёл, я придвинула диван к входной двери и вклинила его между косяком и стеной. Это было небольшим препятствием для кого-то, кто мог вторгнуться ко мне, чем мои небольшие и не эффективные кулаки, но это заставило меня чувствовать себя лучше. Я разделась в прихожей, сбросив лёгкие брюки и рубашку, которые медсестра дала мне в больнице после того, как забрала мои вещи в мешках для сбора улик. Голая, я отнесла их к камину, бросив на пол рядом с собой, пока открывала решётку и раскладывала поленья. Я зажгла огонь и ждала, пока он не стал большим и прожорливым. Тогда бросила в него всё и наблюдала, как сгорает худший день в моей жизни.

Взяв губку и полупустую флягу отбеливателя в ванной на нижнем этаже, я включила воду на самую горячую температуру. Ванная наполнилась паром. Когда зеркала запотели, и я не могла видеть себя, то залезла в ванну и наблюдала, как моя кожа краснеет. Я тёрла тело, пока кожа не стала кровоточить, а вода вокруг моих ног не порозовела. Открутив крышку отбеливателя, я подняла его над плечами и вылила на себя. Я вскрикнула и должна была держать себя прямо, пока делала это снова. Затем опустилась на пол с широко расставленными коленями, и, приподняв бёдра, влила его в своё тело. Они дали мне таблетку, сказав, что она предотвратит нежелательную беременность. «На всякий случай», — сказала медсестра. Но я хотел очистить всё, чего он коснулся, каждую клетку кожи. Мне необходимо было убедиться, что на мне ничего не осталось от него. Нагая, вышла на кухню и вытащила нож из блока, который был рядом с холодильником. Остриём ножа я пробежалась вверх и вниз по внутренней части предплечья, отслеживая свою любимую вену. Слишком много окон; в моём доме было слишком много путей для взлома. Что, если он наблюдал за мной? Что, если знал, где я живу?

С этой последней мыслью я пронзила кожу и сделала надрез около двух дюймов. Я смотрела на ручеёк крови, струящийся по моей руке, загипнотизированная этим зрелищем. И тут раздался звонок в дверь. Нож с грохотом упал на пол.

Я так испугалась, что не могла двигаться. Звонок раздался снова. Схватив кухонное полотенце, я прижала его к порезу на руке и посмотрела в сторону двери. Если бы это был кто-то, кто хотел причинить мне вред, то, вероятно, не звонил бы в дверь. Из корзины для белья, которая находилась на кухонном столе, я схватила чистые футболку и джинсы. Они с трудом налезли на влажную кожу, пока я второпях одевалась. Я взяла с собой нож. Мне пришлось сдвинуть диван в сторону, чтобы добраться до двери. Когда я посмотрела в глазок, мои руки дрожали так сильно, что я едва могла держать нож. Там я увидела доктора Астерхольдера в другой одежде.

Я открыла засов и распахнула дверь настежь. Шире, чем следовало бы женщине,

испытывавшей такой день, как мой. Даже до того, как это произошло со мной, я так не делала. Мы смотрели друг на друга в течение тридцать секунд, прежде чем он нашёл глазами кухонное полотенце, пропитанное свежей кровью.

— Что ты наделала?

Я смотрела на него. Не могла ничего сказать, как будто бы забыла, как это делается. Он схватил меня за руку и сорвал ткань с раны. Именно тогда я поняла, что доктор подумал, будто я пыталась себя убить.

— Он не... он не на том месте, — произнесла я. — Всё не так. — Доктор быстро моргал, когда отводил взгляд от пореза

— Давай, — сказал он. — Давай приведём тебя в подарок.

Я последовала за ним в кухню и скользнула на табурет, не совсем понимая, что произошло. Мужчина взял мою руку, в этот раз более нежно, и перевернул её, отлепляя полотенце.

— Бинты? Антисептик?

— Наверну в ванной, под раковиной.

Он отправился разыскивать мою маленькую аптечку и вернулся с ней через две минуты. Я поняла, что всё ещё сжимала нож, когда доктор осторожно разжал мои пальцы и опустил его на столешницу.

Он не разговаривал, пока очищал и перевязывал мою рану. Я наблюдала за работой его рук. Его пальцы были ловкими и проворными.

— Нет необходимости накладывать швы, — сказал мужчина. — Рана поверхностная. Но нужно держать её в чистоте.

Его взгляд упал на кровоподтёки на открытых участках кожи, оставленные губкой.

— Сенна, — сказал он. — Есть люди, группы поддержки...

Я прервала его:

— Нет.

— Хорошо. — Кивнул он. Это напомнило мне о том, каким образом мой психолог говорил «хорошо», будто слово было проглочено и переварено, вместо того, чтобы быть сказанным. Так или иначе, у него, казалось, оно звучало менее снисходительно.

— Зачем ты здесь?

Он немного колебался, затем сказал:

— Ради тебя.

Я не поняла, что доктор имел в виду. Мои мысли были так запутаны, порывисты. Я никак не могла...

— Отправляйся в постель. Я буду спать прямо там. — Он указал на диван, всё ещё примыкавший к входной двери.

Я кивнула. «Ты в шоке», — сказала я себе снова. — «Ты позволила незнакомцу спать на диване».

Я слишком устала, чтобы думать об этом. Я поднялась наверх и заперла дверь спальни, по-прежнему не чувствуя себя в безопасности. Взяв подушку и одеяло, я перенесла их в ванную, закрыв дверь, и там легла на коврик. Я уснула сном женщины, которая только что была изнасилована.

Я проснулась и начала смотреть в потолок. Что-то было не так... что-то... но я не могла понять, что именно. Тяжесть сдавила грудь. Состояние, которое приходит, когда вы чувствуете страх, но не можете точно указать пальцем почему испытываете его. Пять минут, двадцать минут, две минуты, семь минут, час. Понятия не имею, как долго так лежала, глядя в потолок... не думая. Тогда я перевернулась на бок и слова медсестры вернулись ко мне — «дискомфорт». Да, я чувствовала дискомфорт. *Почему?* Потому, что меня изнасиловали. Мой разум ужаснулся. Как-то раз я видела, как соседский мальчик сыпал соль на улитку. И в ужасе наблюдала, как её маленькое тельце распадалось на тротуаре. Я с плачем убежала домой и спросила у мамы, почему у того, чем мы приправляем нашу еду, есть сила, способная убить улитку. Она ответила, что соль поглощает всю воду, из которой состоят их тела, поэтому они, по существу, высыхают и погибают, потому что не могут дышать. Вот как я себя ощущала. Всё изменилось в один день. Я не хотела признавать, но оно было здесь — между моих ног, в моей голове... О, Боже, на моём диване. Вдруг я не смогла дышать. Перевернулась, потянувшись за ингалятором в тумбочке, и сбила лампу, стоящую на ней. Она рухнула на пол, пока я пыталась сесть. И как вообще я вернулась в свою кровать? Я уснула в ванной комнате, на полу. Через секунду доктор Астерхольдер ворвался через дверь моей спальни. Он посмотрел на лампу, затем снова на меня.

— Где он? — рявкнул мужчина. Я указала в необходимом направлении, и доктор в два шага пересёк комнату. Я наблюдала, как он рывком открывал ящик и рылся в нём, пока не нашёл то, что нужно. Выхватила ингалятор из его рук, обхватила ртом отверстие и через секунду почувствовала, как «Албутерол» (*Прим. ред.: раствор для ингаляций от астмы*) заполнил мои лёгкие. Он подождал, пока я не восстановила своё дыхание, чтобы поднять лампу. Я была смущена. Не только из-за приступа астмы, но и из-за ночи. Из-за того, что позволила ему остаться.

— С тобой всё в порядке?

Я кивнула, не глядя на него.

— От астмы?

«Да». Будто почувствовав мой дискомфорт, доктор вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Она с трудом вернулась на место, как будто вылетела из петель. Я заперла дверь ночью, и ему удалось попасть сюда только при помощи жёсткого толчка плечом. От этого я почувствовала себя плохо.

Я снова приняла душ, на этот раз, отказавшись от чистящей губки, а используя простое белое мыло с выбитой на нём птичкой, деликатно втирая его в кожу. Птица раздражала меня, поэтому я соскрестила её ногтём. Моя розовая кожа, ещё со свежими ранами с прошлой ночи, покалывала под горячей водой. «Ты в порядке, Сенна», — сказал я себе. — «Ты не единственная, с кем это произошло». Я вытерлась, осторожно пропитывая нежную кожу, и остановилась, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Я выглядела другой. Хотя не могла точно

сказать, что изменилось. Может быть, была более бездушной. Когда я была ребёнком, моя мать сказала, что люди теряют душу двумя способами: кто-то может отобрать её у тебя, либо ты отдаёшь её добровольно.

«Ты мертва», — подумала я. Мои глаза сказали, что это была правда. Я оделась, прикрывая каждый дюйм тела одеждой. Напялила так много слоёв, что кому-то придётся вырезать меня из неё, чтобы добраться до тела. Потом я спустилась вниз, вздрагивая от дискомфорта между ног. Я нашла доктора на кухне, сидящим на табурете и читающим газету. Он сварил кофе и пил его из моей любимой чашки. Я даже не выписывала газет. Надеюсь, он украл её у моих соседей, я их ненавидела.

— Привет, — сказал он, опуская чашку. — Надеюсь, ты не возражаешь. — Доктор указал на кофейник, и я покачала головой. Мужчина встал и налил мне чашку. — Молоко? Сахар?

— Нет, — ответила ему. Я не хотела кофе, но взяла его, когда он протянул. Айзек был осторожным и старался не касаться меня, чтобы не оказаться слишком близко. Я сделала небольшой плоток и поставила чашку. Было странно. Как утром после одноразового секса, когда никто не знает, где стоять, что говорить, и где их нижнее бельё.

— Что ты за врач?

— Хирург.

На этом мои вопросы закончились. Он встал и понёс чашку к раковине. Я наблюдала, как мужчина моет её и, перевернув, кладёт на сушилку.

— Я должен ехать в больницу.

Я смотрела на него, не уверенная, почему доктор рассказывал мне об этом. Теперь мы были командой? Он вернётся?

Мужчина вытащил ещё одну визитку и положил её на столешницу.

— Если я тебе понадобится.

Я посмотрела на карточку, простую белую, с печатными буквами, а затем обратно на его лицо.

— Не понадобится.

Я провела остальную часть дня на заднем крыльце, глядя на озеро Вашингтон. Выпила ту чашку кофе, которую доктор Астерхольдер вручил мне, прежде чем ушёл. Он давно перестал быть горячим, но я сжала её между руками, будто пыталась согреться. Это было действие, язык тела, которому я научилась подражать. Сама преисподняя могла бы развернуться передо мной, и я, вероятнее всего, не почувствовала бы этого.

У меня не было мыслей. Я видела вещи глазами, и мой мозг обрабатывал цвета и формы, не прививая им чувства: вода, лодки, небо и деревья, пухлые гагары, скользящие над водой. Мои глаза осмотрели всё, от озера до моего двора. Тяжесть в груди продолжала давить. Я игнорировала её. В Вашингтоне солнце садилось рано, в четыре тридцать было уже темно, и не на что было смотреть, лишь на отблески крошечных огней из домов около воды. Рождественские огни, которые снимут в ближайшее время. Мои глаза болели. Я услышала звонок в дверь, но не смогла встать и ответить. В конце концов, они уйдут, ведь так обычно и бывает. Они всегда так делали.

Я почувствовала давление на плечах. Посмотрела вниз и увидела руки, сжимающие меня. Руки, как если бы тело не было к ним привязано. Лишь руки. Что-то оборвалось, и я начала кричать.

— Сенна!... Сенна!

Я слышала голос. Это был глухой звук, будто кто-то говорил с набитым сыром ртом. Моя голова откинулась назад, и вдруг я поняла, что кто-то меня трясёт.

Я видела его лицо. Он коснулся пальцем пульса на моей шее.

— Я здесь. Почувствуй меня. Посмотри на меня. — Доктор схватил руками моё лицо, заставляя смотреть на него.

— Тише... тише, — произнёс он. — Ты в безопасности. Я держу тебя.

Мне захотелось смеяться, но я была слишком занята, пока кричала. Кто сейчас в безопасности?

Никто. Существует слишком много плохого, слишком много зла в мире, из-за которого нам никогда не быть в безопасности.

Он боролся со мной для того, что должно быть было объятием. Обхватил руками моё тело, а лицо было прижато к его плечу. Пять лет, десять лет, год, семь, как много времени прошло с тех пор, как меня обнимали? Я не знала этого человека, но всё же знала. Он врач. И помог мне. Айзек провёл ночь на диване, чтобы не оставлять меня в одиночестве. И взломал дверь моей спальни, чтобы найти мой ингалятор.

Я слышала, как он успокаивал меня, словно ребёнка. Я цеплялась за него, твёрдое тело в темноте. Видела, как хваталась за него, пока он держал меня... и испытывала чувство паники, неверие и онемение, которые переплелись вместе в этой схватке. Я вопила уродливым, гортанным звуком, словно раненый зверь. Не знаю, как долго это длилось.

Он отнёс меня внутрь. Просто поднял на руки и понёс через французские двери, нежно уложив на диване. Я легла, свернувшись калачиком, подтягивая колени к подбородку. Доктор накрыл меня одеялом и развёл огонь, а затем исчез на кухне, и я слышала, как мужчина двигался по ней. Когда он вернулся, то усадил меня, протягивая кружку чего-то горячего.

— Чай, — произнёс он. У него было несколько кусочков сыра и кусок домашнего хлеба на тарелке. Я испекла хлеб в канун Рождества. *До всего этого.* Я оттолкнула тарелку, но взяла чай. Мужчина наблюдал, как я пью, сидя передо мной на корточках. Чай был сладким. Айзек дождался, пока я закончу, и взял чашку.

— Ты должна поесть.

Я покачала головой.

— Почему ты здесь? — мой голос был хриплым, слишком много кричала. Белая прядь висела перед глазами, я заправила её и посмотрела на пламя.

— Ради тебя.

Не знаю, что он имел в виду. Чувствовал ответственность, потому что нашёл меня? Я снова легла, свернувшись калачиком.

Он сидел на полу перед диваном, на котором я лежала, лицом к огню. Я закрыла глаза и заснула.

Когда я проснулась, он исчез. Села и осмотрела комнату. Свет проникал через кухонное окно, и это означало, что я проспала всю ночь. Я понятия не имела, сколько было времени, когда доктор внёс меня внутрь. Набросила на плечи одеяло и босиком побрела на кухню. Разул ли он меня, когда нёс внутрь? Не помню. Я, возможно, не была вовсе обута. В кофейнике меня ждал свежий кофе, и чистая чашка стояла рядом с ним. Я подняла чашку, и под ней Айзек оставил ещё одну визитку. «Умно». Доктор написал что-то внизу.

«Позвони мне, если тебе что-то понадобится. Съешь что-нибудь».

Я смяла карточку в кулаке и бросила её в раковину.

— Не понадобится, — произнесла вслух. Открыла кран и позволила воде смыть его слова.

Я приняла душ. Оделась. Развела ещё один огонь. Смотрела на него. Подбросила поленьев. Смотрела на огонь. Около четырёх забрела в свой кабинет и села за стол. Мой офис был самым стерильным помещением в доме. Большинство авторов заполняют своё творческое пространство теплотой и цветом, фотографиями, которые вдохновляют, креслами, которые позволяют им думать. Мой кабинет состоял из чёрного лакированного стола в центре абсолютно белой комнаты: белые стены, белый потолок, белая плитка. Мне нужна пустота, чтобы думать, чистый белый холст для рисования. Чёрный стол был якорем для меня. В противном случае я бы просто парила среди белизны. Вещи отвлекали меня. Или, может быть, путали. Мне не нравилось жить в цвете. Так было не всегда. Я научилась лучше выживать.

Я открыла МакБук (*Прим. ред.: представитель семейства ноутбуков*

от «Apple

«) и уставилась на курсор. Час, десять минут, день... Не уверена, как много прошло времени. В дверь позвонили, выводя меня из оцепенения. Когда я пришла сюда? Я почувствовала, как окоченела, когда встала. Значит давно. Спустилась вниз по лестнице и остановилась перед дверью. Каждое из моих движений было роботизированным и вынужденным. Я видела машину доктора Астерхольдера через глазок: угольно чёрная, занимающая всю дальнюю часть моей влажной, кирпичной дороги. Открыла дверь, и он уставился на меня, будто это было нормальным — находиться на моём пороге. В обеих руках у него бумажные пакеты, до краев загруженные продуктами. Айзек купил мне продукты.

— Почему ты здесь?

— Ради тебя. — Он шагнул мимо меня и прошёл на кухню без моего разрешения. Я застыла на несколько минут, глядя на его машину. Снаружи моросил дождик, небо было покрыто густым туманом, который окутывал деревья, словно саван. Когда я, наконец, закрыла дверь, то дрожала.

— Доктор Астерхольдер, — сказал я, входя на кухню. *Мою кухню.* Он распаковывал продукты на моей столешнице: банка томатной пасты, коробки ригатони, ярко-жёлтые бананы и прозрачные упаковки свежих ягод.

— Айзек, — поправил он меня.

— Доктор Астерхольдер. Я ценю... Я... но...

— Ты ела сегодня?

Он выудил сырую визитную карточку из раковины и держал её между двумя пальцами. Не зная, что делать, я подошла к табурету и села. Не привыкла к такого рода агрессии. Люди давали мне пространство, оставляли меня в покое. Даже если я просила их об обратном, что было крайне редко. Не хотела быть ничьим проектом и, определённо, не хотела жалости этого человека. Но на данный момент у меня не было слов.

Я наблюдала, как он открывал бутылки и нарезал продукты. Доктор достал телефон, положил его на столешницу и спросил, не возражаю ли я. Когда я покачала головой, Айзек включил его. Её голос был хриплым. Она звучала по-старому и по-новому одновременно, инновационно, классически.

Я спросила его, кто это, и он ответил:

— Джулия Стоун.

Это было литературное имя. Мне понравилось. Он проиграл весь её альбом, бросая продукты в кастрюлю, которую нашёл сам. В доме было темно, кроме света на кухне, который освещал доктора. Всё ощущалось необычно, как жизнь, которая мне не принадлежала, но я с удовольствием наблюдала за ней. Когда в последний раз я принимала гостей? С тех пор, как купила этот дом, никогда. Это было три года назад. Над раковиной было широкое окно, которое простиралось во всю стену. Вся кухонная техника была расположена на той же стене, поэтому независимо от того, что вы делали, у вас был панорамный вид на озеро. Иногда, когда я мыла посуду, то так увлекалась происходящим снаружи, что не чувствовала рук из-за воды, которая становилась холодной, прежде чем осознавала, что стояла так в течение пятнадцати минут.

Я наблюдала, как он вглядывался в темноту, пока возился у плиты. Позади него, как светлячки в чернилах, плавали огни домов. Я отвела от него глаза, и вместо этого тоже всматривалась в темноту. Темнота утешала меня.

— Сенна? — я подскочила.

Айзек стоял рядом со мной. Он положил салфетку и приборы передо мной, вместе с тарелкой, полной дымящейся еды, и стакан чего-то газированного. Я даже не заметила.

— Содовая, — сказал доктор, когда увидел, на что я смотрю. — Моя слабость.

— Я не голодна, — ответила ему, отодвигая тарелку.

Он придвинул её назад и постучал указательным пальцем по столешнице.

— Ты не ела три дня.

— Какое тебе дело? — вышло жёстче, чем я предполагала. Как всё, что я говорила и делала.

Я наблюдала за его лицом, ожидая лжи, но Айзек только пожал плечами.

— Я тот, кто есть.

Я съела его суп. Затем он устроился поудобнее на диване и заснул. В одежде. Я стояла на лестнице и смотрела на него в течение длительного времени. Его ноги в носках торчали из-под одеяла, которым мужчина укрывался. В конце концов, я забралась в свою постель. Протянула руку, прежде чем закрыла глаза, и коснулась книги на тумбочке. Просто обложка.

Айзек приходил каждый вечер. Иногда раньше трёх, иногда после девяти. Настораживало то, как быстро человек мог с чем-то смириться, например, с незнакомцем в своём доме, который спал здесь и забрасывал зёрна кофе в вашу кофеварку. Когда доктор начал покупать продукты и готовить, это ощущалось так привычно. Как будто у меня неожиданно появился сосед или родственник, которого я не приглашала. Однако по ночам, когда Айзек поздно возвращался, я ощущала тревогу, бродя по коридорам в трёх парах носков, и не могла находиться ни в одной комнате дольше нескольких секунд, прежде чем перейти в следующую. Хуже всего было то, что когда он приезжал, я сразу же удалялась в

свою спальню, чтобы спрятаться. Нельзя было показывать облегчение, которое я испытывала, когда видела огни его автомобиля через окна. Это отдавало холодностью, но так я выживала. Хотела спросить его, почему он задержался. Из-за операции? Удалась ли она? Но я не решилась.

Каждое утро я просыпалась, чтобы найти одну из визитных карточек на столешнице. Я перестала выбрасывать их через несколько дней, позволяя им накапливаться возле вазы с фруктами. Вазы, которая всегда была заполнена фруктами, потому что Айзек покупал и клал их там: красные и зелёные яблоки, жёлтые груши, время от времени волосатые киви. Мы мало разговаривали. Молчаливые отношения, которые вполне меня устраивали. Он кормил меня, и я говорила «спасибо», а затем доктор отправлялся спать на моём диване. Я начала задаваться вопросом, насколько хорошо спала бы, если бы Айзек не охранял дверь. И спала бы вообще. Диван был слишком коротким, слишком коротким для его шести футов, и был меньшим из двух, что были у меня. Однажды, когда доктор был в больнице, я отвлеклась от разглядывания огня, чтобы передвинуть диван побольше перед дверью. Я оставила ему подушку получше и плед потеплее.

Как-то вечером доктор вернулся почти в одиннадцать. Я уже решила, что он не придёт, думая, что наши странные отношения, наконец, изжили себя. Я поднималась по лестнице, когда услышала тихий стук в дверь. Просто *тук, тук, тук*. Это мог быть порыв ветра, настолько был слабым звук. Но, благодаря моей надежде, я услышала его. Айзек не смотрел на меня, когда я открыла дверь. Не хотел. Или не мог. Он, казалось, обнаружил, что мои полы очень интересные, а затем место чуть выше моего левого плеча. У него были тёмные круги под глазами, две полые луны, отороченные ресницами. Было практически невозможно решить, кто выглядел хуже — я в слоях одежды или Айзек с повисшими плечами. Мы оба выглядели изрядно побитыми.

Я пыталась притвориться, что не наблюдаю за ним, когда он зашёл в ванную и плеснул на лицо холодной воды. Когда доктор вышел, две верхние пуговицы рубашки были растёгнуты и рукава закатаны до локтей. Айзек никогда не приносил сменную одежду. Мужчина спал в том, в чём был, и уходил рано утром, по-видимому, чтобы попасть домой и принять душ. Не знаю, где он жил, сколько ему было лет, или какую медицинскую школу окончил. Всё то, что можно узнать, задавая вопросы. Я знала, что он водил гибрид. Его лосьон после бритья пах как чай масала (*Прим. пер.: «чай со специями» — напиток родом с Индийского субконтинента*

, получаемый путём заваривания чая со смесью индийских специй

и трав), пролитый на старую кожу. Три раза в неделю Айзек покупал продукты. Всегда в бумажных мешках; большая часть Вашингтона состоит из людей, пытающихся спасти планету. Одна баночка колы в день. Я всегда выбирала пластик, просто ради вызова. Теперь в моей кладовой была куча бумажных продуктовых сумок, все аккуратно сложены друг на друга. По четвергам он начал прикатывать зелёный мусорный бак к моей обочине. Я официально и не добровольно стала частью зелёного культа людей. По воскресеньям Айзек крад газету моего соседа. Это единственное, что я действительно в нём любила.

Доктор открыл холодильник и заглянул внутрь, одной рукой потирая шею.

— Здесь ничего нет, — сказал он. — Давай сходим поужинать. — Не то, чего я ожидала.

Я сразу почувствовала, что не могу дышать. И пятилась, пока пятки не упёрлись в

лестницу. Я не выходила из дома в течение двадцати двух дней. Я боялась. Боялась, что ничего не будет как прежде, боялась, что всё будет по-старому. Боялась этого человека, которого не знала, и который говорил со мной так фамильярно. *Давай сходим поужинать.* Как будто мы делали это всё время. Он ничего не знал. Не обо мне, по крайней мере.

— Не убегай, — произнёс он, подходя к месту, где кухня соединялась с гостиной. — Ты не выходила из дома три недели. Это всего лишь ужин.

— Убирайся, — ответила я, указывая на дверь. Он не двигался.

— Я не позволю чему-нибудь случиться с тобой, Сенна.

Тишина, которая последовала, была настолько громкой, что я слышала, как капал кран, как бьётся моё сердце, как сковывавший мои ноги страх просачивался сквозь поры.

Тридцать секунд, две минуты, минута, пять. Не знаю, как долго мы стояли в немом противостоянии. Он не произносил моё имя с ночи, когда нашёл меня на улице. Мы были двумя незнакомцами. Теперь, когда доктор произнёс его, всё вдруг стало реальным. «*Это на самом деле происходит*», — думала я. *Всё это.*

Но он добил.

— Мы пойдём к машине, — сказал Айзек. — Я открою для тебя дверь, потому что это то, что я всегда делаю. Мы поедем в замечательный греческий ресторан. Там лучшие гирос

(Прим. ред.: блюдо греческой кухни, сходное с турецким донером (дёнер — кебабом) или арабской шаурмой

. Разница в том, что в гирос с мясом и соусом кладут картофель фри. В качестве соуса используют томатный соус, соус «Дзадзики»

), который ты когда-либо пробовала, да и открыто круглосуточно. Ты сможешь выбрать музыку в машине. Я открою для тебя дверь, мы войдём внутрь и займём столик у окна. Мы захотим, чтобы стол был у окна, потому что через дорогу от ресторана тренажёрный зал, который находится рядом с пекарней. И мы захотим посчитать, сколько покинувших тренажёрный зал останутся купить пончики после тренировки. Мы будем разговаривать, или же сможем просто смотреть на пекарню. Всё, что пожелаешь. Но ты должна покинуть дом, Сенна. И я не собираюсь позволять чему-нибудь случиться с тобой. Пожалуйста.

Меня трясло, когда он закончил. Так сильно, что я должна была сесть на нижнюю ступеньку, мои ногти вонзились в дерево. Это означало, что я рассматривала его предложение. На самом деле я думала о том, чтобы выйти из дома, желая попробовать гирос... и смотреть на лавку по продаже пончиков. Но не только из-за этого. В его голосе что-то было. Доктор должен был так сделать. Когда я подняла голову, Айзек Астерхольдер стоял на том же месте. Ожидал.

— Хорошо, — ответила я. Это было не похоже на меня, но всё изменилось. И если он был здесь ради меня, я могла бы сделать это ради него. Но только в этот раз.

Шёл дождь. Я любила прикрытие, которое давал дождь. Он защищал от жестокости солнца. Возрождавал вещи к жизни, заставляя их процветать. Я родилась в пустыне, где солнце и мой отец чуть не убили меня. Я переехала в Вашингтон из-за дождя, потому что он приносил в мою жизнь чувство, что моё прошлое смывается. Я смотрела в окно, пока Айзек не протянул мне iPod. Он был довольно потрепанный. Любимый.

Там был саундтрек из фильма «*Волшебная страна*». Я нажала на «плей», и мы ехали без слов. Ни с наших уст, ни из музыки.

В ресторане, который назывался «Олив», пахло луком и бараниной. Мы сели у окна, как Айзек и обещал, и заказали гирос. Ни один из нас не произносил ни слова. Было вполне достаточно просто быть среди живых. Мы наблюдали за людьми, проходящими по тротуару через дорогу. За посетителями тренажёрного зала и посетителями пекарни, и, как он обещал, иногда это были одни и те же люди. Пекарня назвалась «Дырка от бублика». На вывеске был большой розовый матовый пончик со стрелкой в центре. Также на ней был большой мигающий синий знак, который гласил: «Открыто 24/7». Люди в городе не спали. Я должна жить здесь.

У некоторых людей воля была сильнее, чем у других, они только с любовью смотрели в окно «Дырки от бублика» и спешили к машинам. Их автомобили были в основном гибридами. Как правило, гибридные водители задирали нос при виде того, что вредно для них. Но большинство из них не могло устоять перед искушением. Казалось, это была злая шутка, правда. Я насчитала двенадцать человек, которые сопротивлялись вызову быть здоровыми, но последовали за запахом сдобы и липкой глазури. Мне больше нравились эти люди, лицемеры. Я могла бы быть одной из них.

Когда мы поели, Айзек достал кредитку из бумажника.

— Нет, — произнесла я. — Позволь мне...

Он, казалось, готов был спорить. Некоторые мужчины не любят кредитные карты женского пола. Я окинула его жёстким взглядом, и примерно через пять секунд доктор засунул кошелёк обратно в задний карман брюк. Я протянула свою карточку, что было проявлением силы, и выиграла. Либо Айзек просто позволил мне это сделать. Так или иначе, было хорошо проявить немного силы. Когда мужчина увидел, что я смотрю на магазин пончиков через улицу, то спросил, хочу ли я один из них. Я кивнула.

Айзек привёл меня в магазин и купил полдюжины. Когда он протянул мне пакет, тот был горячий... жирный. Мой рот наполнился слюной.

Я съела один, пока доктор вёз меня домой, и мы слушали оставшуюся часть саундтрека «*Волшебной страны*». Я даже не любила пончики, просто хотела узнать, что заставляло этих людей превращаться в лицемеров.

Когда мы заехали на мою подъездную дорожку, я не была уверена, собирался ли он зайти или оставит меня у двери. Сегодня правила изменились. Я согласилась выйти куда-нибудь с ним. Как будто у нас свидание или, по крайней мере, дружеская встреча. Но когда я открыла дверь, Айзек последовал за мной внутрь и закрыл засов. Я поднималась вверх по лестнице, когда услышала его голос:

— Сегодня я потерял пациентку. — Я остановилась на четвёртой ступеньке, но не обернулась. А следовало бы. Что-то вроде этого стоило того, чтобы обернуться. Его голос прозвучал низко: — Ей было всего шестнадцать. Её сердце остановилось на столе. Мы не смогли спасти её.

Моё сердце колотилось. Я сжала перила до такой степени, что вены проступили на руках, и думала, что дерево могло сломаться под давлением.

Ждала, что он скажет что-то ещё, и, когда доктор ничего не сделал, я поднялась по оставшимся ступенькам. И после того, как попала в свою спальню, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Почти так же быстро я развернулась и прижалась ухом к дереву. Не слышала никакого движения. Я сделала семь шагов назад до тех пор, пока не упёрлась ногами в кровать, широко раскрыла руки и упала назад.

Когда мне было семь, мать бросила отца. Она бросила и меня, но, в основном, оставила отца. И сказала мне об этом, прежде чем вынесла два чемодана за дверь и забралась в такси. *«Я должна сделать это ради себя. Он медленно убивает меня. Я не оставляю тебя, я ухожу от него».*

У меня никогда не было мужества спросить, почему мать не забрала меня. Я наблюдала в окно гостиной, как она уезжала, прижав руки к стеклу и безмолвно умоляя **ОСТАНОВИТЬСЯ**... Прощальные слова, которые она мне сказала: *«Ты будешь чувствовать меня, падая назад».* Мать поцеловала меня в губы и ушла.

Я никогда не видела её снова. А всё время пыталась понять, что она имела в виду. Моя мать была писательницей, одной из малоизвестных вычурных писак, которые окружали себя цветом и звуком. В конце семидесятых она опубликовала два романа, а затем вышла замуж за моего отца, который, как утверждала мать, высасывал из неё всё творчество. Иногда мне казалось, что я стала писателем просто, чтобы она заметила меня. Как следствие, я была очень хороша в этом. И не чувствовала её, падая назад.

Я смотрела в потолок и задавалась вопросом, как чувствует себя человек, держащий чью-то жизнь в своих руках, а затем, смотрящий, как она ускользает прочь. Как Айзек. И когда это я начала называть его по имени? Я чувствовала, что проваливалась в сон, и закрыла глаза, приветствуя его. И проснулась от собственного крика.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кто-то держал меня, я извивалась то влево, то вправо, чтобы вырваться. Я закричала снова, и почувствовала горячее дыхание на шее и лице. Треск, и дверь спальни распахнулась. *«Слава Богу! Кто-то здесь, чтобы помочь мне».* И тогда я поняла, что была одна, погружённая в остаток сна. Здесь никого не было. Никто не напал на меня. Айзек склонился надо мной, произнося моё имя. Я слышала, как кричу, и мне было так стыдно. Я закрыла глаза, но не могла остановиться. Не могла отделаться от ощущения жестоких, безжалостных рук на своём теле, разрывающих, давящих. Я закричала громче, пока мой голос не отрастил ногти и не вонзил их в горло.

— Сенна, — произнёс доктор, и не знаю, как я услышала его сквозь шум, который создавала, — Я собираюсь прикоснуться к тебе.

Я не сопротивлялась, когда Айзек залез в постель позади меня, и вытянул ноги по обе стороны от моих. Затем приподнял меня, пока я не присела, прислоняясь спиной к его груди, и обернул руки вокруг моего туловища. Мои руки были сжаты в кулаки, пока я кричала. Единственный способ справиться с болью — двигаться, поэтому я раскачивалась взад и вперёд, и он двигался со мной. Его руки были якорем, связью с реальностью, но я всё ещё была наполовину во сне. Айзек назвал моё имя:

— Сенна.

Звук его голоса и тон немного успокоили меня. Голос Айзека был медленным раскатом грома.

— Когда я был маленьким, у меня был красный велосипед, — произнёс он. Я должна была прекратить кричать, чтобы услышать его. — Каждую ночь, когда я шёл спать, я молил Бога, чтобы он дал моему велосипеду крылья, чтобы утром я мог бы на нём улететь. Каждое утро я выползал из постели и бежал прямо в гараж, чтобы увидеть, ответил ли он на мои молитвы. Этот велосипед до сих пор у меня. Теперь уже больше ржавый, чем красный. Но я всё ещё проверяю. Каждый день.

Я перестала раскачиваться.

Меня всё ещё трясло, но его руки, обхватившие мою талию, уменьшили дрожь.

И я заснула в объятиях незнакомца. И не боялась.

Айзек уверенно дышал. Он делал спокойные и глубокие вдохи, а его выдохи напоминали тихие вздохи. Хотела бы я уметь дышать так же. Но для меня всё уже позади. Я слушала его очень долго, до тех пор, пока не встало солнце, и его лучи не начали пробиваться сквозь облака. Облака победили, в Вашингтоне они всегда побеждают. Я по-прежнему лежала в мужских объятиях, прижавшись к его груди, к груди человека, которого не знала. Мне хотелось размять мышцы, но я не шевелилась, потому что лежать так было очень приятно. Его руки покоились на моём животе. Я изучала их глазами, осмеливалась двигать только ими. Они ничем не отличались от обычных рук, но я знала, что двадцать семь костей в каждой из них исключительны; окружены мышцами, нервами, кожей и все вместе спасают человеческую жизнь своей ловкостью и точностью. Руки могут разрушать, но также они могут и восстанавливать. Руки Айзека восстанавливали. В конце концов, дыхание доктора стало легче, и я поняла, что он проснулся. Казалось, мы выжидали, чтобы увидеть, кто сделает первый шаг. Он убрал руки с моего тела, а я отползла в сторону и слезла с кровати. Я не смотрела на него пока шла в ванную. Умылась и приняла две таблетки аспирина от головной боли. Когда я вышла, он исчез. Я пересчитала визитки на столешнице. Сегодня Айзек не оставил ни одной.

Этой ночью он не вернулся, и следующей тоже.

И следующей.

И следующей.

И следующей.

Кошмары мне больше не снились, но вовсе не из-за отсутствия ужаса. Я боялась спать, поэтому и не спала. Все ночи я просиживала в кабинете, пила кофе и размышляла о его красном велосипеде. Единственным цветным пятном в комнате был красный велосипеда Айзека. Тридцать первого января позвонил отец. Я была на кухне, когда телефон завибрировал на столе. В доме не было стационарного телефона, только мобильный. Я, не глядя на экран, ответила.

— Привет, Сенна. — У отца всегда был особенный голос, гнусавость с акцентом, от которого он пытался избавиться. Мой отец родился в Уэльсе и переехал в Америку, когда ему было двадцать, но европейский менталитет и акцент никуда не делись, к тому же, папа одевался как ковбой. Это самая печальная картина, которую я когда-либо видела.

— Как прошло Рождество?

Я сразу почувствовала холод.

— Хорошо. Как твоё?

Он начал подробный поминутный отчёт о том, как провёл Рождество. В целом я была

благодарна, что мне не надо говорить. Отец завершил свой монолог, рассказывая о продвижении по службе, что говорил каждый раз, когда мы разговаривали.

— Я думаю приехать повидаться с тобой, Сенна. В ближайшее время. Билл сказал, что в этом году я могу взять дополнительный отпуск на неделю, потому что работаю в компании двадцать лет.

Я жила в Вашингтоне восемь лет, и он никогда не приезжал ко мне в гости, ни разу.

— Было бы здорово. Слушай, пап, ко мне должны прийти друзья. Я должна идти.

Мы попрощались, и я повесила трубку, прислонившись лбом к стене. Это всё, что я услышала от него до конца апреля, когда он позвонит снова.

Телефон зазвонил во второй раз. Я уже было решила не отвечать, но код номера был из Вашингтона.

— Сенна Ричардс, это офис доктора Альберта Монро.

Я ломала голову, пытаюсь вспомнить врача и его специальность, а затем, во второй раз за день, моя кровь застыла в жилах.

— Пришли результаты вашей маммографии. Доктор Монро хочет, чтобы вы заехали в клинику.

Следующим утром, когда я вышла из дома и шла к машине, «Тойота гибрид» Айзека въехала на мою подъездную дорожку в форме подковы. Я остановилась, чтобы посмотреть, как он выходит из машины и надевает свою куртку. Он делал это небрежно, его изящные движения прекрасно смотрелись со стороны. Раньше Айзек никогда не приезжал так рано. Поэтому я задалась вопросом, что он делал, когда не работал по утрам. Доктор направился ко мне и остановился ровно в двух шагах. На нём был светло-голубой свитер из овечьей шерсти, рукава которого были закатаны до локтей. Я была потрясена, заметив виднеющиеся чернила татуировки. Разве врачи делают себе татуировки?

— У меня запись к врачу, — сообщила я, обходя его.

— Я врач.

Я была рада, что стою к нему спиной, пока улыбалась.

— Да, знаю. В штате Вашингтон есть и другие.

Айзек откинул голову назад, будто его удивило, что жертва, для которой он готовил еду, на самом деле стойкая особа, которой чужда экспрессия.

Я открыла водительскую дверь своего «Вольво», но он протянул руку к ключам.

— Я отвезу тебя.

Я опустила глаза на его руку и попыталась ещё раз рассмотреть татуировки.

На его коже вытатуированы какие-то слова, я видела лишь край тату. Я скользнула взглядом по рукаву рубашки Айзека и перевела его к шее. Я не хотела смотреть в глаза доктора, когда передавала ключи. Врач, который любил слова. Представьте себе.

Мне стало любопытно. Что мог мужчина, который всю ночь держал в своих объятьях кричавшую женщину, написать на своём теле? Я села на пассажирское сиденье, и сказала Айзеку куда ехать. Радио в моей машине настроено на станцию классической музыки. Он сделал громче, чтобы услышать, что играло, а затем уменьшил звук.

— Ты всегда слушаешь только музыку без слов?

— Да. Поверни здесь налево.

Он свернул за угол и окинул меня любопытным взглядом.

— Почему?

— Чем проще, тем лучше. — Я откашлялась и устала прямо перед собой. Мои слова прозвучали так тупо. Я чувствовала, что он смотрел на меня так, словно разрезал, как одного из своих пациентов. Не хочу, чтобы меня разрезали.

— Твоя книга, — произнёс он. — Люди говорят о ней. Она далеко не простая. Я ничего не ответила.

— Тебе нужна простота, чтобы создавать сложности, — произнёс он. — Я понял. Полагаю, нагромождение информации может помешать твоему таланту.

В точку.

Я пожала плечами.

— Приехали, — тихо сказала я. Айзек подъехал к медицинскому комплексу и припарковался возле главного входа.

— Я подожду тебя здесь.

Он не спрашивал, куда я иду и для чего мы здесь. Просто припарковал машину там, где мог видеть, как я вхожу и выхожу из здания, и ждал.

Мне это понравилось.

Доктор Монро онколог. В середине декабря я обнаружила уплотнение в правой груди. И прекратила беспокоиться о раке из-за другой острой боли, появившейся у меня на тот момент. Я сидела в приёмной, зажав руки между коленями, а на улице в машине меня ждал странный мужчина. Все мои мысли вертелись вокруг татуировок Айзека. Вокруг тех слов, которые вытатуированы у него на руках, и вокруг тех, которые вылетали из его рта. И я думала о красном велосипеде в абсолютно белой комнате.

Рядом с окошком регистрации открылась дверь. Медсестра назвала моё имя.

— Сенна Ричардс.

Я встала и пошла.

У меня рак молочной железы. Я могу рассказать о том, что испытывала в тот момент, когда доктор Монро подтвердил это. Слова, которые он сказал мне после, должны были утешить, успокоить; но суть в том, что у меня рак молочной железы.

Я думала о красном велосипеде, пока шла к машине. Не плакала. Не была шокирована. Просто думала о красном велосипеде, который мог летать. Не знаю, почему я ничего не чувствовала.

Может быть, человек может справиться одновременно лишь с одной дозой душевного истощения. Я скользнула на пассажирское сиденье. Айзек сменил радиостанцию, но переключил обратно на классическую, прежде чем сдать назад. Он не смотрел на меня до тех пор, пока мы не подъехали к моему дому, где он открыл входную дверь моими ключами. Только после этого доктор посмотрел на меня, и мне захотелось провалиться сквозь землю. Не знаю, какого цвета его глаза, не хочу знать. Я протиснулась мимо него в прихожую и остановилась. Не знала куда идти — на кухню? В ванную? В кабинет? Всё казалось глупым. Бессмысленным. Мне хотелось остаться в одиночестве. И в тоже время не хотела оставаться одной. Хотела умереть. И вместе с тем не хотела умирать.

Я побрела к барному стулу, к тому, с которого открывался прекрасный вид на озеро и села на него. Айзек прошёл на кухню. Он начал варить кофе, а затем остановился и посмотрел на меня.

— Не возражаешь, если я включу музыку? Со словами?

Я покачала головой. У него глаза серого цвета. Он включил плеер и положил телефон на хлебницу, пока засыпал перемолотый кофе в фильтр.

В этот раз играло что-то более оптимистичное. Песню исполнял мужской голос. Темп был настолько необычным, что я нейтрализовала свою способность ничего не чувствовать, и слушала.

— «Alt — J», — сказал Айзек, когда увидел, что я слушала. — Песня называется «*Breezeblocks*» (Прим. ред.: британская инди-рок группа, основанная в 2007 году в городе Лидс. «*Breezeblocks*» — песня с их дебютного альбома «*An Awesome Wave*» («, композиция была выпущена 18 мая, как второй сингл с альбома)).

Айзек посмотрел на меня.

— Необычно, правда? Я играл в группе. Получал удовольствие от музыки.

— Но ты же врач. — Я поняла, насколько глупо это прозвучало уже после того, как произнесла. Вытянув локон седых волос, я дважды накрутила его на палец, прямо до самых корней. Не распутывая, облокотилась локтем о столешницу. Мой безопасный оплот.

— Я не всегда был врачом, — ответил он, вытаскивая две чашки из шкафчика. — Но когда стал им, моя любовь к музыке никуда не делась... так же, как и татуировки.

Я посмотрела на его предплечья, где они выглядывали из-под рукавов. Я всё ещё разглядывала их, когда он протянул мне кофе. Моему взгляду были доступны лишь краешки букв.

Вручив мне кофе, Айзек начал готовить обед. У меня не было аппетита, но я не смогла вспомнить, когда ела в последний раз. Я нехотя слушала слова песни, которую он включил. В последний раз, когда я слушала такую музыку, группы милых мальчиков заполнили все радиостанции своими слюнвявыми банальными песнями. Я подумывала спросить, кто поёт, но он опередил меня:

— «*Florence and the Machine*» (Прим. ред.: британская группа, образованная в Лондоне, Англия, в 2007 году и исполняющая инди-поп с элементами блюза, музыки соул и готического рока). Тебе нравится?

— Ты заиклен на смерти.

— Я хирург, — ответил он, не отвлекаясь от нарезки овощей.

Я покачала головой.

— Ты хирург, потому что заиклен на смерти.

Айзек ничего не сказал, но немного замешкался перед тем, как порезать цукини, буквально на долю секунды, но мои глаза замечали абсолютно всё.

— Как и все мы, не так ли? Мы поглощены собственной смертностью. Некоторые люди правильно питаются и занимаются, чтобы продлить свою жизнь, другие пьют и принимают наркотики, бросая вызов судьбе, также есть те, кто плывёт по течению, они пытаются игнорировать смерть в целом, потому что боятся её.

— К какой группе относишься ты?

Он отложил нож и посмотрел на меня.

— Я был приверженцем всех трёх. А теперь я в растерянности.

Правда. Когда в последний раз я слышала такую суровую правду? Я долго наблюдала за ним, пока он раскладывал еду на тарелки. Когда Айзек поставил тарелку передо мной, я озвучила свою новость. Это напомнило чих, непроизвольно вырвавшийся из моего тела, и когда он случился, я почувствовала себя неловко.

— У меня рак груди.

Айзек застыл. Двигались только глаза, взгляд которых медленно встретился с моим взглядом. Мы не двигались... одну... две... три... четыре секунды. Будто он ждал кульминационного момента. Я чувствовала необходимость сказать что-то ещё. Такое со мной впервые.

— Ничего не чувствую. Даже страха. Ты можешь мне сказать, какие чувства нужно испытывать, Айзек?

Его кадык дёрнулся, он облизнул губы.

— Это эмоциональное оцепенение, — наконец, ответил доктор. — Просто смирись.

И всё. Тем вечером мы не произнесли больше ни слова.

На следующий день Айзек отвёз меня в больницу. Я покидала дом всего лишь третий раз, но при мысли о возвращении туда, меня тошнило. Мне не хотелось есть яйца или пить кофе, которые он поставил передо мной. Айзек не заставлял меня есть, как сделало бы большинство, и не смотрел на меня с тревогой, как большинство смотрело бы. Всё было по существу, не хочешь, есть — не ешь. Когда диагноз «рак» висит над тобой как Дамоклов меч, становится страшно. А так как мне итак уже было страшно, то ситуация только усугубилась; один страх смешался с другим страхом. Я как будто унаследовала ракового гремлина. Я предполагала, что он выглядит как мутант, как и мои гены. Он зловещий. Скользкий. Не даёт спать по ночам, грызёт внутренности, вынуждая разум испытывать страх, который побеждает здравый смысл. Я не готова вернуться в больницу. Ведь там я в последний раз испытывала страх, но я должна была, потому что рак пожирал моё тело.

Анализы и исследования начались около полудня. Сначала я проконсультировалась с доктором Акела, онкологом, с которой Айзек учился в медицинской школе. Она полинезийка и так поразительно красива, что у меня отвисла челюсть, когда женщина вошла. Её кожа источала запах фруктов, и этот аромат напомнил мне о вазе на моём столе, которую Айзек периодически пополнял. Я выдохнула, чтобы избавиться от этого запаха и стала дышать через рот. Она говорила о химиотерапии. Её взгляд был участливым, и у меня сложилось впечатление, что врач выбрала профессию онколога потому, что её по-настоящему волнует эта болезнь. Ненавижу людей, которых что-то волновало. Они выпытывали, вынюхивали, и от этого я чувствовала себя не такой человеческой, потому что меня никто и ничто не волновал.

После доктора Акела я встретила с онкологом, ответственным за облучение, а затем с пластическим хирургом, который убеждал меня назначить встречу с психологом. Я видела Айзека между каждым приёмом, каждым исследованием. Он занимался своими осмотрами, но появлялся, чтобы отвести меня к следующему пункту назначения. Это было неловко. Хотя каждый раз, когда появлялся его белый халат, я понемногу привыкала к нему. Как будто

распознавала его бренд — Супер Айзек. У него каштановые волосы, глубоко посаженные глаза, переносица широкая и немножко искривлённая, но наиболее яркая часть его тела — плечи. Они двигались первыми, а за ними следовала остальная часть его тела.

У меня опухоль в правой груди. Вторая стадия рака. Мне предстояло пройти операцию и облучение.

Айзек нашёл меня в кафетерии, где я потягивала кофе и смотрела в окно. Он скользнул в кресло напротив меня и наблюдал, как я гляжу на дождь.

— Где твоя семья, Сенна?

Такой сложный вопрос.

— У меня отец в Техасе, но мы не близки.

— Друзья?

Я посмотрела на него. Он это серьёзно? Мужчина оставался у меня дома каждую ночь этого месяца, и мой телефон ни разу не звонил.

— У меня их нет. — Я не стала язвить в духе «*А сам не мог догадаться?*».

Доктор Астерхольдер заёрзал на стуле, будто ему стало некомфортно из-за этой темы, а затем, подумав немного, сложил руки над крошками на столе.

— Тебе необходима будет поддержка. Ты не можешь сделать всё в одиночку.

— А что ты предлагаешь мне делать? Импортировать семью?

Он продолжил, как будто не слышал меня:

— Возможно, тебе предстоит не одна операция. Иногда, даже после облучения и химиотерапии, рак возвращается...

— Я пройду двойную мастэктомию (*Прим. пер.: хирургическая операция по удалению молочной железы*). Он не вернётся.

Я описывала шок на лицах людей: шок, когда они узнавали, что любимые предали их, шок, когда обнаруживали поддельную амнезию. Чёрт, я даже написала о персонаже, на лице которого всегда было выражение шока, даже когда у него не было на то причин. Но я не могла сказать, что когда-либо раньше видела истинное потрясение. И вот оно было написано на лице Айзека Астерхольдера. Он сразу же свёл брови вместе и бросился в бой.

— Сенна, ты не...

Я отмахнулась.

— Я должна. Нельзя жить каждый день в страхе, зная, что, возможно, он вернётся. Это единственный путь. — Айзек изучал моё лицо, и я знала, он относился к тем людям, которые всегда уважают чувства других людей. Через некоторое время напряжение покинуло его плечи. Доктор поднял руки со стола, и накрыл ими мои. Я видела крошки, прилипшие к его коже. И сосредоточилась на них, чтобы не отпрянуть. Он кивнул.

— Я могу пореко...

Я прервала его в третий раз, выдергивая руки из-под его рук.

— Я хочу, чтобы ты меня оперировал.

Он откинулся назад, закинул руки за голову и уставился на меня.

— Ты хирург — онколог. Я погуглила тебя.

— Почему ты просто не спросила?

— Потому что я этого не делаю. Задавать вопросы — это удел развивающихся отношений.

Айзек склонил голову.

— Что не так с развивающимися отношениями?

— Когда тебя изнасиловали, и когда у тебя рак груди, ты должна говорить людям об этом. А потом они смотрят на тебя грустными глазами. Хотя на самом деле видят не тебя, а твоё изнасилование или твой рак груди. Пусть тогда на меня вообще не смотрят, чем видят лишь то, что я делаю, или то, что произошло со мной, а не то, кто я на самом деле.

Айзек долго молчал.

— А до того, как всё случилось с тобой?

Я взглянула на него. Может быть, слишком яростно, но мне всё равно. Если этот человек решил присутствовать в моей жизни, класть свои руки на мои, спрашивать, почему у меня нет лучшего друга — он получит это. Полную версию.

— Если Бог существует, — произнесла я, — то с уверенностью скажу, что он меня ненавидит. Потому что моя жизнь — это скопление всего отрицательного. Чем больше людей подпускаешь к себе, тем больше плохого получаешь.

— Ну, допустим, — сказал Айзек. Его глаза больше не расширены, в них нет шока. Он спокоен.

Это самая длинная речь, которую я когда-либо говорила ему. Наверное, самая длинная речь, которую говорила кому-то за долгое время. Я поднесла чашку ко рту и закрыла глаза.

— Ладно, — сказал он, наконец. — Я буду делать операцию, но на одном условии.

— Каком?

— Ты обратишься к консультанту.

Я начала трясти головой до того, как слова вылетели из его рта.

— Раньше я встречалась с психиатром. Это не для меня.

— Я не говорю о принятии лекарств, — отвечает Айзек. — Ты должна поговорить о том, что произошло. Психотерапевт — это совсем другое.

— Мне не нужен мозгоправ, — произнесла я. — Я в порядке. Справляюсь. — Идея консультирования ужасала меня; все ваши сокровенные мысли выставлялись в стеклянный ящик, чтобы быть исследованными кем-то, кто потратил годы на изучение как правильно судить мысли. Разве можно считать это нормальным? Есть что-то извращённое в процессе и в людях, которые решили выбрать эту профессию. Как мужчина, решивший стать гинекологом. *Какой тебе от этого прок, урод?*

Айзек наклонился вперёд, пока не оказался чересчур близко к моему лицу, и я видела радужки его глаз, чисто серые, без каких-либо пятен или цветовых вариаций.

— У тебя посттравматический синдром. К тому же, у тебя диагностировали рак молочной железы. Ты. Не. В порядке, — он оттолкнулся от стола и встал. Я открыла было рот, чтобы отрицать, но лишь вздохнула, наблюдая, как его белый халат исчезает за дверью кафетерия.

Он был не прав.

Мои глаза нашли шрам, оставшийся с той ночи, когда я порезала себя. Он всё ещё розовый, кожа вокруг него плотная и блестящая. Айзек ничего не сказал, когда нашёл меня истекающей кровью, не спросил, как и почему. Просто исправил это. Я встала и отправилась за ним. Если кто-то будет копаться в моей груди с помощью скальпеля, я бы предпочла, чтобы это был человек, который появился и всё исправил.

Когда я нашла его, Айзек стоял у главного входа в больницу, руки в карманах. Он подождал, пока я не подойду к нему, и мы, молча, пошли к машине. Мы были достаточно далеко друг от друга, чтобы не соприкоснуться, но достаточно близко, чтобы было ясно, что

мы вместе. Я осторожно скользнула на переднее сиденье, сложила руки на коленях и устоялась в окне, пока машина не очутилась на моей подъездной дорожке. Я собиралась выйти — на полпути между автомобилем и дорожкой — когда доктор опустил руку мне на плечо. Мои брови сошлись вместе. Я почти чувствовала, как они соприкасаются. Я знала, чего он хотел. Чтобы я пообещала, что увижусь с психотерапевтом.

— Хорошо. — Я оказалась вне его досягаемости и пошла к дому. Вставила ключ в замок, но руки дрожали так сильно, что я не могла повернуть его. Айзек подошёл ко мне сзади и положил свою руку на мою. Его кожа показалась мне тёплой, будто он просидел на солнце весь день. Слегка зачарованная, я наблюдала, как он использовал обе наши руки, чтобы повернуть ключ. Когда дверь распахнулась, я застыла на месте, спиной к нему.

— Сегодня вечером я собираюсь домой, — произнёс он. Айзек был так близко, я чувствовала, как его дыхание колыхает кончики моих волос. — Ты будешь в порядке?

Я кивнула.

— Позвони мне, если я тебе понадобится.

Я снова кивнула.

Поднявшись по лестнице к себе в спальню, я забралась в постель в одежде. Я так устала. Мне хотелось спать, и я всё ещё могла ощущать его руку на своей руке. Может быть, сегодня снов не будет.

Следующим утром пошёл снег. Внезапный февральский снег покрыл деревья и крыши в моём районе кремовой глазурью. Я бродила из комнаты в комнату, останавливалась у окон и рассматривала открывающиеся из них виды. Около полудня я устала смотреть в окна, почувствовала медленный приступ головной боли, начинающийся у висков, и уговорила себя выйти на улицу. *Это будет полезно для тебя. Тебе необходим свежий воздух. У дневного света нет зубов.* Мне хотелось прикоснуться к снегу, подержать его в руке, пока он не начнёт её обжигать. Может быть, он мог бы очистить меня от последних месяцев.

Я прошла мимо куртки, висевшей на вешалке, и распахнула входную дверь. Холодный воздух ударил по ногам и залез под мою футболку. Футболка — это всё, во что я была одета. Ни свитеров, ни колготок под трениками. Тонкая бежевая футболка висела вокруг меня, как облинявшая кожа. Я босиком ступила на снег. Когда я сделала несколько шагов вперёд, из-под ног раздался звук, напоминающий мягкий вздох. Мой отец сошёл бы с ума, если бы увидел меня. Кричал бы на меня, требуя, чтобы я надела тапочки даже тогда, когда зимой я ходила по кухонному полу босиком. Заметила свежие следы шин, которые покрывали одну сторону моей подъездной дорожки в форме подковы до того места, где обычно парковался Айзек. Может, это был почтальон. Я оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, не стоит ли посылка у меня на пороге. Там не было ничего. Это был Айзек.

Он был здесь. Зачем?

Я подошла к середине проезжей части и зачерпнула снег, сжимая его в ладони и осматриваясь вокруг. И вот тогда я кое-что заметила. Лобовое стекло моей машины было

очищено от снега. Машины, которую я никогда не ставила в гараж, хотя сейчас стоило бы. Что-то было под щёткой стеклоочистителя. Я несла горсть снега до машины и остановилась лишь тогда, когда оказалась у двери со стороны водителя. Любой желающий мог проехать мимо моего дома и увидеть полураздетую женщину со снежком в руке, рассматривающую заснеженный «Вольво». Под дворником был коричневый конверт. Я выпустила из ладони снежок, и он приземлился жёстким комком мне на ногу. Конверт был тонкий, завернутый в продуктовый бумажный мешок. Я повертела его в руках. Он написал что-то на нём синим шрифтом. Буквы разбежались по бумаге неряшливыми беззаботными линиями. Каракули врача, которые вы можете встретить на медицинской карте или рецепте. Я прищурилась, рассеянно слизывая капли снега с руки.

«Слова». Вот что он написал.

Я несла конверт внутрь, вертя его в руке. На одной стороне картона была прорезь. Я сунула палец внутрь и вытащила диск. Он был чёрный. Обычный диск, на который Айзек что-то записал.

Заинтересовавшись, я вставила диск в стерео систему и нажала на «плэй» большим пальцем ноги, а сама растянулась на полу.

Музыка. Я закрыл глаза.

Тяжёлые ударники, слова женщины... её голос беспокоил меня. Эмоциональный, с каждым словом переходящий от тёплого воркования к более жёсткому тембру. Мне это не понравилось. Слишком неустойчивый, непредсказуемый голос. Биполярный, я бы сказала. Я встала, чтобы выключить его. Если это была попытка Айзека приобщить меня к своей музыке, ему стоило попробовать что-то менее...

Слова. Они вдруг захватили меня и удерживали, качали в воздухе; я могла пинаться и извиваться, но была не в состоянии спрятаться от них. Я слушала, глядя на огонь, а затем слушала с закрытыми глазами. Когда диск закончился, я включила его и снова слушала то, что он пытался донести.

Вытащив диск из проигрывателя, я засунула его обратно в конверт. Мои руки дрожали. Я пошла на кухню и затолкала его вглубь своего ящика, отведённого для всякой ерунды, под каталог «Ньюман Маркус» (*Прим. ред.: американский элитный универмаг, в котором представлены бренды премиум-класса*) и кучи квитанций, перевязанных резинкой. Я была взволнована. Мои руки не могли прекратить двигаться: я пропускала сквозь пальцы пряди волос, залезала в карманы, теребила нижнюю губу. Мне нужно очиститься, для чего я отправилась к себе в кабинет, чтобы впитать бесцветное одиночество. Я лежала на полу и смотрела в потолок. Обычно белый очищал меня и успокаивал, но сегодня слова песни нашли меня. «*Я напишу!*» — подумала я, встала и двинулась к своему столу. Но, даже когда пустой документ Word предстал передо мной — чистый и белый, я не смогла выплеснуть на него какие-либо мысли. Я сидела за столом и смотрела на курсор. Он казался нетерпеливым, моргая и ожидая, когда я найду слова. Единственные слова, что я слышала, были слова из песни, которую Айзек Астерхольдер оставил на лобовом стекле. Они вторглись в моё белое пространство мышления, пока я не захлопнула свой компьютер и не спустилась вниз по лестнице к ящику. Выкопала картонный конверт оттуда, куда его затолкала, и выбросила в мусорную корзину.

Мне необходимо отвлечься. Осмотревшись кругом, первое, что я увидела —

холодильник. Сделала бутерброд с хлебом и холодными закусками, которыми Айзек продолжал заполнять мой отдел для овощей, и съела его, сидя по-турецки на кухонном столе. Вместе со всей его ерундой в стиле «спасти землю с помощью гибридов и переработки» он был фанатиком газировки. В моём холодильнике были пять видов пожирающих желудок и кишащих сахаром содовых. Я схватила красную банку и забралась на стол. Выпила её всю, наблюдая, как падает снег. Затем я выкопала диск из мусора. И слушала его десять раз... двадцать? Я потеряла счёт.

Когда Айзек вошёл через дверь, где-то после восьми, я сидела, завернувшись в одеяло перед огнем, обхватив руками колени. Мои босые ноги пританцовывали в такт музыке. Он остановился как вкопанный и смотрел на меня. Я не хотела смотреть на него, поэтому просто продолжала пялиться на огонь. Доктор прошёл на кухню. Я слышала, как мужчина убирал остатки беспорядка от приготовления бутерброда. Через некоторое время он вернулся с двумя чашками и передал мне одну. Кофе.

— Ты ела сегодня. — Он сел на пол и прислонился спиной к дивану. Айзек мог бы сесть на диван, но сел на пол со мной. Со мной.

Я пожала плечами.

— Да.

Айзек продолжал смотреть на меня, и я съёжилась под пристальным взглядом его серебристых глаз. Затем до меня дошло, что он сказал. Я не готовила себе с тех пор, как всё случилось. Я бы умерла с голоду, если бы не Айзек. Приготовление бутерброда — первый раз, когда я приняла меры, чтобы выжить. Значение слова казалось как тёмным, так и светлым.

Мы сидели в тишине и пили наш кофе, прислушиваясь к словам, которые он мне оставил.

— Кто это? — мягко спросила я. Смиренно. — Кто поёт?

— Её зовут Флоренс Уэлч (*Прим. ред.: английская исполнительница, неизменная солистка группы «Florence and the Machine»*).

— А название песни? — я украдкой взглянула на его лицо. Он слегка кивнул, поощряя меня продолжить расспросы.

— «*Landscape*».

На языке у меня вертелась целая тысяча слов, но я крепко держала их в горле. Я не очень хороша в разговорах. Но хороша в письменной форме. Я играла с углом одеяла. *Просто спроси его, откуда он узнал.*

Я зажмурилась. Это было так трудно. Айзек взял мою кружку и встал, чтобы отнести на кухню. Он был почти там, когда я крикнула:

— Айзек?

Он посмотрел на меня через плечо, его брови взметнулись вверх.

— Спасибо... за кофе.

Он сжал губы и кивнул. Мы оба знали, что это не то, что я собиралась сказать. Я положила голову между коленями и слушала «*Landscape*».

Сапфира Элгин. Какого мозгоправа зовут Сапфира? Это имя больше подходило для стриптизёрши. Со следами от уколов на руках и жирными, чёрными корнями отросших на дюйм тонких жёлтых волос. У доктора медицинских наук Сапфиры Элгин гладкие руки цвета карамели. Единственное украшение, которое можно увидеть на ней — толстые золотые браслеты, расположившиеся от запястья до середины предплечья. Этакое классическое проявление богатства. Я наблюдала, как она записывала что-то в своём блокноте. Браслеты нежно бренчали, пока ручка царапала бумагу. Я разделяла людей по одному из четырёх чувств, которое они проявляли сильнее всего. Сапфира Элгин подпадала под звук. Её офис тоже их издавал. Слева от нас в камине потрескивал огонь и поглощал поленья. За её левым плечом журчал небольшой фонтан с миниатюрными камнями. А в углу комнаты, за книжным шкафом из ореха и шоколадными диванами, была большая латунная клетка напротив окна. Пять разноцветных канареек щебетали и прыгали с одного уровня на другой. Доктор Элгин перевела взгляд от блокнота на меня и что-то произнесла. Её губы были цвета свеклы, и я вяло смотрела на них, пока она говорила.

— Простите. Что Вы сказали?

Она улыбнулась и повторила вопрос. Прокуренный голос. У неё был акцент, который выделял букву «р». Звучало так, будто она мурлыкала.

— Я спррросила пррро Вашу мать.

— Какое отношение моя мать имеет к моему раку?

Нога Сапфиры слегка подскочила на колене, создавая шуршание. Я решила называть её Сапфира, а не доктор Элгин. Таким образом, я могла притворяться, что не подвергалась психоанализу мозгоправа, которого выбрал Айзек.

— Наши встррречи, Сенна, не только из-за рррака. Они больше связаны с Вашей личностью, чем с болезнью.

Да, изнасилование. Мать, которая бросила меня. Отец, который делал вид, что у него нет дочери. Куча ужасных отношений. Обречённые отношения...

— Хорошо. Моя мать не только покинула семью, но, вероятно, передала заболевание мне. Я ненавижу её за то и за это.

Лицо женщины было бесстрастным.

— Она прррробовала связаться с Вами, после того как ушла?

— Однажды. После того как опубликовали мою последнюю книгу. Отправила мне сообщение по электронной почте. Просила о встрече.

— И? Как вы ответили?

— Никак. Я не заинтересована. Прощение для буддистов.

— Тогда кто же вы? — спросила она.

— Анархист.

Она мгновение изучала меня, а затем произнесла:

— Расскажите мне о Вашем отце.

Рррасскажите мне о Вашем отце.

— Нет.

Она чиркнула что-то ручкой в блокноте, что вызвало зуд. Или, может быть, я просто придиралась.

Я представила себе, как она пишет: *«Не готова говорить об отце. Насилие?»*. Не было никакого насилия. Просто не было ничего.

— Тогда о Вашей книге. — Она достала из-под блокнота копию моего последнего романа и положила его на стол между нами. Я должна была быть удивлена, что у неё была копия, но не была. Когда роман был экранизирован, я не думала, что захочу увидеть фильм, но смотрела. Была вероятность того, что они превратят мою книгу в какую-нибудь извращённую голливудскую подделку. По крайней мере, книга получила хорошую рекламу. Они ожидали небольшой релиз, но на премьере фильм собрал в три раза больше ожидаемого, а затем держался в блокбастерах в течение трёх недель, прежде чем был нокаутирован супергероем в обтягивающем костюме. Моя книга за ночь стала сенсацией. И я ненавидела это. Все стали смотреть на меня, рассматривать мою жизнь, задавать вопросы о моём творчестве, что я всегда считала очень личным. Итак, я купила дом, сменила номер телефона и перестала отвечать на электронные письма. Какое-то время я была одним из самых востребованных авторов в книжном мире. Сейчас же я была жертвой изнасилования, и у меня был рак.

Я ненавидела Айзека за то, что заставил меня это сделать. И ненавидела его за условие моей операции. Я обратилась к интернету в поисках других хирургов, которые могли бы удалить опухоль. Их было в изобилии. Рак сейчас в моде. Я обнаружила сайты, где были их фотографии, какую медицинскую школу окончили, как их оценивали бывшие пациенты. *«Пять звёзд доктору Стеттерсону из Беркли! Он уделил время, чтобы узнать меня, как человека, а не просто оперировал как подопытного кролика!» «Четыре звезды доктору Майсфелд. Его подход был жёстким, но рак исчез»*. Это было похоже на чёртов сайт знакомств. Ужасно. Я быстро закрыла окно и решила попробовать психолога, к которому Айзек заставил меня обратиться.

В этот момент только одно могло успокоить меня — знание, что именно он будет вырезать опухоль из моего тела. Не просто какой-то незнакомец, а незнакомец, который спал на моём диване и кормил меня.

— Давайте поговорим о Ваших последних отношениях, — произнесла Сапфира.

— Зачем? Почему мы должны анализировать моё прошлое? Я ненавижу его.

— Для того чтобы узнать, кем человек является в настоящий момент, полагаю, нужно для начала узнать, кем он был раньше.

Я ненавидела то, как она выстраивала свои слова. Нормальный человек сказал бы, что *для начала нужно узнать, кем он был*. Сапфира смешивала всё. Бросала в меня. Использовала своё произношение «р» в качестве оружия. Она как мурлыкающий дракон.

Женщина воспользовалась моим колебанием, снова царапая что-то ручкой в блокноте.

— Его зовут Ник. — Я взяла свой нетронутый кофе и развернула чашку в руках. — Мы были вместе в течение двух лет. Он писатель. Мы встретились в парке. Расстались потому, что парень хотел жениться, а я нет. — Немного правды. Это как посыпать искусственный подсластитель на горькие фрукты.

Я откинулась назад, удовлетворённая тем, что заполнила встречу достаточным

количеством информации, чтобы удовлетворить дракона Сапфиру. Она подняла брови, что можно было счесть приглашением продолжить разговор.

— Вот и всё, — отрезала я. — Я в порядке. Он в порядке. Жизнь продолжается. — Я вытащила прядь волос и, погладив, вернула её обратно за ухо.

— Где сейчас Ник? — спросила она. — Вы поддерживаете контакт?

Я покачал головой.

— Мы пытались какое-то время. Это было слишком больно.

— Для Вас или для него?

Я безучастно посмотрела на неё. Был ли разрыв всегда болезненным для всех участников?

Возможно, нет...

— Ник переехал в Сан-Франциско после того, как опубликовал последнюю книгу. Последнее, что я слышала, он жил с кем-то. — Я посмотрела на канареек, пока она записывала что-то в своём блокноте. Для этого я должна была повернуться к ней спиной, хотя чувствовала себя хорошо, этакое пассивно-агрессивное неповиновение.

— Вы читали его книгу?

Я немного подождала, прежде чем развернуться назад; достаточно времени, чтобы изменить выражение лица. Я подняла руку к горлу, обхватив его под подбородком указательным и большим пальцами. Ник говорил, что это выглядело так, будто я пыталась задушить себя. Полагаю, подсознательно так и было. Я быстро отдернула руку.

— Он написал её про меня... про нас.

Я думала, этого будет достаточно, чтобы отвлечь её внимание и позволить мне дышать. Но она терпеливо ждала моего ответа. *Вы читали его книгу?* Её шоколадные глаза смотрели не мигая.

— Нет, я не читала её.

— Почему нет?

— Потому что не могу, — отрезала я. — Я не хочу читать о том, как разочаровала его и разбила ему сердце.

Мне было легко говорить об этом. Проблемы, которые у меня были два года назад с Ником, воспринимались лучше по сравнению с тем, что скрывалось в мелководных приливах моей памяти.

— Он прислал мне копию. Она так и лежит на прикроватной тумбочке в течение двух лет. — Я взглянула на часы... в надежде. И да! Наше время истекло. Я вскочила, и схватила свою сумочку.

— Ненавижу это, — произнесла я. — Но мой глупый хирург отказывается оперировать меня, если я не буду с Вами разговаривать.

Она кивнула.

— Увидимся в четверг.

Я сжимала пальто и открывала дверь, когда она окликнула меня:

— Сенна.

Я остановилась, одной рукой почти в рукаве.

— Прочитайте книгу, — сказала женщина.

Я ушла, не сказав ничего на прощание. Доктор Элгин что-то тихо напевала, когда дверь за мной закрылась.

Это был первый раз, когда я сама куда-то поехала. Я взяла с собой диск Айзека и слушала «*Landscape*» всю дорогу домой. Это успокоило меня. Почему? Хотела бы я знать. Может быть, в конце концов, Сапфира сможет мне объяснить. Это была единственная песня, которая была у меня, к которой на самом деле были прикреплены слова, и её темп не был особо успокаивающий. Наоборот.

Когда я вернулась домой, то захватила диск внутрь. Положила его на кухне и поднялась наверх. У меня не было намерения слушаться Сапфиру Элгин, но когда я увидела обложку романа Ника, лежащего рядом с моей кроватью, то взяла его. Это было скорее рефлекторно, мы говорили о книге, а теперь она передо мной. Сверху издание покрывал тонкий слой пыли. Я вытерла её рукавом и стала изучать обложку. Она не в его стиле, но авторы не очень влияют на обложки своих книги. Существует команда в издательстве, которая этим занимается. Они совещаются в конференц-зале без окон за чашкой дешёвого кофе, так, по крайней мере, сказала мне мой агент. Если бы я искала Ника в обложке, то не нашла бы. На обложке крупным планом был снимок птичьих перьев: серых, белых и чёрных. Название под короткими курсивными белыми буквами гласило: «*Запутавшаяся*».

Открыла её на странице посвящения. Это было большее, на что я решалась до сих пор прежде, чем захлопнуть её.

Посвящается И. К.

Я дышала через рот, сгибая пальцы на открытой странице, будто готовилась сделать что-то физическое. Мой разум снова возбуждался от посвящения.

Посвящается И. К.

Я перевернула страницу.

«ГЛАВА ПЕРВАЯ»

«Она купила меня словами, красивыми, обещающими и замысловатыми словами...»

Раздался звонок в дверь. Я закрыла книгу, вернула её на тумбочку и пошла вниз. Ни за что на свете не буду читать.

— Мы должны просто сделать тебе дубликат ключей, — сказала я Айзеку. Он стоял на моём пороге, его руки были нагружены бумажными пакетами. Я отошла в сторону, позволяя ему пройти. Это был колкий комментарий, но я сказала его по-дружески.

— Я не могу остаться, — сказал он, опуская пакеты на кухонный стол. Это ужалило, будто пчела забрела в мою грудную полость. Я хотела спросить почему, но, конечно же, не сделала. Это не моё дело, куда и с кем он идёт.

— Ты не должен больше этого делать, — ответила я. — Я виделась с доктором Элгин сегодня. Поехала сама. Я... мне лучше.

На нём была коричневая кожаная куртка, лицо обросшее. Не было похоже, что он пришёл из больницы. В те дни от него всегда исходил слабый запах антисептика. Сегодня был только лосьон после бритья. Он прошёлся пальцами по щетине.

— Я назначил твою операцию на понедельник через две недели. Таким образом, у тебя будет несколько встреч с доктором Элгин.

Моим первым инстинктом было поднять руку вверх, чтобы почувствовать свою грудь. Я никогда не была одной из тех женщин, которые гордились размером бюстгалтера. У меня была грудь. По большей части я игнорировала её. Но, теперь, когда она собиралась покинуть меня, я чувствовала, что должна защитить её.

Кивнула.

— Я хотел бы, чтобы ты продолжила встречи с ней... после... — Его голос понизился, и я отвернулась.

— Ладно. — Но я не имела это в виду.

Айзек постучал пальцами по мрамору.

— Ладно, — повторил он. — Увидимся позже, Сенна.

Я начала распаковывать продукты. Сначала ничего не чувствовала. Только коробки макарон и пакеты фруктов, уложенные рядами... укомплектованные. Потом я почувствовала что-то. Зуд. Он грыз меня, дёргая и вытягивая, пока я не была так расстроена, что бросила упаковку крекеров через комнату. Они попали в стену, и я смотрела на то место, где они приземлились, пытаясь найти звук своего волнения. Звук. Я побежала в гостиную и включила Флоренс Уэлч. Она пела мне песню без остановок в течение нескольких дней. Её реальный голос устал бы сейчас, но записанный голос неизменно взывал ко мне. Сильно.

Как он узнал, что эта песня, эти слова, этот измученный голос будут говорить со мной?

Я ненавидела его.

Я ненавидела его.

Я ненавидела его.

Я увиделась с Айзеком за пару дней до операции. Зато часто встречалась с доктором Элгин. Я ходила к ней три раза в неделю по требованию своего хирурга. Это напоминало попытку впихнуть целую жизнь в шесть сеансов терапии. Она приказывала мне говорить глазами и звоном браслетов: *«Расскажи мне больше, расскажи мне больше»*. Каждый раз, опускаясь на её диван, моё достоинство опускалось чуть ниже. Это была не я. Я выворачивала нутро, как некоторые люди это называли; разглашала правду. Это была словесная рвота, и Сапфира Элгин была пальцами в моём горле. Я обнаружила, что личная информация была довольно скисшей. Она сидела и портилась в углах вашего сердца так долго, что к тому времени как её раскрывали, вы сталкивались с чем-то протухшим. И вот что я сделала — обрушила на неё всю гниль, и она поглощала всё без исключения. Казалось, что чем больше Сапфира Элгин высасывала из меня, тем меньше меня оставалось. Иногда я пыталась быть забавной, именно так я могла услышать её скрипучий смех. Она смеялась невпопад, иногда в полнейший. Были дни, когда женщина мне нравилась, а в другие я её ненавидела.

Под конец каждой встречи дракон мурлыкал одно и то же:

— Пррррочитайте книгу Ника. Она подаррррит Вам перрррспективу. Заверрррршенность. — Я возвращалась домой, решительно настроенная её прочитать, но как только добиралась до «Для И.К.», быстро закрывала.

Страница посвящения стала выглядеть изношенной и замусоленной, заляпанной отпечатками пальцев.

Я дождалась нашей последней встречи, чтобы рассказать об изнасиловании. Не знаю почему, за исключением того, что помимо рака, изнасилование было последнее, что случилось со мной. Может быть, у меня был хронологический способ борьбы с неприятностями, писательский способ решения проблем. Её безразличное отношение к данному вопросу было тем, что, наконец, подкупило меня. Как будто всё время, встречаясь с ней, я отсчитывала дни, пока не должна буду рассказать об изнасиловании, опасаясь жалости, которую увижу в её глазах. Но её не было.

— Это жизнь, — произнесла она. — Плохие вещи случаются, потому что мы живём в мире со злом. — И тогда женщина спросила о самом странном. — Вините ли Вы Бога? — я никогда не обвиняла Бога, так как не верила в него.

— Если бы я верила в Бога, то винула бы. Полагаю, легче не верить, так мне даже не на кого злиться.

Она улыбнулась. Кошачьей улыбкой. А потом всё закончилось, и я вышла свободной женщиной, отслужив своё в собственном чистилище. Теперь Айзек прооперирует меня. Я освобожусь от рака, буду свободно, без страха, двигаться вперёд. Без крупинки страха.

Той ночью мне снова начали сниться кошмары — руки толкающие и терзающие меня. Острая боль и унижение. Чувство беспомощности и паники. Я проснулась с криком, но Айзека не было. Я приняла душ, чтобы смыть сон, дрожа под кипятком. И не могла вернуться ко сну, картинки ещё были свежи в моей памяти, поэтому я сидела в своём кабинете и делала вид, что пишу книгу, которую ждала мой агент. Книга, для которой у меня не было слов.

В полдень, за пять дней до операции, я собралась ехать в больницу для предоперационных процедур. Был март, солнце боролось с облаками всю неделю. Сегодня оно было ясно-синим. Я была обижена на солнце. Эта мысль заставила меня подумать о том, что Ник говаривал обо мне. «Ты вся серая. Всё, что ты любишь, то, как видишь мир». Я вышла к машине, обходя лужи после вчерашнего дождя. Они были окрашены как раковины устрицы, радужные от пятен масла, оставленные моей машиной или Айзека. Когда я добралась до двери водителя, то обнаружила картонный квадрат под щёткой стеклоочистителя. Бросила взгляд через плечо, прежде чем выудить его. Айзек был здесь. Простой ночью? Этим утром? Почему он не позвонил в дверь?

Я села в машину немного взволнованная и вытащила диск из конверта. На этот раз он написал название песни на диске красным перманентным маркером. «KillYourHeroes» (Прим. ред.: песня, написанная вокалистом

Аароном Бруно

и музыкантом

Брайаном Уэстом для дебютного студийного

альбома группы «Megalithic Symphony

», где она выступает

в качестве восьмого трека) группы «Awolnation» (Прим. ред.: (обычно стилизованный под «AWOLNATION») — американская альтернативная рок-группа, сформированная и возглавляемая Аароном Бруно

). Мои руки дрожали, когда я нажала на «play».

Я слушала с закрытыми глазами, задаваясь вопросом, все ли слушают музыку со словами подобным образом. Когда прозвучала последняя нота, я завела машину и поехала в больницу, борясь с улыбкой. Я ожидала чего-то оголяющего, как это было с песней Флоренс Уэлч. Названия и её связь с великим Оскаром Уайльдом было достаточно, чтобы заставить меня ухмыльнуться, но слова, которые любому, кто борется с раком, показались бы бесчувственными, взбодрили меня. Этакое славное безобразие.

Я нажала «play» и прослушала ещё раз, барабанила пальцами по рулю, пока ехала.

Я сидела в палате в больничном халате, когда вошёл Айзек, сопровождаемый медсестрой, доктором Акела и пластическим хирургом, с которым я виделась несколько недель назад, думаю, его зовут доктор Монро, или, возможно, доктор Мортон. Айзек был одет в чёрное под белым халатом. Мгновение я изучала его, пока он рассматривал мою карту. Доктор Акела улыбалась мне, стоя слишком близко к Айзеку. Это что, собственничество? Доктор Монро-Мортон выглядел скучающим. По телеку таких называют манекенами.

Наконец, Айзек поднял голову.

— Сенна, — сказал он. Доктор Акела посмотрела на него, когда доктор назвал меня по имени. Интересно, у неё ли он скрывался, когда не был со мной. Если бы я была мужчиной, я бы тоже скрывалась у доктора Акела. Она была красивым убежищем. Её чувством было зрение, решила я. Всё в ней громко взывало к глазам: как она двигалась, смотрела и говорила посредством тела.

Айзек попросил меня сесть.

— Мы собираемся осмотреть тебя. — Он нежно развязал тесьму моей больничной сорочки сзади и отошёл, чтобы я сама смогла её опустить. Я заставила себя ничего не чувствовать, глядя прямо перед собой, когда холодный воздух коснулся моей кожи.

— Ложись, Сенна, — сказал он мягко. Я сделала это. Сосредоточилась на потолке, почувствовав его руки на себе. Он осмотрел каждую грудь, пальцы задержались вокруг уплотнения на правой стороне. Его прикосновение было нежным, но профессиональным. Если бы кто-нибудь другой трогал меня, я бы давно уже вскочила и выбежала из комнаты. Когда Айзек закончил, то помог мне сесть и поправил мою сорочку. Я заметила, как доктор Акела снова смотрела на него.

— У тебя хорошие результаты, — произнёс он. — Всё готово для операции на следующей неделе. Доктор Монтоль здесь, чтобы поговорить с тобой о хирургическом восстановлении. — *Монтоль!* — А доктор Акела хотела бы обсудить с тобой процесс облучения.

— Мне не нужно говорить с доктором Монтоль, — ответила я.

Лицо Айзека дёрнулось вверх.

— Ты хочешь обсудить восстановление после...

— Нет, — сказала я. — Не хочу.

Доктор-манекен Монтоль вступил в игру, уже не выглядя таким скучающим.

— Мисс Ричардс, если мы получим экспандеры сейчас, Ваше восстановление...

— Я не заинтересована в восстановлении, — ответила я пренебрежительно. — Я пройду мастэктомию, а потом отправлюсь домой без экспандеров. Это моё решение.

Доктор Монтоль открыл было рот, чтобы ответить, но Айзек оборвал его:

— Пациентка приняла решение, доктор. — Он смотрел прямо на меня, пока говорил. Я плотно сжала губы в знак благодарности.

— Ели мои услуги не нужны, вы меня извините, — сказал доктор Монтоль, прежде чем уйти.

Я смотрела на свои руки. Доктор Акела села на край кровати. Мы говорили в течение нескольких минут о лучевой терапии, которую мне придётся пройти после операции. Шесть недель. Я восхитилась её подходом к больным; он был тёплым и личным. Уходя, она слегка коснулась тыльной стороны руки Айзека. *Мой*.

Айзек подождал, пока дверь не закрылась, прежде чем сделал шаг вперёд. Я приготовилась к потоку вопросов, но вместо этого он сказал:

— Ты можешь одеться. Пообедаешь со мной?

Я моргнула, глядя на него.

— Разве это не конфликт интересов? Ланч с пациенткой?

Он улыбнулся.

— Да, мы должны пойти в другое место, а не в больничный кафетерий.

Я хотела сказать «нет», но услышала слова песни, которые он оставил мне утром, они проигрывались в моей голове. Кто дарит песню, в которой говорится: «*Не нужно беспокоиться, всё равно все умрут*», когда у кого-то рак?

Мне понравилось. Особенно его честность.

— Ладно, — ответила я.

Он взглянул на часы.

— Встретимся на стоянке через десять минут?

Я кивнула.

Я оделась и направилась вниз.

— Я припарковался там, — сказал Айзек, когда я нашла его на парковке. Он переоделся, надел белую рубашку и серые в тонкую полоску брюки. Я последовала за ним к его машине, и доктор открыл мне дверь. Это было слишком. Я запаниковала.

— Не могу это сделать, — ответила я. И отошла от автомобиля. — Прости. Мне нужно попасть домой.

Я не оглядывалась, когда шла к своей машине.

Он, вероятно, думал, что я сошла с ума. Скорее всего, так и было.

Айзек ждал меня, когда я вернулась домой спустя несколько часов, прислонившись к машине и задрал лицо вверх. «*Наслаждайся, Айзек*», — подумала я. — «*Завтра мои облака вернутся*». На долю секунды, я подумала, а не развернуться ли мне на подъездной дороге и не отправиться ли в Канаду. Но я разъезжала в течение нескольких часов, и стрелка бензобака теперь указывала на «Е». Я хотела попасть домой. Я прошла мимо него к двери. Мы едва зашли в прихожую, когда я бросила:

— Почему ты не спрашиваешь, почему я не хочу восстановления после операции хирургическим путем?

— Потому что, если ты захочешь сказать мне, то скажешь.

— Мы не друзья, Айзек!

— Нет?

— У меня нет друзей. Разве ты не видишь?

— Я вижу, — ответил он. Я ждала, что мужчина скажет что-нибудь ещё, но доктор этого не сделал. На мне был тёмно-синий пиджак поверх рубашки. Я сняла его и швырнула на кушетку. Затем собрала волосы на макушке и завязала их в узел.

— Так зачем ты здесь?

Он посмотрел на меня.

— Я хочу, чтобы ты была в порядке.

Это слишком. Я побежала наверх. Я действительно сошла с ума. Я знала это. Нормальные люди не бросают разговоры прямо посередине. Нормальные люди не дают чужакам спать на их диване.

Два года назад я купила велотренажёр у восьмидесяти восьми летней вдовы с розовыми волосами по имени Дэлфи. Она поместила объявление в «Penny Save», потому что, по её словам, после замены коленного сустава не могла «*чертовски хорошо его использовать*». Я забрала тренажёр в тот же день, когда и позвонила. После всех хлопот с поднятием его вверх по лестнице, я так ни разу не села на него. Я подошла туда, где он стоял, собирая пыль в углу моей спальни, и залезла на тренажёр. Пришлось корректировать настройку Дэлфи для высоты мягкого сиденья. Я крутила педали, пока мои ноги не стали похожи на желе. Задыхалась, когда слезла, босые ноги болели из-за пластиковых педалей. Я прошла к тумбочке, наступая на края ступней. Раскрыла «Запугавшаяся» мизинцем.

«Посвящается И.К.»

Я закрыла книгу и пошла вниз, чтобы увидеть, что Айзек готовил на ужин.

«Фортуна любит смелых». Вот что я твердила про себя, пока меня готовили к операции. Только я говорила не по-английски, а на латинском: «*Fortesfortunajuvat... fortesfortunajuvat... fortesfortunajuvat*». Мантра звучала на латыни лучше. Повторите любую фразу на выпендрёжном языке большинства древних философов, и вы будете звучать, как чёртов гений. Повторите ту же фразу на английском, и вы будто ненормальный. Кто написал эту фразу? Философ. Я должна была вспомнить его имя, но не смогла. «Нервы», — сказала я себе. Искала, на чём можно сосредоточиться, что сможет поддержать моё решение. Я знала, что в Библии сказано что-то о выкалывании себе глаза, если это оскорбляло тебя. Я вырезала свою грудь. Думаю, это как смелый шаг, так и обиженный. Как правило, неважно, что храбрость сводится к сильному чувству долга, которое спекулировало ещё более сильным безумием. Все храбрецы были немного сумасшедшими. Я попыталась сосредоточиться на чём-то другом, чтобы мне не пришлось думать о том, насколько безумна я. Медсестра брала

у меня кровь.

Медсестры были очень внимательны, даже когда втыкали иглы в мою плоть. «*Ой, извините милая, у вас тонкие вены. Будет неприятно лишь секунду*». Они просили меня закрыть глаза, как будто я ребёнок. У этой не было никаких проблем с поиском нужной вены в руке. Интересно, просил ли их Айзек заботиться обо мне. Это казалось чем-то, что он мог сделать. Больничная палата была белой. Слава Богу. Я могла думать в мире без вмешательства цвета. Айзек пришёл, чтобы проверить меня. Я пыталась быть сильной, когда он сел на край кровати и уставился на меня мягким взглядом.

— Почему ты перестал играть? — мой голос дрогнул на последнем слове. Мне нужно что-нибудь, чтобы отвлечь себя. Откровение от Айзека.

Он обдумывал мой вопрос в течение минуты, затем сказал:

— Я люблю две вещи.

Я перестала дышать. Думала, он собирался рассказать мне о женщине. Которую любил, и ради которой отказался от музыки. Вместо этого Айзек меня удивил.

— Музыка и медицина.

Я с облегчением опустила голову на подушку, чтобы слушать его.

— Музыка заставляет меня разрушать себя и всё вокруг меня. Медицина спасает людей. Поэтому я выбрал медицину.

Так прозаически. Так просто. Интересно, что было бы откажись я писать, выбрав что-то другое вместо того, чего жажду.

— Музыка тоже спасает людей, — ответила я. Мне это лично не знакомо, но я писатель и моя работа — знать, как думают другие люди. И я слышала, как они говорили подобное.

— Не меня, — произнёс он. — Она заставляет меня разрушать.

— Но ты до сих пор слушаешь её. — Я подумала о его песнях. Те, что он оставил мне, и те, которые слушал в своей машине.

— Да. Но я не создаю её больше. Не теряюсь в ней.

Я не смогла скрыть в своих глазах желание узнать больше. Айзек заметил.

— Как человек может потеряться в музыке?

Он улыбнулся и посмотрел на трубки, тянущиеся от моих вен к капельнице в нескольких футах.

— Чем они тебя накачали? — поддразнил он.

Я промолчала, боясь, что если отвечу на его шутку, он не скажет мне ответ.

— Ты позволяешь этому жить в тебе. Ритму, словам, гармонии... образу жизни, — добавил он.

— Но, в конце концов, место есть только для одного из вас.

Я некоторое время молчала. Переваривала.

— Ты скучаешь по ней?

Он улыбнулся.

— Она до сих пор со мной. Просто сейчас не в центре моей вселенной.

— На чём ты играл?

Айзек взял мою руку, повернул, пока внутренняя часть моего запястья не оказалась сверху. Тогда он начал настукивать ритм указательным и средним пальцами на моем пульсе. Я позволила ему это, по крайней мере, минуту. Затем я сказала:

— Ударные.

У меня был ещё один вопрос на кончике языка, но он так и остался там, потому что

вошла медсестра. Айзек встал, и я знала, что наша беседа закончилась. В уме я прокручивала ритм, который он играл на моём запястье, пока медсестра натягивала шапочку мне на волосы. Интересно, какой песне он принадлежал. Была ли она одна из тех, которые Айзек оставлял на лобовом стекле.

— Я собираюсь приготовить тебя к процедуре, — сказал он, спустив мой халат, — а затем Сэнди заберёт тебя в операционную. — Доктор превратился из Айзека человека в Айзека врача в считанные секунды. Он показал мне, где собирался сделать надрезы, делая наброски на моей груди чёрным маркером. Говорил о том, что собирался искать. Его голос был устойчивым, профессиональным. Пока доктор говорил, слёзы текли по моему лицу и пропадали в моих волосах в тихой, но очень эмоциональной какофонии. Это было впервые с самого детства, когда я плакала. Я не плакала, когда ушла мама, или когда я была изнасилована, или когда узнала, что рак пожирает моё тело. Я не плакала даже тогда, когда приняла решение вырезать саму суть того, что делало меня женщиной. Я плакала, когда Айзек отбивал ритм на моём запястье и сказал мне, что он должен был отказаться от этого, прежде чем всё разрушило его. Пойди, разберись. Или, может быть, его откровение просто освободило от всего. Мой крик был разочаровывающим. Будто что-то более глубокое вытолкнуло последний камень из плотины, после чего она прорвалась.

Он видел мои слёзы, но игнорировал их. Я была очень, очень благодарна. Они укатили меня в операционную, и анестезиолог встретила меня, назвав по имени. Меня попросили считать в обратном порядке от десяти. Последнее, что я увидела, прежде чем отключиться, был Айзек, пристально смотрящий мне в глаза. Мне кажется, он призывал меня жить.

— Сенна... Сенна...

Я слышала его голос. Мои веки были тяжёлыми. Когда я подняла их, Айзек стоял передо мной. Был какой-то тревожный комфорт в его присутствии.

— Привет, — сказал он тихо. Я моргнула, пытаясь очистить своё зрение.

— Всё прошло гладко. Мне нужно, чтобы ты отдохнула. Я вернусь позже, чтобы поговорить об операции.

— Ты достал его? — мой голос был просто скрипом. Он пах кофе, когда наклонился ко мне. И говорил мне на ухо, как будто делился секретом.

— Я вытащил его. Весь.

Я едва могла кивнуть, прежде чем снова закрыла глаза. Я уснула, желая кофе, и того, чтобы мои веки не были так тяжелы, чтобы я могла видеть его лицо немного дольше.

Когда я проснулась, в палате находилась медсестра, проверяющая мои жизненно важные показатели. Она была блондинкой с розовыми ногтями. Они были гладкими и блестящими, как маленькие конфеты. Девушка улыбнулась мне и сказала, что собирается позвать доктора Астерхольдера. Он вернулся через несколько минут и сел на край кровати. Я наблюдала, как Айзек налил в стакан воду из графина и поднёс трубочку к губам. Я выпила.

— Я изъяс три лимфатических узла. Мы их обследовали, чтобы увидеть, как далеко распространился рак. — Айзек сделал паузу. — Ты сделала правильный выбор, Сенна.

Я почувствовала тяжесть в груди. Как же быстро он получил результаты? Мне хотелось дотянуться и коснуться повязки, но это было слишком больно.

— На данный момент просто отдыхай. Принести тебе что-нибудь?

Я кивнула. Когда я говорила, мой голос звучал хрипло:

— На тумбочке, рядом с моей кроватью есть книга. Принеси мне её в следующий раз, когда ты...

— Я принесу её завтра, — сказал он. — Твой сотовый здесь. — Айзек указал на шкафчик рядом с моей кроватью. У меня не было никакой потребности в телефоне, так что я туда даже не посмотрела. — Я должен сделать обход. Позвони мне, если что-нибудь понадобится. — Я кивнула, половина меня хотела, чтобы он оставил визитную карточку как в старые времена.

На следующий день Айзек, верный своему слову, принёс мне книгу Ника. Я держала её в руках в течение длительного времени, прежде чем попросила медсестру положить на мою тумбочку. Трудно избавиться от старых привычек.

Айзек пришёл проведать меня после того, как его смена закончилась. Он снял форму и теперь был в джинсах и белой футболке. Медсестры перешёптывались, когда доктор шёл одетый таким образом. Он выглядел больше барабанщиком, нежели врачом. Айзек сел на мою кровать. Но на этот раз не как врач. Он был барабанщиком. Интересно, Айзек ударник очень отличается от Айзека врача? Доктор потянулся к книге и взял её, переворачивая в руках. Мои глаза исследовали татуировки на предплечье. Странно было видеть книгу Ника в руках Айзека. Он изучал её некоторое время, а затем спросил:

— Хочешь, чтобы я почитал тебе?

Я не ответила, поэтому он открыл её на первой главе. Айзек пролистал страницу посвящения, даже не глядя. «Браво», — подумала я. — «Повезло тебе».

Когда он начал читать, я хотела закричать на него, чтобы остановить. У меня был соблазн заткнуть уши. Отклонить атаку книги, написанной лишь для того, чтобы сделать мне больно. Но не сделала. Вместо этого, я слушала Айзека Астерхольдера, читающего слова, которые любовь всей моей жизни писал мне. И они звучали так...

КНИГА НИКА

Человек не должен быть одинок, но, тем не менее, в большинстве случаев, рождается он именно таким. И пока взрослеет, ему прививают мысль, что где-то в мире существует вторая половинка его души. Нашу планету населяет более шести миллионов человек, значит, один из них может, действительно может, быть предназначен непосредственно для вас. Но для того, чтобы найти этого человека, разыскать свою вторую половинку — любовь всей своей жизни — мы все должны полагаться, что наши пути пересекутся, две жизни свяжутся воедино, и одна душа узнает другую по тихому шёпоту.

Мне повезло найти свою половинку. Она оказалась совсем не такой, как я себе представлял. Если воссоздать душу женщины из чёрного графита, окунуть его в кровь, а затем усыпать мягчайшими лепестками роз, и то не удалось бы достичь той замысловатости, которой была наделена моя избранная.

Я познакомился с ней в последний день лета. Лучи солнца пробивались сквозь вашингтонское небо, и казалось вполне уместным, что скоро наступит осень. На следующей неделе обещали дождь, дождь и снова дождь. Но в тот день светило солнце, и она стояла, греясь в его лучах, шурилась, даже сквозь солнцезащитные очки, словно у неё была аллергия на свет. Я выгуливал свою собаку в довольно людном парке возле озера Вашингтон. Мы как раз развернулись в обратную сторону, намереваясь отправиться домой, когда я остановился, чтобы посмотреть на неё. Она была худощава, очевидно, любила бегать. И на ней была надета та вещица, которая длиннее свитера, но короче, чем платье. Свитер-платье? Я медленно прошёлся взглядом по её ногам, вплоть до армейских ботинок. Судя по потёртым загибам и тому, как удобно ей было в них стоять, она их очень любила. И я тоже полюбил эти ботинки ради неё. И на ней. Мне захотелось овладеть ею. Откровенная мужская мысль, которую слишком стыдно произнести вслух. Женскую грудь пересекала лямка сумки, которая висела на её левом бедре. Мне кажется, что я довольно смелый мужчина, но не настолько, чтобы подойти к женщине, каждое телодвижение которой буквально кричало, чтобы её оставили в покое. Но в тот день я отважился. И чем ближе подходил, тем больше она отдалялась.

Она не замечала меня, была слишком занята, разглядывая воду. Теряясь в ней в какой-то степени. Как может мужчина ревновать к воде? Именно это мне и хотелось выяснить.

— Привет, — поздоровался я, когда оказался прямо перед ней. Она не сразу посмотрела на меня, а когда это сделала, её взгляд показался мне немного вялым. Я сразу перешёл к делу.

— Я писатель и когда увидел, как ты стоишь здесь, у меня появилось желание начать записывать слова на бумаге. Поэтому мне кажется, что ты моя муза. Поэтому я посчитал, что мне нужно поговорить с тобой.

Она улыбнулась мне. Похоже, ей потребовалось приложить усилия для этого, видимо, женщина не часто улыбалась, и мышцы её лица застыли.

— Это лучший способ ухаживания, о котором я когда-либо слышала, — сказала она задумчиво.

Я не был уверен, было ли это ухаживанием. Это было по-настоящему. Только её слова заставили мои губы сморщиться, будто мой рот был полон мякоти лимона.

Я посмотрел на потёртую кожаную сумку на её бедре.

— Что в сумке? — поинтересовался я. И сразу же начал чувствовать её. Словно знал кто она до того, как женщина мне рассказала.

— Компьютер.

Я не распознал в ней студентку колледжа. Женщина была слишком принципиальной, чтобы быть простой служащей. «Писательница», — предположил я.

— Ты тоже пишешь, — озвучил я свою догадку.

Она кивнула.

— Значит, мы должны понимать друг друга, — сказал я. В её каштановых волосах я разглядел седую прядку. Очередное доказательство того, что она рождена для зимы.

— Тебя зовут Джон Кардэ, — сказала она. — Я видела твою фотографию. В «Barnes and Noble».

— Ну, это неловко.

— Было бы, если бы мне не нравились сопливые женские романы, — сообщила она. — А они мне нравятся.

— Ты пишешь такие?

Она покачала головой, и, клянусь, что прядь серебра замерцала в лучах заходящего солнца. Мой всезнающий писательский ум сразу произнёс: «Мифрил» (Прим. пер.: мифрил — разновидность металла из произведения Толкиена «Властелин колец»).

— Я работаю над своим первым настоящим романом. Он, видимо, получится очень бурным.

— Давай обсудим его за ужином, — предложил я. Глаз не мог оторвать от неё. Я имею в виду, да, она выглядела ошеломительно, но это было нечто гораздо большее. Напомнила мне дом без окон. В одном из таких запросто можно сойти с ума, но мне очень хотелось попасть внутрь. Женщина посмотрела на мою собаку.

— Я могу завести его домой, он как раз по пути в город.

Она помедлила, но только, чтобы проверить время, а затем кивнула. Мы шли в тишине несколько кварталов. Женщина опустила голову, предпочитая рассматривать тротуар. Я задавался вопросом, любила ли она трещины или ей просто не хотелось встречаться взглядом с мимо проходящими пешеходами. Должно быть, наша молчаливая прогулка со стороны казалась странной. Я догадывался, что она довольно немногословна. Музы чаще всего разговаривают с помощью взглядов и жестов. Сила, которую они дарят, электризуется сама по себе. От неё все нейроны в организме встают по стойке смирно.

Хотя я приглашал её зайти, женщина осталась ждать меня на краю подъездной дорожки моего дома и ковыряла носком ботинка сорняк, который пробился сквозь асфальт. Я не очень хороший садовник. Мой двор выглядел неухоженным. Я провёл Макса обратно к дому и открыл дверь, которую никогда не запираю. Остановившись у его миски, я наполнил её водой из-под крана, пока пёс наблюдал за мной. Макс знал мою стратегию поведения с женщинами. Я приглашал их на обед, рассказывал о своих книгах и о своей страсти, а потом приводил обратно сюда. Прежде чем выйти на улицу, я провёл рукой по волосам, схватил со стола упаковку жевательной резинки «Джуси Фрут», и вышел на улице. Женщины не было. Именно тогда я осознал, что так и не спросил, как её зовут. И не сказал ей своё имя, то есть своё настоящее имя. Аккуратно развернув фольгу, я вытащил жёлтую пластинку жевательной резинки и зажал её между зубами. Засунув в кармах обёртку, я тщательно изучал улицу, пытаюсь обнаружить её. Я только что потерял девушку, которую по-настоящему хотел узнать. И это очень плохо.

КНИГА НИКА

Она вернулась. Два дня спустя. Из окна гостиной я увидел, что девушка стояла на том же месте, где я оставил её тогда, и смотрела на мой дом, будто он напоминал ей какой-то кошмар. В прошлый раз, когда я видел её, она стояла, освещаемая солнечным светом. На этот раз шёл дождь. На ней был белый дождевик, капли дождя с капюшона стекали на её

лицо. Я видел серебряную прядь, прилипшую к щеке. Наблюдал за ней из окна несколько минут, чтобы посмотреть, что она будет делать. Девушка стояла, как вкопанная. Я решил выйти к ней. Шагая босиком по тропе, я потягивал кофе из чашки, проводя языком по трещинке на ободке. Несколько капель дождя попали в мою кружку. Когда я приблизился к ней на пару метров, то остановился и посмотрел на небо.

— Тебе по душе такая погода, — констатировал я факт.

— Да, — ответила она.

Я кивнул.

— Хочешь зайти на кофе?

Вместо того чтобы ответить, она, молча, пошла по дорожке в сторону дома. Дверь захлопнулась за ней, прежде чем я понял, что женщина оказалась одна в моём доме. Интересно, не показалось ли мне, что девушка постаралась наступить на каждый сорняк на пути?

Она не остановилась, чтобы осмотреться, когда шла по коридору, который соединял прихожую с остальной частью дома. На стенах в коридоре у меня висело несколько картин и семейные фотографии. Обычно женщины останавливались, чтобы рассмотреть каждую из них. Мне всегда казалось, что они делали так, чтобы успокоить нервы. Девушка сняла плащ и бросила его на пол. Вокруг него сразу же образовались лужицы дождевой воды. Чудачка. Она пошла прямо на кухню, будто бы была здесь сто раз, пока не остановилась перед моей потрёпанной кофеваркой. Указала на шкаф над ней, и я кивнул. Девушка выбрала кружку Доктора Сьюза (*Прим. ред.: Теодор Зойс Гайзель — американский детский писатель и мультипликатор*) — умная девочка. Я предпочитал Уолта Уитмена (*Прим. ред.: американский поэт, публицист*) с трещиной на ободке. Я наблюдал, как она подняла кофейник с нагревателя и начала, не глядя, наливать кофе. И смотрела в окно. Правда, когда жидкость достигла края кружки, её рука автоматически отодвинулась. Я вздохнул с облегчением. Чувства веса и времени были развиты до совершенства в этой странной маленькой головке. Закончив, она прислонилась спиной к столешнице и выжидающе посмотрела на меня.

— В тот день...

— Что? — спросил я. — Это ты ушла.

— Был не подходящий день.

Каким чёртовым образом она мыслит?

— А сегодня подходящий?

Девушка пожала плечами.

— Может быть. Мне просто захотелось прийти.

Она прошла и села напротив меня за шаткий обеденный столик, который пережил со мной три разрыва отношений. Если у меня с этой девушкой что-нибудь сложится, то я куплю новый стол. Я слишком часто занимался на нём сексом, чтобы оставить его, если у меня будут длительные отношения.

— Это глупый мир, — сказала она и провела пальцем по краю стола, будто читала по Брайлю (*Прим. ред.: шрифт Брайля — рельефно-точечный тактильный шрифт, предназначенный для письма и чтения незрячими и плохо видящими людьми. Разработан в 1824 году французом Луи Брайлем, сыном сапожника*).

Я ждал продолжения, но она больше ничего не сказала. Мой лоб прорезали морщины. Я ощущал, как складки кожи приближались одна к другой. Девушка попивала кофе, уже думая

о чём-то другом.

— Ты когда-нибудь заканчиваешь мысль?

Она серьёзно обдумала мой вопрос и томно сделала ещё один глоток.

— У меня их много.

— Заверши последнюю, а затем...

— Я не помню, что там было.

Девушка допила свой кофе и потом встала, чтобы уйти.

— Увидимся во вторник, — бросила она, направляясь к двери.

— А что во вторник? — крикнул я ей вслед.

— Ужин в твоём доме. Я не ем свинину.

Я услышал, как за её спиной хлопнула москитная сетка. Макс залаял и, царапая плитку когтями, бросился мимо меня к двери. Откинувшись на спинку стула, я улыбнулся. Я тоже не ем свинину. За исключением бекона, конечно. Все едят бекон.

Девушка появилась во вторник ровно в шесть. Я понятия не имел, когда ожидать её, поэтому приготовил суши из лосося, который купил утром на рынке. Я как раз заворачивал начинку в лист из водорослей, когда она вошла. Я услышал, как хлопнула сетка, и залаял Макс.

Она толкнула бутылку виски через столешницу.

— Большинство людей приносят вино, — сказал я.

— Большинство людей слабаки.

Я подавился смехом.

— Как тебя зовут?

— Бренна. А тебя?

— Ты уже знаешь моё имя.

Частично верно. Она знала, что это мой псевдоним.

— Настоящее имя, — добавила девушка.

— Ник Ниссли.

— Гораздо лучше, чем Джон Кардэ. От кого ты скрываешься?

Бренна отвинтила крышку «Джека» (*Прим. ред.: «Jack Daniel's» — вид американского виски*

, выпускается в винокурнях города Линчберг

, штат Теннесси

, США

, с XIX века

. Напиток изготавливается из 80 % кукурузы, 8 % ячменя и 12 % ржи на основе чистой ключевой воды и в итоге содержит около 40 % алкоголя) и сделала глоток прямо из бутылки.

— Ото всех.

— Я тоже.

Я смотрел на неё краем глаза, пока разливал соевый соус в две формочки. Она молода, намного моложе меня. От кого ей скрываться? Вероятно, от экс-бойфренда. Ничего серьёзного. Скорее всего, просто парень, который не хотел её отпускать. У меня есть бывшие, которые, вероятно, хотели бы скрыться от меня. Это была поверхностная мысль, потому что будь эта женщина действительно так проста, она бы меня не заинтересовала. Я

увидел её, стоящую неподвижно на месте, и этим она привела мои мысли в движение. Я уже написал более шестнадцать тысяч слов с тех пор, как Бренна вошла в мой дом, а затем исчезла. Большой прогресс, учитывая, что я находился в авторском ступоре весь последний год своей жизни.

Нет, если эта женщина сказала, что скрывается, значит, так оно и есть.

— Бренна, — позвал я ночью, когда мы лежали в постели.

— Мммм.

Я снова произнёс имя девушки, водя пальцем по её руке.

— Почему ты продолжаешь повторять моё имя?

— Потому что оно красивое. Я слышал Брианна, но Бренна — никогда.

— Что ж, поздравляю, — она скатилась с кровати и потянулась за юбкой. Юбка была тем, с чего всё началось. Я видел юбку и хотел знать, что находилось под ней.

— Куда ты собралась?

Уголок её рта приподнялся.

— Я похожа на девушку, которая остаётся на ночь на первом свидании?

— Нет, мэм.

Она собрала свою одежду с пола, а затем я проводил её к двери.

— Могу я отвезти тебя домой?

— Нет.

— Почему нет?

— Не хочу, чтобы ты знал, где я живу.

Я почесал затылок.

— Но ведь ты знаешь, где живу я.

— Совершенно верно, — ответила она. Приподнялась на цыпочки и поцеловала меня в губы. — Вкус «Бестселлера по версии Нью-Йорк Таймс», — произнесла она. — Спокойной ночи, Ник.

Я смотрел ей вслед, и меня раздирали противоречивые чувства. Действительно ли я просто позволил женщине выйти из моего дома в середине ночи, а не отвёз её домой? Я не видел машину. Мою мать хватил бы инфаркт. Я почти ничего о ней не знал, но у меня не было никаких сомнений, что ей не понравится, если я поскачу галопом вслед за ней на своём воображаемой скакуне. И почему, чёрт возьми, она без машины? Я вернулся на кухню и начал убирать наши тарелки. Мы съели только половину суши, прежде чем я перегнулся через стол и поцеловал её. Она даже не удивилась, просто уронила палочки и вернула поцелуй. Остальная часть нашей ночи была полна изящества. Благодаря ей. Бренна раздела меня на кухне, но не позволила раздеть её, пока мы не добрались до спальни. Потом она заставила меня сесть на край кровати, и стала раздеваться сама. Её спина ни разу не коснулась простыней. Действительно помешанная на контроле женщина.

Я положил последнюю тарелку в посудомойку и сел за свой рабочий стол. В голове быстро возникали идеи. Если бы я не записал их, то потерял бы. Я написал десять тысяч слов, прежде чем взошло солнце.

Через неделю мы вместе отправились в Сиэтл. Это была её идея. Мы поехали на моей машине, потому что она сказала, что у неё таковой не имеется. Казалось, что Бренна нервничала, сидя на переднем сиденье и сложив руки на коленях. Когда я спросил её, хотела ли она, чтобы я включил радио, девушка ответила отрицательно. Мы ели русские пирожные из бумажных пакетов и наблюдали, как паромы пересекали пролив, дрожа, и стоя так близко

друг к другу, как только было можно. Наши пальцы были настолько жирными, что когда мы доели, нам пришлось прополоскать их в фонтане. Она смеялась, когда я плеснул воду ей в лицо. Я мог бы написать ещё десять тысяч слов, только слушая её смех. Мы купили на рынке пять фунтов креветок и поехали обратно ко мне домой. Я не знал, почему, чёрт возьми, я попросил пять фунтов, но тогда это казалось хорошей идеей.

— У тебя тоже она есть, — сказал я, когда мы вместе чистили креветки над раковиной на моей кухне. Я провёл пальцем вдоль креветки, указывая на тёмную линию, которую необходимо вычистить. Она нахмурилась, глядя на креветку в своих руках.

— Это называется «Испорченная Кровь».

— Испорченная Кровь, — повторила Бренна. — Не похоже на комплимент.

— Возможно, но не для некоторых.

Она обезглавила креветку взмахом ножа и бросила её в миску.

— Именно твоя тьма притягивает меня. Твоя Испорченная Кровь. Но иногда она может погубить своего хозяина.

Бренна отложила нож и вымыла руки, вытерев их о свои джинсы.

— Мне нужно идти.

— Хорошо, — ответил я. И не двигался, пока не услышал, как хлопнула дверь с сеткой. Я не огорчился, что мои слова вынудили её сбежать. Бренна не любила раскрывать душу. Но она обязательно вернется.

КНИГА НИКА

Она не вернулась. Я пытался убедить себя, что мне всё равно. Ведь вокруг полно женщин. Полно. Женщины всюду, куда ни глянь. У каждой есть кожа и кости, и уверен, что у некоторых из них, даже есть серебряные пряди в волосах. А если такой пряди нет, то уверен, что смог бы убедить их покрасить волосы. Но когда убеждаешь себя, что тебе всё равно, это лишний раз доказывает обратное. Каждый раз, когда я оказывался на кухне, то ловил себя на том, что выглядывал в окно, чтобы проверить, не стояла ли она под дождём, осуждающе разглядывая сорняки, проросшие на дорожке. Я так долго смотрел на эти сорняки, что, в конце концов, не побоявшись дождя, вышел и выдернул их один за другим. На это у меня ушла вся вторая половина дня, и, в результате, я подхватил насморк. Зато расчистил тропинку для женщины.

Мне хотелось пойти и поискать её, но я ничего о ней не знал. Всё то, немного, что она рассказала о себе, легко уместилось бы на моей ладони и осталось бы ещё много места. Её зовут Бренна. Она пришла из ниоткуда. Ей нравилось быть сверху. Она ела хлеб; отрывая от него маленькие кусочки и укладывая их на середину языка. Я задавал ей вопросы, но Бренна умело переводила тему на меня. Мне слишком сильно хотелось дать ей ответы, и в процессе я забывал добиваться ответов от неё. Девушка управляла мной, словно я какой-то

самовлюблённый тромбон. Ту-у-у, ту-у-у, ублажая моё самолюбие. Должно быть, она считала меня дураком всё это время.

Ту-у-у, ту-у-у.

Я вернулся в парк, в надежде снова столкнуться с ней. Но что-то подсказывало мне, что тот день в парке был счастливой случайностью. Это был не её день, чтобы быть там, и он был не моим. Мы встретились, потому что так было нужно, а я взял и напортачил, сказав ей, что у неё Испорченная Кровь. Я думал, что она знала. *О, Боже*. Если бы у меня был ещё один шанс с ней, я бы слова не сказал. Молчал бы и слушал. Мне хотелось познакомиться с ней поближе.

Я часто садился за ноутбук и написал больше, чем за несколько прошедших лет. Слова просто появлялись на листе одно за другим, и я ощущал себя писателем-Богом. Мне нужно больше времени с этой женщиной. Наверное, если бы я провёл с ней год, то написал бы столько книг, что хватило бы на целую библиотеку. А если представить себе целую жизнь. Она предназначена для меня. Я очистил весь двор от сорняков, прибрался в шкафах, купил новый стол со стульями для кухни. Дописал свою книгу. Отправил её по электронной почте редактору. И продолжал задерживаться у кухонного окна, тщательно перемывая и без того чистую посуду.

Я снова встретил её на Рождество. Настоящий рождественский день, когда готовят индейку, украшают ёлки и заворачивают никому не нужные или нежеланные подарки в яркую цветную бумагу. У меня есть мать, отец и сестры-близнецы с рифмующими именами. Я ехал к их дому на рождественский ужин, когда увидел Бренну. Она бежала по тротуару безлюдной улицы, направляясь к озеру, а её светящиеся в темноте кроссовки освещали асфальт под ногами. Она бежала очень быстро. Её ноги сплошные крепкие мышцы. Готов поспорить, девушка с лёгкостью могла бы обогнать лань, если бы попыталась. Нажав на газ, я поехал быстрее и припарковался на пустыре у индийского ресторана, обогнав её на полмили. Я чувствовал запах карри, сочащийся из здания: зелёный, красный и жёлтый. Выскочив из машины, пересёк улицу, собираясь перехватить её прежде, чем она достигнет озера. Ей придётся пройти мимо меня, чтобы добраться до тропинки. Я выглядел смелее, чем на самом деле себя чувствовал. Она могла послать меня ко всем чертям.

К тому времени, когда Бренна заметила меня, было слишком поздно делать вид, что она меня не видит. Девушка притормозила, затем остановилась передо мной и упёрлась руками в колени. Я наблюдал, как её спина вздымалась и опускалась. Она тяжело дышала.

— С Рождеством, — поприветствовал её я. — Прости, что отрываю тебя от бега.

Она подняла голову и посмотрела на меня из этого своего полусогнутого положения, подтвердив моё предположение, что девушка не желала меня видеть.

— Я не хотел расстраивать тебя в последний раз, когда ты была у меня дома, — извинился я. — Если бы ты дала мне шанс извиниться я бы...

— Ты не расстроил меня, — ответила она. А потом: — Я закончила свою книгу.

Закончила свою книгу? Я разинул рот.

— За эти три недели, что я тебя не видел? Я думал, ты только начала.

— Да, но я уже дописала её.

Я открыл и закрыл рот. У меня ушёл год, чтобы закончить рукопись, и это, не принимая

во внимание время, которое я потратил на исследования.

— Так значит, когда ты ушла, ты...?

— Я поняла, что должна была написать, — сказала Бренна, будто это была самая очевидная истина в мире.

— Почему ты ничего не сказала? Не позвонила мне? — я чувствовал себя эмоционально зависимым старшеклассником.

— Ты же автор. Я думала, ты поймёшь.

Я пытался подавить свою гордость и сказать ей, что не понял. Я даже обед никогда в жизни не пропускал ради того, чтобы закончить историю. Никогда не чувствовал даже толику страсти, достаточно сильной, чтобы побудить меня так сделать. Я не стал говорить ей об этом потому, что боялся, что она подумает обо мне. Об известном авторе более десятка бестселлеров Нью-Йорка.

— О чём ты написала? — спросил я.

— О своей Испорченной Крови.

Меня прошиб озноб.

— Ты написала, что в тебе есть нечто дурное? Почему ты так поступила?

В ней не было ничего претенциозного. Никакой показухи, никаких попыток произвести на меня впечатление. Она даже не пыталась скрыть жестокую правду, которая напоминала ледяные струи воды, направленные в лицо.

— Потому что это правда, — безразлично ответила она. И я влюбился в неё. Ей не нужно пытаться стать особенной. В ней есть всё то, чего нет во мне.

— Я скучал по тебе, — сказал я. — Могу ли я прочесть твою книгу?

Бренна пожала плечами.

— Если тебе хочется.

Я наблюдал, как струйка пота стекала вниз по шее девушки и исчезала между грудей. Волосы у неё были влажные, лицо покраснелось, но мне всё равно хотелось схватить её и расцеловать.

— Поехали со мной к моим родителям. Я хочу провести рождественский ужин с тобой.

Я думал, что она откажется, и мне придётся потратить минимум десять минут, убеждая её. Но я ошибся. Она согласно кивнула. Я был слишком напуган, чтобы сказать что-нибудь, когда Бренна шла со мной к машине, боясь, что девушка передумает. Без каких-либо возражений она забралась на переднее сиденье и сложила руки на коленях. Всё это выглядело слишком чопорно.

Как только мы выехали на дорогу, я потянулся к радио. Мне хотелось послушать рождественские гимны. Хоть так подготовить её к рождественской суматохе, с которой ей придётся столкнуться в доме Ниссли. Бренна перехватила мою руку.

— Давай не будем включать его?

— Конечно, — ответил я. — Ты не любишь музыку?

Девушка уставилась на меня, потом посмотрела в окно.

— Все любят музыку, Ник, — сказала она.

— Но не ты?

— Я не говорила этого.

— Ты имела это в виду. Умоляю, расскажи мне что-нибудь о себе, Бренна. Просто дай мне хоть какую-то информацию.

— Хорошо, — ответила она. — Моя мать любила музыку. Она звучала в нашем доме с

утра до вечера.

— Поэтому ты не любишь её?

Мы завернули на подъездную дорожку возле дома моих родителей, и она воспользовалась этим, чтобы не отвечать на мой вопрос.

— Довольно мило, — сказала Бренна, когда мы затормозили.

Дом моих родителей выглядел довольно скромно. Последние десять лет они потратили на то, чтобы всячески его модернизировать. Если дом показался ей милым снаружи, то, как она оценит кухонные столешницы, выполненные из розового мрамора или фонтан в виде писающего мальчика, установленный в центре холла. Я дождался не мог, когда Бренна увидит всё это.

Когда я ещё жил в этом доме, пол у нас был покрыт линолеумом, а сантехника работала нормально только десятую часть времени. Бренна никак не прокомментировала гигантских оленей, украшающих лужайку, и венка, размером с входную дверь. Она просто выскочила из машины и последовала за мной в дом, где прошло моё счастливое детство. Я взглянул на неё, прежде чем открыл дверь: спортивная одежда, волосы растрепались и облепили лицо.

Какая женщина прыгнула бы в машину на Рождество, чтобы встретиться с вашей семьёй, не надев кардиган и платье? Она. После неё все прочие женщины казались пресными и фальшивыми. С Бренной не соскучишься.

— Это о тебе, Сенна?

Айзек пристально смотрел на меня. Я не знала, о чём он думал, но лично у меня в голове крутилось только: «*Чёрт подери Ника и его книгу*».

Я едва могла... Не знала, как... Мысли разбегались в разные стороны.

— Ты дрожишь, — сказал Айзек. Он отложил книгу на тумбочку и налил мне стакан воды. Стакан был пластмассовый, но тяжёлый, и такого странного цвета, как будто смешали воедино все яркие наборы пластилина «Плей-До». Он вызывал у меня отвращение, но я взяла его и сделала несколько глотков. Стакан оказался слишком тяжёлым. Часть воды пролилась на больничный халат, от чего тот прилип к моей коже.

Я передала его обратно Айзеку, который отставил стакан в сторону, не отрывая при этом взгляда от моего лица. Он обхватил своими руками мои ладони, чтобы унять дрожь. И частично ему это удалось.

— Он написал это для тебя, — сказал Айзек. Его глаза потемнели, словно голову доктора переполняли мысли. Мне не хотелось отвечать.

Сложно было не заметить сходство имён: Сенна, Бренна. Так же, как нельзя было не заметить и саму суть истории. Тонкая грань, разделяющая вымысел и правду. Мне стало дурно от того, что Ник рассказал эту историю. Нашу историю? Свою версию событий. Некоторые вещи должны быть похоронены глубоко под землёй и лучше их там и оставить.

Я указала на книгу.

— Возьми её, — попросила я. — И выброси.

Его брови сошлись на переносице.

— Зачем?

— Потому что не хочу помнить о прошлом.

Целую минуту Айзек внимательно изучал меня, затем взял книгу, засунул её под мышку и пошёл к двери.

— Подожди!

Я протянула руку, требуя дать мне книгу, и доктор подошёл обратно ко мне. Я открыла её, пролистнула, пока не добралась до страницы с посвящением, нежно провела кончиками пальцев по словам... а затем вырвала страницу. Безжалостно. Вернула книгу Айзеку, по-прежнему сжимая в кулаке вырванный лист. Он ушёл с каменным лицом, шаркая ногами по полу больницы. *Шарк... шарк... шарк.* Я слушала, пока шаги не стихли.

Согнула страницу пополам, а потом ещё раз и ещё, пока она не стала размером с ноготь большого пальца, и тогда его проглотила.

Через неделю меня выписали. Медсестры сказали, что обычно после двойной мастектомии пациентки возвращаются домой через три дня, но Айзек задействовал связи, чтобы меня продержали там какое-то время. Я ни словом не упомянула об этом, когда он передал мне бумажный пакет с моими лекарствами. Засунула его в свою косметичку, стараясь не обращать внимание на дребезжание таблеток. Пытаясь игнорировать какой-то тяжелой стала сумка. Полагаю, ему было легче ухаживать за мной в больнице, нежели у меня дома.

Он перенёс операции и отпросился, чтобы отвезти меня домой. Меня это раздражало, но всё же не знаю, как бы я справилась без него. Что можно сказать человеку, который заботится о вас без вашего разрешения? *«Держись от меня подальше, то, что ты делаешь неправильно? Твоя доброта сводит меня с ума? Какого чёрта ты хочешь от меня?»* Мне не хотелось быть чьим-то объектом заботы, но Айзек умный и у него есть машина, а я одурманена обезболивающим.

Я задавалась вопросом, что он сделал с книгой Ника. Выбросил её в мусорку? Оставил в своём кабинете? Может быть, когда я вернусь домой, она окажется на моей тумбочке, как будто никогда не покидала её.

Медсестра везла меня по коридорам больницы к главному входу, где Айзек припарковал свою машину. Он шёл немного впереди меня. Я наблюдал за его руками, за складками кожи на ладони под большим пальцем. Искала следы книги на пальцах. *Глупо.* Если бы я нуждалась в словах Ника, я могла бы их прочитать. Руки Айзека были крупнее, чем книга Ника. Они только что проникли в моё тело и вырезали мой рак. Но я продолжала видеть книгу в его руках, и то, как его пальцы загибали угол страницы, прежде чем перевернуть её.

Когда мы оказались в автомобиле доктора, он включил музыку без слов. Это, по какой-то причине, беспокоило меня. Может быть, я ожидала, что он поставит что-то новое для меня. Я барабанила пальцами по окну, пока мы ехали. Было холодно. Холода продержатся ещё несколько месяцев, прежде чем погода переменится, и Вашингтон согреет солнце. Мне нравилось ощущение холодного стекла под пальцами.

Айзек внёс мою сумку внутрь. Когда я зашла в свою комнату, то взгляд сразу же метнулся к тумбочке. На пыльной поверхности остался лишь чёткий прямоугольник. Я почувствовала укол чего-то. *Утраты?* Я и без того испытывала ощущение утраты, ведь я только что лишилась груди. *«Это не имело никакого отношения к Нику»*, — сказала я себе.

— Я приготовлю обед, — сообщил Айзек, стоя в дверях моей комнаты. — Ты хочешь,

чтобы я принёс его сюда?

— Я хочу принять душ. Спущусь позже.

Он увидел, что я смотрела на дверь ванной и откашлялся.

— Позволь мне взглянуть, прежде чем ты это сделаешь, — я кивнула и села на край кровати, расстёгивая рубашку. Закончив, я откинулась назад и вцепилась руками в покрывало. Казалось, я должна была привыкнуть к этому — постоянным обследованиям и прикосновениям к моей груди. Теперь, когда там ничего нет, я не должна стыдиться. Судя по тому, что теперь под моей рубашкой пусто, я просто маленький мальчик. Он размотал бинты на груди. Я почувствовала, как кожу овеял воздух, и автоматически прикрыла глаза. Затем снова открыла, бросая вызов стыдливости, и собираясь наблюдать за выражением его лица.

Никаких эмоций.

Когда Айзек коснулся кожи вокруг швов, мне захотелось отпрянуть.

— Опухоль спала, — констатировал он. — Можешь принять душ, так как мы удалили дренаж, но используй антибактериальное мыло, которое я положил тебе в сумку. Не три швы мочалкой, а то зацепишь, и они разойдутся.

Я кивнула. Всё это я уже слышала, но когда человек смотрит на вашу искалеченную грудь, ему нужно что-то сказать. Доктор он или нет.

Снова накинула на себя рубашку и запахнула, сжав концы в кулаке.

— Буду внизу, если тебе понадобится.

Я не могла смотреть на него. Моя грудь не единственное, что отрезали и удалили. Айзек — незнакомец, но он видел больше моих ран, чем кто-либо другой. И вовсе не потому, что я выбрала его, как это случилось с Ником. Просто он всегда рядом. Вот что меня пугало. Одно дело, когда человек сам приглашает другого человека в свою жизнь, когда кладёт голову на рельсы и ожидает неминуемой смерти, но эта ситуация — я не могла её контролировать. От стыда я не в состоянии смотреть ему в глаза, ведь он так много знает обо мне и так много видел. Я прошла на цыпочках в ванную, бросив последний взгляд на тумбочку, перед тем, как закрыла дверь.

Кто угодно может взять ваше тело, воспользоваться им, избить, относиться к нему, как будто это кусок дерьма, но гораздо более настоящего физического насилия то, что оно оставляет в вашем теле зло. Прокладывает свой путь в вашу ДНК. И вы уже больше не вы, а просто девушка, которую изнасиловали. И избавиться от этого не представляется возможным. Сложно перестать ожидать, что это не произойдёт снова, или не чувствовать себя бесполезной, или бояться, что тебя захочет кто-то только потому, что ты уже испорчена и использована. Кто-то решил, что вы ничтожество, поэтому естественно предположить, что все остальные думают точно так же. Насилие — зловещий разрушитель доверия, достоинства и надежды. Я могу бороться с раком. Могу вырезать части тела и впрыснуть яд в вены, чтобы бороться с ним. Но я понятия не имею, как справиться с тем, что этот человек забрал у меня. И с тем, что он отдал мне взамен — страх.

Я не стала осматривать своё тело, когда разделась и вошла в душ. Это не моё отражение виднелось в зеркале. За последние несколько месяцев мои глаза потускнели, взгляд стал пустым. Когда я натыкалась на своё отражение, где-то было больно. Как и велел Айзек, я встала так, чтобы вода попадала на спину. Закатила глаза. Это мой первый душ после операции. Медсестры протирали меня губкой, и одна из них даже вымыла мне волосы в маленькой ванной комнате. Она подставила стул вплотную к краю раковины и попросила

меня откинуть голову назад, пока втирала мне в волосы крошечные порции шампуня и кондиционера. Минут десять я просто стояла, позволяя воде стекать по своему телу, и только потом отважилась коснуться пустого места под ключицей. Я ничего не... почувствовала.

Закончив, я вытерлась, слегка промокая полотенцем кожу, надела штаны от пижамы и позвала Айзека. Некоторые пластыри отклеились. Я стояла и молчала, пока он приклеивал новые. Я закрыла глаза, а вода с мокрых волос стекала по спине. От него пахло розмарином и орегано. Интересно, что он готовил внизу. Когда доктор закончил, я надела рубашку и отвернулась от него, пока её застегивала. Когда я снова повернулась к нему лицом, то увидела, что Айзек держал в руках расчёску, которую я до этого бросила на кровать. Не уверена, что смогла бы поднять руки достаточно высоко, чтобы распутать колтуны. Выдавить немного шампуня на голову — одно, а вот причёсывание уже напоминало невыполнимый подвиг. Он указал на табурет перед моим туалетным столиком.

— Ты такой странный, — признала я, когда села. Я упорно старалась не смотреть на его отражение, сосредоточив всё внимание на своём лице.

Айзек посмотрел на меня сверху вниз, его движения были размеренными и нежными. У него квадратные широкие ногти; а про мужские руки нельзя сказать, что они не ухоженные или не красивые.

— Почему ты так сказала?

— Ты причёсываешь меня. Ты даже не знаешь меня, но ты в моём доме причёсываешь меня, готовишь мне ужин. Ты был барабанщиком, а теперь хирург. Ты почти никогда не моргаешь, — закончила я.

К тому моменту, когда я закончила свою мысль, в его взгляде было столько грусти, что я пожалела о сказанном. Он провёл щеткой по моим волосам в последний раз и положил её на трюмо.

— Ты голодна?

Мне не хотелось есть, но я кивнула. Встала и позволила ему проводить меня вниз.

Я ещё раз оглянулась на тумбочку и только после этого последовала за доктором.

Люди лгут. Они используют других людей и лгут им, постоянно скармливая чушь про свою верность и про то, что они никогда не уйдут. Никто не в состоянии выполнить такое обещание, потому что наша жизнь напоминает времена года, а они имеют обыкновение сменять друг друга. Ненавижу перемены. Нельзя полагаться на времена года, можно верить лишь в то, что они сменяют друг друга. Но прежде чем это произойдёт, и прежде чем получить урок, чувствуешь себя хорошо благодаря глупым, пустым обещаниям. Человек предпочитает верить им, потому что ему это необходимо. И наступает тёплое лето, красивое и безоблачное, и человек чувствует только тепло. Нам свойственно верить в постоянство, потому что люди, как правило, появляются в нашей жизни, когда та хороша. Я называла таких людей «слетающиеся на лето» и подобных «слетающихся» в моей жизни было предостаточно, чтобы усвоить, что когда придёт зима, они покинут меня. Когда жизнь «замораживает» человека, а он дрожит и ищет защиты под кучей слоёв одежды, стараясь выжить, то остаётся один. Сначала даже не замечает. Слишком холодно, чтобы можно было мыслить ясно. А потом внезапно поднимает голову, и видит, что снег уже начинает таять, и понимает, что зиму провёл в одиночестве. Это сводило меня с ума. И этого достаточно, чтобы я начала избавляться от людей, прежде чем они сами покинут меня. Вот что я сделала с Ником. Это то, что я пыталась сделать с Айзеком. Но он оказался исключением, и не ушёл.

А остался на всю зиму.

Времена года появляются из мешков: весна, лето, осень и зима. В воображении я представляла гигантские мешки, наполненные воздухом, цветом и запахом. Когда один сезон подходил к концу, следующий за ним сезон вырывался из мешка и разливался по всему миру, подавляя уставшего и ослабевшего предшественника своей силой.

Зима закончилась. Весна вырвалась на волю и помчалась вперёд, овевая Вашингтон тёплым воздухом и окрашивая деревья в ярко-розовый цвет. Небо теперь ярко-голубое, а Айзек подрезал кусты перед моим домом. За неделю до этого я шла к входной двери, зацепилась за ветку и до крови поранила руку. Айзек решил, что я себя режу. Я заметила, как он внимательно изучал ранку. Когда мужчина пришёл к выводу, что рана слишком кривая, чтобы быть нанесённой ножом, то отправился на поиски садовых ножниц в гараж. Обычно я нанимала ландшафтную компанию, чтобы обустроить двор, но сейчас подрезкой маленьких ёлочек занимался мой доктор.

Я наблюдала за ним через окно, вздрагивая каждый раз, когда мышцы его рук напрягались и ножницы отрезали очередную веточку. Если он случайно отрежет себе палец, я буду ответственна за это. Вокруг его теннисных туфель валялись листья и ветки. Мне никогда не было так жарко в Вашингтоне, чтобы я обливалась потом, но Айзек весь взмок и выглядел уставшим. Нельзя запретить Айзеку делать что-нибудь. Он не слушает. Но зима закончилась, а я устала быть его объектом заботы. Доктор прочно обосновался в моём доме. На моём диване, в кухне, возле живой изгороди. Воздух прогрелся и всё изменилось. Ник часто говорил мне, что я дочь зимы, седая прядь в моих волосах тому доказательство. Он утверждал, что со сменой времени года, менялась и я. Впервые я согласна с ним.

— Когда ты собираешься домой? — спросила я, когда Айзек зашёл в дом. Он мыл руки в кухонной раковине.

— Через пару минут.

— Нет, я имею в виду насовсем. Когда ты собираешься уйти и не возвращаться?

Он не спеша вытирал руки и тянул время.

— Ты готова к тому, чтобы я ушёл?

Это взбесило меня. Он всегда отвечает вопросом на вопрос. Я не ребёнок. Я сама могу позаботиться о себе.

— Во-первых, я никогда не просила тебя быть здесь.

— Нет, — он покачал головой. — Ты не просила.

— Ну, тогда тебе пора уходить.

— Разве?

Айзек пошёл прямо на меня. Я напряглась, но в самую последнюю секунду он обогнул меня слева и прошёл мимо. Я закрыла глаза, чувствуя, как воздух, который всколыхнулся от его движения, окутывал меня. В голове возникла странная мысль. Очень странная: «Ты никогда снова не почувствуешь его запах».

Я не из тех, для кого важны запахи. Обоняние — моё самое не любимое чувство. Я не зажигала ароматические свечи и не бродила у пекарни, вдыхая запах свежего хлеба. Обоняние просто одно из чувств, с которым я борюсь в своей белой комнате. Я не пользуюсь им, мне плевать на запахи. Я жила в белой комнате. Я жила в белой комнате. Я жила в белой комнате. Но... понимала, что буду скучать по его запаху. Айзек и есть обоняние. Это его чувство. От мужчины пахнет специями и больницей. Я чувствую также запах его кожи. Он мог просто стоять в нескольких метрах от меня, а я уже улавливала запах его кожи.

— Айзек, — в моём голосе звучало столько уверенности, но когда он повернулся ко мне, держа руки в карманах, я не знала, что сказать. Мы смотрели друг на друга. Это ужасно. Больно.

— Сенна, чего ты хочешь?

Я хотела в свою белую комнату. Хотела никогда не знать его запаха и не слышать его музыку со словами.

— Я не знаю.

Он сделал шаг к двери. Мне хотелось пойти к нему. Хотелось.

— Сенна...

Айзек сделал ещё один шаг. Ему хотелось, чтобы я остановила его. «Он давал мне шанс», — подумала я. Ещё три шага, и он выйдет за дверь. Я чувствовала притяжение. Будто что-то подталкивало меня под колени, тянуло к нему. Мне хотелось наклониться и унять это ощущение. Ещё один шаг. И ещё.

Его глаза умоляли меня. Но бесполезно. Я была слишком далеко.

— Прощай, Айзек.

Для меня это была потеря. По крайней мере, мне так казалось. Прошло много времени с тех пор, как я оплакивала человека, двадцать лет, если быть точной. Но я оплакивала Айзека Астерхольдера по-своему. Не плакала; я слишком сухой человек, чтобы плакать. Каждый день я прикасалась к тому месту, где раньше на тумбочке лежала книга Ника. Пыль начинала заполнять поверхность. Ник что-то значил для меня. Мы с ним жили вместе. А между мной и Айзеком такого не было. Хотя, возможно, это не так. У нас с ним были мои трагедии. Люди уходят — это то, к чему я привыкла, но Айзек просто появился в моей жизни. Я просидела в своей белой комнате не один день, пытаюсь очистить себя от всех цветов, которые вдруг почувствовала: красные велосипеды, «цепляющие» тексты песен, запах травы. Я сидела на полу, натянув платье на колени и прижавшись к ним лбом. Белая комната не смогла вылечить меня. Цвета были повсюду.

Спустя семь дней после того, как Айзек вышел из моего дома, я пошла проверить почтовый ящик, и на обратном пути увидела на лобовом стекле машины пакет. Я прижимала его к груди в течение часа, прежде чем вставила в проигрыватель. В комнате раздалось мощное крещендо слов, ударных и звуков арфы, и всего того, что он чувствовал. Всего, что чувствовала я. Самое замечательное в этом, что я что-то чувствовала.

Музыка разрывала меня на части, пока я не начала задыхаться. Откуда музыке знать, что чувствует человек? Как она может помочь дать всему этому название? Я пошла в кладовую. Там на верхней полке лежала коробочка. Я потянула её вниз и отбросила крышку. В коробочке лежала красная ваза. Ярко-красная. Ярче крови. Отец прислал её мне, когда была опубликована моя первая книга. Она показалась мне ужасной, настолько яркой, что резало глаза. Теперь цвет притягивал мой взгляд. Я отнесла её в белую комнату и поставила на стол. Теперь там повсюду была кровь.

В течение нескольких дней я искала песню. Я плохо разбиралась в прелестях iTunes. Остановилась на Флоренс Уэлч. Есть что-то в её напряжённом пении. Я нашла песню. Но не знала, как записать её на один из компакт-дисков, которые использовал Айзек. Но как-то разобралась. После чего поехала в больницу, и диск всю дорогу лежал у меня на коленях. Я долго стояла возле его машины. Это был смелый шаг. Цветной. Не знала, что во мне есть какие-то цвета. Я оставила конверт на лобовом стекле машины доктора и надеялась на удачный исход.

Его песни напоминали мне о плавании, про которое я как-то забыла.

Он пришёл не сразу. Вероятно, не пришёл бы вообще, если бы несколько недель спустя не увидел меня в больнице. Я поехала, чтобы подписать некоторые счета. Страховку. И увидела его мельком, не более нескольких секунд. Он был с доктором Акелой. В одинаковых белых халатах, выделяющих их среди прочих людей, спящих вокруг поста медсестёр, они вместе шли по коридору — два полубога в мире людей. Я замерла, когда увидела его, на меня нахлынуло то ощущение, которое могли подарить только наркотики. Доктор шёл к лифтам, где стояла я. *«Великолепно, это будет полный отстой»*. Если в лифте будут люди, возможно, мне удастся протиснуться вглубь и спрятаться. Я с надеждой ждала, но когда двери разъехались, единственными людьми внутри оказались двое на рекламном постере о лечении эректильной дисфункции. *«Мы должны делать это чаще»*, — гласил лозунг. Приятная, спортивная пара под пятьдесят, женщина казалась несколько смущённой. Я влетела в лифт и ударила кулаком по кнопке «первый этаж». *Закрываются же!* И двери начали закрываться. К счастью, они закрылись, но перед тем, как закрылись, сквозь щель, я увидела Айзека. На секунду мне показалось, что он собирался просунуть руку и не дать дверям закрыться, но доктор, наоборот, отпрянул. В его глазах вспыхнуло удивление. Он не ожидал увидеть меня сегодня. *«Мы должны делать это чаще»*, — подумала я. Всё это произошло за три головокружительные секунды. Обычно этого времени хватает, чтобы моргнуть три раза. Но я не моргала, также как и он. Все эти три долгие секунды мы играли в «гляделки». Мы не смогли бы сказать больше за эти три секунды, даже если бы использовали слова.

Если необычайно долго отталкивать от себя человека, то его реакция на ваши извинения, скорее всего, будет очень замедленной. По крайней мере, мне так казалось. И именно так вели себя герои моих историй. Он пришёл через неделю. И я убрала красную вазу обратно в шкаф, вернувшись к жажде белого.

Я стояла у почтового ящика, когда его машина въехала на мою подъездную дорожку. На меня нахлынули чувства.

Ты чувствуешь.

Когда же это снова начало происходить? Я ждала, зажав в руках бесполезную пачку писем. Айзек вышел из машины и подошёл ко мне.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

— Я ехал в больницу, но сначала мне захотелось проведать тебя.

Я приняла это объяснение. Я скучала по нему. *«Ты скучаешь по Нику, ты знаешь Ника. С этим человеком ты незнакома»*.

Я прогнала мысли прочь.

Мы вместе подошли к дому. Когда я закрыла за нами дверь, Айзек забрал у меня почту. Я наблюдала, как он положил её на столик, стоящий у двери. Один белый конверт

соскользнул с края и упал на пол. И приземлился за правой ногой Айзека. Он повернулся ко мне и обхватил мое лицо ладонями. Мне хотелось смотреть на безопасную белизну этого конверта, но мужчина стоял рядом, вынуждая смотреть на него. Его взгляд был острым. Пронзительным. В нём плескалось слишком много эмоций. Айзек поцеловал меня с цветом, с барабанным боем и с точностью хирурга. Он целовал меня как тот, кем являлся, всем своим существом — это был всепоглощающий поцелуй. Мне стало интересно, как его целую я, ведь я была разбита на части.

Когда Айзек прервал поцелуй, я испытала чувство потери. Его губы на какой-то краткий миг коснулись тьмы, и в моей душе вспыхнул свет. Он всё ещё касался руками моей головы, зарываясь в волосы, и мы почти соприкасались носами, пока смотрели друг на друга.

— Я не готова к этому, — призналась я тихо.

— Я знаю.

Он пошевелился, пока я не оказалась в его руках. Объятья. Гораздо более интимные, нежели что-либо, чем я занималась с мужчинами в течение последних лет. Я упиралась макушкой ему в подбородок, прижимаясь лицом к ключице.

— Спокойной ночи, Сенна.

— Спокойной ночи, Айзек.

Он отпустил меня, отступил и сделал шаг влево. Впечатления, которые Айзек оставил после себя, оказались такими короткими и такими острыми. Я слушала гул его автомобиля, когда мужчина выезжал с подъездной дорожки. Раздался скрип гравия, когда он выезжал на улицу. Когда Айзек уехал, снова стало тихо и спокойно, как и было всегда. Всё успокоилось, кроме меня.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ГНЕВ И ПЕРЕГОВОРЫ

Где-то за стеной начинает играть музыка. Мы застываем, глядя друг на друга, и раскрывая глаза всё шире с каждым аккордом. Между нами существует невидимая нить, которая появилась с тех пор, как Айзек увидел мою боль и принял её, как свою собственную. Я чувствую, как она натягивается по мере того, как музыка звучит всё громче, а Айзек, шокированный, как и я, стоит, не шевелясь. Мне хочется оказаться в его объятиях и спрятать лицо у него на шее. Я боюсь. Страх пробирает до мозга костей. Он стучит, как барабаны, предвещающие конец света.

Там

Та-дам

Там

Та-дам

Флоренс Уэлч исполняет «Landscape» за стенами нашей тюрьмы.

— Достань тёплую одежду, — велит он, не отводя от меня взгляда. — Одень всё, что

найдёшь. Мы убираемся отсюда.

Я бегу.

В шкафу нет ни одного пальто. Ни перчаток, ни термобелья, ничего достаточно тёплого, чтобы осмелиться выйти наружу в двадцатиградусный мороз. Почему я не замечала этого раньше? Я быстро исследую одежду на вешалках в шкафу. Меня окружает музыка, она звучит в каждой комнате. От этого я двигаюсь быстрее. Кто мог знать о песнях, которые Айзек присылал мне? Они личные... посвящены мне, в них так много недосказанного, как и в моих мыслях. В шкафу нашлось много кофт с длинными рукавами, но большинство из них из тонкого хлопка или лёгкой шерсти. Я натягиваю все кофты через голову, пока мне не становится трудно двигать руками. Но я уже сейчас понимаю, что и этого будет недостаточно. В любом случае, в такую погоду необходимо утеплённое бельё, тёплое пальто, сапоги. Я обуваю единственную пару обуви, которая кажется мне тёплой: пара сапожек на меху — скорее модные, нежели практичные. Айзек ждёт меня внизу. Он держит дверь открытой, словно боится отпустить. Я заметила, что он даже куртку не надел. На нём пара чёрных резиновых сапог, предназначенных для дождя или работы во дворе. Наши взгляды скрещиваются, когда я прохожу мимо него и выхожу на улицу. Я сразу же проваливаюсь в снег. Вплоть до колен. Снег по колено, в этом не может быть ничего хорошего. Айзек следует за мной. Он оставляет дверь открытой, и мы двигаемся вперёд метров пять или шесть, затем останавливаемся.

— Айзек? — я цепляюсь за его руку. Дыхание мужчины облачком пара вырывается изо рта. Я вижу, как он дрожит. Я сама дрожу. Боже. Мы даже не пробыли снаружи и пяти минут.

— Здесь ничего нет, Айзек. Где мы?

Я верчусь по сторонам, мои колени прокладывают путь через снег. Кругом всё белое. Куда ни глянь. Даже деревья, кажется, находятся очень далеко. Когда я прищуриваюсь, то могу разглядеть отблеск чего-то вдалеке, непосредственно перед линией деревьев.

— Что это? — спрашиваю я, указывая в том направлении. Айзек вглядывается вместе со мной. Сначала это просто напоминает кусок чего-то, и я взглядом следую вдоль этого предмета. Я смотрю, крутясь на месте, пока не завершаю полный круг. С моих губ срывается стон. Он зарождается у меня в горле, звук, напоминающий тот, который вы делаете, когда удивлены, а потом в нём звучат скорбные нотки.

— Это просто забор, — говорит Айзек.

— Мы можем перелезть через него, — добавляю я. — Он вроде бы не очень высокий. Три с половиной метра, может быть...

— Он электрический, — отвечает Айзек.

Я резко разворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Откуда ты знаешь?

— Прислушайся.

Я сглатываю и слушаю. Гул. О, Боже. Мы не могли услышать его из-за семисантиметровых толстых стёкол. Мы в клетке, как животные. Но должен же быть какой-то выход. Электрический провод, который мы можем перерезать... хоть что-нибудь. Я смотрю на снег. Он охватывает деревья за забором и падает изящной белой юбкой вниз на крутой овраг, который тянется слева от дома. Там нет дорог, нет домов и нет никаких проталин в белом покрывале. Снег бесконечен. Айзек разворачивается и идёт назад к дому.

— Куда ты идёшь?

Он смотрит себе под ноги и игнорирует мой вопрос. Чтобы идти по снегу, приходится прикладывать столько усилий, что создаётся впечатление, будто поднимаешься по лестнице. Я смотрю, как Айзек кружит вокруг задней части дома, не зная, что делать. Я задерживаюсь ещё на несколько минут, прежде чем следую за ним, радуясь, что иду по тропе, которую он протоптал. Нахожу его перед постройкой, которая напоминает сарай. Так как в доме нет окон, которые выходят на эту сторону, я впервые вижу это строение.

Небольшая постройка находится справа от сарая. Генератор, я полагаю. Когда я смотрю на Айзека, то понимаю, что он не смотрит ни на сарай, ни на генератор. Я следую за его взглядом мимо пристроек, и у меня перехватывает дыхание. Я даже дрожать перестану, а просто стою. Тянусь к его руке, и мы вместе пробираемся через снег. Мы снова начинаем дышать, пока, прилагая усилия, прокладываем себе путь по снегу. Мы останавливаемся, когда достигаем края скалы. Открывшийся перед нами вид настолько яркий и до жути красивый, что я боюсь моргнуть. Дом стоит задней стеной к обрыву. Наш похититель — наш Смотритель Зоопарка — не дал нам возможности насладиться этим видом. Похоже, что он пытается сообщить нам что-то. Что-то, что мне совершенно не хочется слышать. *Вы оказались в ловушке, может быть. Или вы не видите всей картины. Я контролирую всё.*

— Давай вернёмся внутрь, — предлагает Айзек. Его голос лишён эмоций. Он говорит как врач, только факты. *«Его надежды только что рухнули с этой скалы»*, — думаю я. Он направляется обратно без меня. Я остаюсь смотреть, смотреть на горные просторы. Смотреть на опасный обрыв, в котором падающее тело может превратиться в мешок из кожи и жидких органов.

Когда я оборачиваюсь, Айзек несёт охапку древесины из сарая в дом. *«Это не дом»*, — говорю я себе. — *«Это камера посреди пустыни»*. Что будет, когда мы останемся без пищи? Без топлива для генератора? Я иду обратно к сараю и заглядываю внутрь. Кругом горы из поленьев. Топор упирается о стену недалеко отсюда, где я стою, а на задней стенке сарая несколько больших металлических контейнеров. Я собираюсь исследовать их, когда Айзек возвращается, чтобы взять ещё древесины.

— Что это? — спрашиваю я.

— Дизель, — говорит он, не поднимая головы.

— Для генератора?

— Да, Сенна. Для генератора.

Я не понимаю причину появления резкости в его голосе. Почему он так говорит со мной. Я приседаю рядом с мужчиной, тянусь к поленьям и набираю охапку. Мы возвращаемся вместе и загружаем шкаф в гостиной. Я собираюсь последовать за ним на улицу, когда он останавливает меня.

— Оставайся здесь, — говорит Айзек, касаясь моей руки. — Я принесу остальные.

Если бы он не коснулся моей руки, я бы настояла на том, чтобы помочь. Но есть что-то в его прикосновении. Мужчина что-то говорит мне. Я приседаю перед огнём, который он развёл, пока моя дрожь не прекращается. Айзек делает ещё около десяти ходок, прежде чем наш шкаф для поленьев заполняется, а затем начинает выкладывать поленья в углах комнаты. *«На случай, если мы окажемся, заперты снова»*, — думаю я.

— Можем ли мы оставить дверь открытой? Вклинить что-то в дверной косяк, чтобы она не закрылась?

Айзек проводит рукой по затылку. Его одежда грязная и покрыта бесчисленными щепочками.

— И будем ли мы охранять дверь? В случае если кто-то запрёт её посреди ночи?

Я качаю головой.

— Там нет никого, Айзек. Они высадили и бросили нас здесь.

Кажется, что он пытается сказать мне что-то. Это меня бесит. У него всегда была склонность считать меня хрупкой.

— Что, Айзек? — говорю я со злостью в голосе. — Просто скажи.

— Генератор, — отвечает он. — Я видел такие раньше. У них есть подземные резервуары с прилагающейся системой трубок.

Я не поняла его в начале. Генератор... отсутствие окон в задней части дома... система трубок для пополнения дизельного топлива.

— Боже мой, — я опускаюсь на диван и зажимаю голову между колен. Чувствую, что начинаю задыхаться. Слышу шаги Айзека по деревянному полу. Он хватается меня за плечи и поднимает на ноги.

— Посмотри на меня, Сенна.

Я слушаюсь.

— Успокойся. Дыши. Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, хорошо?

Я киваю. Он трясёт меня, пока наши взгляды не встречаются.

— Хорошо? — снова говорит он.

— Хорошо, — повторяю я за ним. Айзек отпускает меня, но не отходит в сторону. Он притягивает меня в объятия, и я зарываюсь лицом ему в шею.

— Он заполнял этот бак, не так ли? Вот почему нет окон в той части дома.

Молчания Айзека достаточно для подтверждения.

— Вернется ли он? Теперь, когда у нас есть открытая дверь, и мы можем заполнить его сами? — маловероятно. Теперь это наше наказание, когда мы выяснили код? Награда и наказание: *«Вы можете выйти на улицу, но теперь это только вопрос времени, прежде чем закончится топливо, и вы замёрзнете».* Тик-так, тик-так.

Айзек сжимает меня крепче. Я чувствую, как напряжены его мышцы под моими ладонями.

— Если он вернётся, — говорю я. — Я собираюсь его убить.

Я прекратила резать себя с тех пор, как встретила Айзека. Не знаю, почему. Может быть, потому, что он заставил меня чувствовать, и мне больше не нужно для этого лезвие. Вот зачем мы это делаем, не так ли? Режем себя, чтобы чувствовать? Сапфира бы так и сказала. Дракон и её жизненные нравоучения. *«Поскольку люди могут выбиррррать, между злом или добррром, в действительности, никто из них не относится ни к той, ни к другой стороне».*

Теперь чувств слишком много. Я хочу обратно в свою белую комнату. Что можно

противопоставить порезам? Завернуться в кокон и никогда не выходить из него. Я кутаюсь в перину на чердачной кровати, так мы называем это место — чердак. Моя комната. Место, куда похититель перенёс меня, и где переодел в пижаму. Зачем он перенёс меня сюда? Я не знаю, но мне начинает нравиться этот чердак. Музыка почти не слышна, когда я завернута в одеяло. «*Landscape*» играет не переставая. Первая из наших песен. Та, с помощью которой он дал понять, что понимает меня.

— Ты похожа на самокрутку, — говорит Айзек. Он почти никогда не приходит сюда. Я чувствую, как он касается моих волос, торчащих из верхней части моего кокона. Зарываюсь лицом в белое и пытаюсь задушить себя. Я поменялась с ним одеялами. Он взял красное, потому что я не могу на него смотреть.

— Внизу есть кое-что, на что ты должна взглянуть, — сообщает он. Айзек гладит меня по волосам так, что усыпляет меня. Если доктор хочет, чтобы я встала, то должен это прекратить.

Я поднялась сюда сразу после того, как мы обнаружили электрический забор и притащили дрова в дом. Айзек, наверное, нашёл снаружи что-то ещё.

— Если это не мёртвое тело, я не хочу смотреть.

— Ты хотела бы увидеть труп?

— Да.

— Это не мёртвое тело, но мне нужно, чтобы ты пошла со мной, — он вытаскивает меня из импровизированного кокона и поднимает на ноги, но отпускает не сразу. Айзек крепко сжимает меня там, где его руки касаются моего тела. Затем тянет меня за собой, взяв за руку, будто я ребёнок. Я спотыкаюсь, пока плетусь за ним. Мужчина ведёт меня вниз. К деревянному шкафу. Распахнув дверь, он держит меня за плечи, заставляя встать перед ним и заглянуть внутрь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сначала я вижу только дрова. Затем он вытягивает руку с розовой зажигалкой «Zippo» и держит её настолько близко к внутренней стенке, насколько возможно. Странно, какие-то надписи на стене. Некоторые поленья заслоняют их. Я тянусь и перемещаю пару брёвен. Меня охватывает дрожь. Айзек обнимает меня за талию, а затем ведёт назад к дивану, и помогает сесть. Мне хочется вырваться и пойти посмотреть ещё немного, но я чувствую. Чувствую слишком много. Если я не перестану чувствовать, то просто взорвусь. Страницы моей книги — много-много страниц — наклеены на внутренней стенке шкафа, словно пощёчины.

— Что это может означать? — спрашиваю я Айзека.

Он качает головой.

— Поклонник? Я не знаю. Кто-то играет в игры.

— Как же мы не заметили этого раньше?

Мне хочется обхватить пальцами его лицо и заставить посмотреть на меня. Хочу, чтобы Айзек сказал, что ненавидит меня, потому что, по какой-то причине, он здесь из-за меня. Но он этого не говорит. Что бы доктор ни делал, в его поступках нет обвинений или гнева.

Хотелось бы и мне так.

— Мы не искали, — говорит он. — Что ещё мы не видим, потому что не ищем?

— Я должна прочесть, что там, — я встаю, но Айзек тянет меня назад.

— Это девятая глава.

Девятая глава?

Я пытаюсь вспомнить, о чём она. Затем бросаю это занятие. Девятая глава причиняет боль. Мне жаль, что я написала её. Я пыталась заставить издателей убрать её из рукописи до выхода книги в печать. Но они считали, что она необходима для истории.

В день, когда книга вышла в свет, я сидела в своей белой комнате, сдерживая рвоту от осознания, что теперь каждый читает девятую главу и чувствует мою боль. Я не хочу снова читать её, поэтому не встаю.

— Девятая глава это...

Я прерываю его.

— Я знаю, о чём она, — огрызаюсь я. — Но почему она там?

— Потому что кто-то одержим тобой, Сенна.

— Никто не знал, что это было по-настоящему! Кому ты рассказал?

Я кричу; я так зла, что мне хочется швырнуть в стену что-нибудь тяжёлое. Но Смотритель Зоопарка не оставил нам ничего, что можно было бы швырнуть. Всё прикручено, вмонтировано в стены и в пол, как в домике для кукол.

— Прекрати! — он хватает меня, пытаюсь уговорить.

Его голос звучит очень громко. Я тоже кричу. Если он собирается кричать, я буду кричать ещё громче.

— Тогда зачем ты здесь? — я бью его по груди кулаками.

Айзек резко выпрямляется. Отпускает меня. Я уже настроилась на борьбу.

— Ты так часто произносила эти слова, что я уже сбился со счёта. Но на этот раз это не мой выбор. Я хочу быть с женой. Планировать рождение нашего ребёнка. А не сидеть взаперти, как заключённый, вместе с тобой. Я не хочу быть с тобой.

От его слов мне становится больно. Только благодаря гордости, мои колени не подгибаются, иначе я бы давно рухнула как подкошенная от этой боли. Я наблюдаю, как он поднимается вверх по лестнице, и моё сердце бьётся в такт с его гневом. Полагаю, я ошиблась в нём. Ошиблась во многих вещах, связанных с ним.

Я снова заворачиваюсь в кокон, когда Айзек приносит обед. Он приносит две тарелки и опускает их на пол у камина, прежде чем разворачивает меня.

— Еда, — произносит он. Лёжа на спине, я гляжу в потолок в течение минуты, затем опускаю ноги с края кровати и медленно подхожу к его «пикнику».

Доктор уже ест — жуёт и смотрит на огонь. Я опускаюсь на колени, как можно дальше от него, на самом краешке ковра, и беру свою тарелку. Она квадратная. По краю идёт орнамент из квадратов. Я только сейчас это замечаю. Я ела из этих тарелок в течение нескольких недель, но только сейчас начинаю замечать такие вещи, как цвет, рисунок и форма. Они мне знакомы. Я прикасаюсь к одному из квадратов мизинцем.

— Айзек, эти тарелки...

— Я знаю, — отвечает он. — Ты в смятении, Сенна. Я хочу, чтобы ты взяла себя в руки и помогла мне вытащить нас отсюда.

Я опускаю тарелку на пол. Он прав.

— Забор. Как далеко он уходит от дома?

— Около мили в каждом направлении. И скала с одной стороны от нас.

— Почему он предоставил нам так много места?

— Пропитание, — говорит Айзек. — Дрова?

— То есть он подразумевает, что мы должны будем сами заботиться о себе, когда еда

закончиться?

— Да.

— Но забор будет удерживать животных извне, и здесь не так уж много деревьев, которые можно срубить.

Айзек пожимает плечами.

— Может быть, он рассчитывает, что мы продержимся до лета. Тогда могут появиться кое-какие животные.

— Здесь может наступить лето? — с сарказмом интересуюсь я, но Айзек кивает головой.

— Да, на Аляске бывает короткое лето. Но это зависит от того, где мы находимся, так что может быть, что и не будет. Если мы находимся в горах, то зима здесь круглый год.

Я не поклонница солнца. Никогда ею не была. Но мне не нравится, когда говорят, что зима может быть круглый год. От этого мне хочется лезть на стены.

Я тереблю подол свитера.

— Сколько еды у нас осталось?

— Примерно на пару месяцев, если мы разумно распределим запасы.

— Хотелось бы мне, чтобы эта песня перестала звучать, — я поднимаю тарелку и начинаю есть. Это тарелки Айзека. Или были его тарелки. Я обедала в его доме только раз. У него, вероятно, теперь фарфор, который положено иметь женатым. Я думаю о его жене. Маленькая и симпатичная, и ест с фарфоровых тарелок в одиночестве, потому что её муж пропал. Она не голодна, но всё равно делает это ради ребёнка. Которого они пытались завести раз за разом. Я отгоняю её образ прочь. Женщина помогла спасти мою жизнь. Интересно, связали ли они воедино то, что мы пропали вместе? Дафни знала некоторые подробности из того, что случилось со мной и Айзеком. Они встречались, когда он столкнулся со мной. Их отношения не развивались в течение тех месяцев, когда доктор пытался спасти меня.

— Сенна, — зовёт он.

Я не поднимаю голову. Стараюсь не рассыпаться на части. На моей тарелке рис. Я считаю зёрна.

— У меня ушло много времени... — он замолкает на мгновение, — ...для того, чтобы перестать ощущать тебя повсюду.

— Айзек, не надо. Правда. Я понимаю. Ты хочешь быть со своей семьёй.

— Мы не очень хороши в этом, — констатирует Айзек. — В разговорах. — Он опускает свою тарелку. Я слышу звон серебряных приборов. — Но хочу, чтобы ты знала одну вещь обо мне. *Хочу* здесь ключевое слово, Сенна. Я знаю, тебе не *нужны* слова от меня.

Я пытаюсь отгородиться от его слов с помощью риса; всё, что стоит между мной и моими чувствами — рис.

— Ты молчала всю жизнь. Ты молчала, когда мы встретились, молчала, когда пострадала. Молчала, когда жизнь продолжала наносить тебе удары. Я тоже был таким, в некоторой степени. Но не так, как ты. Ты само спокойствие. И я попытался расшевелить тебя. Это не сработало. Но это не значит, что ты не разбередила мне душу. Я слышал всё, что ты «не говорила». Я слышал всё так громко, что был не в состоянии отгородиться от этого. Твоё молчание, Сенна, я слышу его так громко.

Я опускаю тарелку и вытираю ладони о штаны. По-прежнему не смотрю на него, но слышу тоску в голосе Айзека. Мне нечего сказать. Не знаю, что сказать. Это доказывает его

точку зрения, и я не хочу, чтобы он был прав.

— Я слышу тебя до сих пор.

Я встаю. Задеваю свою тарелку, и она опрокидывается.

— Айзек, прекрати.

Но он этого не делает.

— И это не я не хочу быть с тобой. Это ты не хочешь быть со мной.

Я бросаюсь к лестнице. Игнорирую перекладины и спрыгиваю... приземляюсь на корточки.

Чувствую себя зверем.

«Жизнь которррую вы выбиррраете и есть ваша сущность».

Я зверь, сосредоточенный на выживании. Ничего не даю. Ничего не принимаю.

ДЕПРЕССИЯ

От меня воняет. Не тот запах, который источаешь в жаркий день, когда солнце поджаривает кожу и человек пахнет как копчёная колбаска. Хотела бы я пахнуть именно так. Это означало бы, что тут есть солнце. Я чувствую затхлый запах, как от старой куклы, которая была заперта в шкафу в течение многих лет. От меня несёт не мытым телом и депрессией. Да. Я лениво размышляю о вони, и о том, как некрасиво седая прядь свисает мне на лицо. Я даже не стараюсь убрать её с глаз. Я лежу, свернувшись под одеялом как эмбрион. Понятия не имею, как долго я лежу здесь — несколько дней? Недель? Или может мне просто, кажется, что недель. Я состою из недель, дней недели и часов недели, и дней и минут и секунд и...

Я даже не на чердаке. Там теплее, но несколько дней назад я выпила слишком много стопок виски и пока была в полубессознательном состоянии и боролась с тошнотой, наткнулась на комнату с каруселью. У меня слишком сильно кружилась голова, чтобы разжечь огонь, так что я лежала и дрожала под одеялом, стараясь не смотреть на лошадей.

Пробуждение было похоже на утро после ночной попойки, когда оказываешься в постели с бойфрендом лучшей подруги.

Сначала я была слишком потрясена, чтобы двигаться, поэтому просто лежала, парализованная стыдом и тошнотой. Мне казалось, что находясь там, я кого-то предаю, но я так и не разобралась кого. Айзек не искал меня, но если учесть, что мы всю ночь передавали друг другу бутылку, он, вероятно, чувствовал себя так же ужасно, как и я. Последнее время мы так и живём: после ужина встречаемся в гостиной, чтобы выпить из бутылки, которая уютно ощущается в наших руках. Послеобеденная выпивка. Только наши порции еды становятся всё меньше и меньше: горсть риса, небольшая кучка консервированной моркови. Последнее время в наших желудках больше алкоголя, чем еды. У меня вырывается стон при

мысли о еде. Мне нужно пописать и, возможно, вырвать. Я туда-сюда вожу кончиком пальца по хлопковому постельному белью. Туда-сюда, туда-сюда, пока не засыпаю. «*Landscape*» по-прежнему играет. Песня не прекращает играть никогда. Наш Смотритель Зоопарка жесток.

Туда-сюда, туда-сюда. Слева от кровати на стене наклеены обои, на которых изображены крошечные карусельные лошадки, плавающие на кремовом фоне. Вот только они не злятся, как лошади, прикрепленные к кровати. У них нет широких ноздрей, и не видно белков глаз. К их хохолкам привязаны цветные ленты, а драгоценные камни красного цвета украшают седла. Справа от кровати стена выкрашена в синий, в центре комнаты кирпичный камин. Иногда я смотрю на синюю стену, но остальное время мне больше нравится считать маленьких лошадок на обоях. А потом наступают моменты, когда я зажмуриваю глаза и представляю, что дома в своей постели. У меня другие простыни, и одеяло не такое тяжёлое, но если я буду лежать неподвижно...

Именно тогда всё меняется. Я уже не уверена, что хотела бы находиться в собственной постели. Там так же холодно, как в этой. Я не хочу быть нигде. Я должна принять холод, снег и тюрьму. Я должна быть как Корри Тен Бум (*Прим. пер.: Корри Тен Бум — голландская праведница, помогавшая евреям во время Второй Мировой войны*) и попытаться найти цель в страдании. На этой мысли я вхожу в ступор. Мои мысли,двигающиеся по кругу целый день, отключились. Я просто смотрю в одну точку. Пока, в конце концов, не приходит Айзек; он приносит тарелку с едой и ставит её на тумбочку возле кровати. Я ничего не трогаю. И так в течение нескольких дней, пока он не начинает умолять меня есть. Двигаться. Поговорить с ним. Я смотрю на одну из двух стен и проверяю, как долго могу обходиться без чувств. Я мочусь в постель. В первый раз — это несчастный случай, мой мочевого пузырь, натянутый как шарик, наполненный водой, достигает своего предела. Затем это происходит снова. Во сне я перекатываюсь по кровати и нахожу новое место. Я просыпаюсь ближе к камину в едва влажной одежде, но это не беспокоит меня. Я, наконец, в том состоянии, когда ничто меня не беспокоит.

Всплеск

Я извиваюсь в горячей воде, корчась от неожиданности. Чуть не задыхаюсь, пока пытаюсь выбраться, цепляясь ногтями за бортики ванной. Он бросил меня туда как кусок мыла. Вода хлопает через борт ванны и его штаны и носки становятся мокрыми. Я борюсь ещё несколько секунд, пока его руки удерживают меня в воде. У меня нет сил, чтобы бороться. Я позволяю себе погрузиться в воду. Ванна настолько полна, что я могу погрузиться в неё полностью. Я тону, тону, тону в океане.

Но покой мне только снится, потому что он хватает меня под руки и пытается придать моему телу сидячее положение. Задыхаясь, я хватаюсь за бортики ванной. На мне ничего нет, за исключением спортивного бюстгалтера и трусиков. Он наливает шампунь мне на голову, а я луплю его по рукам, как ребёнок, пока его пальцы не касаются кожи головы. Только тогда я успокаиваюсь. Моё тело, ещё секунду назад такое напряжённое, обмякает, а доктор, потирая мне голову, вымывает из неё всякое желание сопротивляться. Он моет меня руками и губкой, которая выглядит так, будто высечена из кораллового рифа. Руки хирурга трут мои мышцы и кожу, пока я не успокаиваюсь, и едва могу пошевелиться. Я закрываю глаза, когда мужчина ополаскивает мои волосы. Своими руками он удерживает мою голову над поверхностью воды. Когда доктор внезапно прекращает свои манипуляции, я открываю

глаза. Айзек смотрит на меня. Он так сосредоточен, что его брови практически слились в одну линию. Я поднимаю руку вверх и касаюсь ладонью его щеки. Мне следовало бы беспокоиться о том, что он может увидеть сквозь мой тонкий белый спортивный лифчик, но там не на что смотреть. Я плоская, как мальчик. Убираю руку, а затем начинаю хихикать. Это похоже на вспышку безумия. Зачем вообще я ношу этот спортивный бюстгальтер? Так глупо. Мне можно спокойно ходить топлесс. Я смеюсь всё громче, и в рот попадает вода, когда я начинаю съезжать на бок. Я задыхаюсь от воды и смеха. Айзек пытается приподнять меня повыше. И внезапно всё прекращается: и смех, и удушье. Я снова Сенна. Я смотрю на стену позади крана, чувствуя усталость. Айзек хватает меня за плечи и трясёт.

— Пожалуйста, — просит он. — Просто старайся жить.

Мои глаза так устали. Он вытаскивает меня из ванны. Я закрываю глаза, когда мужчина опускается на колени, чтобы вытереть меня, потом заворачивает меня в полотенце, которое хранит его запах. Я сцепляю руки вокруг его шеи, пока Айзек несёт меня к лестнице. Я сжимаю его шею немного крепче, только чтобы он понял, что я буду стараться.

Понемногу возвращаюсь к жизни. Меня преследует безумная и ужасная мысль, что комната с каруселью пыталась меня убить. *Нет*. Это просто комната. Я сама пыталась убить себя. Когда моя депрессия отступает, она приходит к Айзеку. Кажется, будто мы сдаёмся по очереди. Он запирается в своей комнате с единственной ванной, и мне приходится мочиться в ведро и опорожнять его за домом. Я оставляю его в покое, приношу еду в его комнату и забираю пустую тарелку. Запираю дверь в карусельной комнате. Сейчас там воняет. За неделю до этого я постирала простыни в ванне и отдраила матрас с мылом и водой, но запах мочи неистребим. В конце концов, Айзек выходит из своей комнаты и снова начинает готовить для нас. Он почти не говорит. Глаза всегда красные и опухшие. «*Посеешь печаль, пожнешь слёзы*», — говорила моя мать. Мы определённо погрузились в печаль в этом доме. Когда же придёт мой черёд пожинать плоды?

Проходят дни, затем неделя, потом две. Айзек наказывает меня молчанием. А когда во вселенной только два человека, тишина кажется очень, очень громкой. Я подкарауливаю его в местах, где он чаще всего появляется: на кухне, в комнате с каруселью, где он сидит, облокотившись о стену, и смотрит на лошадей. Я больше не сплю в комнате на чердаке, а ючусь внизу на диване и выжидаю. Жду, когда он проснётся, жду, когда посмотрит на меня, жду хоть какого-то всплеска эмоций.

Однажды ночью я сижу за столом... жду... пока он стоит у плиты, помешивая что-то в огромном чугунном горшке. У нас заканчиваются продукты. В морозильнике осталось семь полиэтиленовых пакетов с мясом, непонятно какого животного и около двух килограммов замороженных овощей. И, преимущественно, это лимская фасоль, которую Айзек ненавидит. Кладовая практически полностью опустошена. У нас остался мешок картошки и

килограммовая упаковка риса. Есть несколько банок с равиоли, но я убеждаю себя, что мы выберемся отсюда прежде, чем нам придётся их съесть.

Когда несколько минут спустя он протягивает мне тарелку, я пытаюсь поймать его взгляд, но Айзек старается не смотреть на меня. Я отпихиваю свою тарелку в сторону. Она со звоном ударяется о край его тарелки. Он поднимает голову.

— Почему ты так ведёшь себя со мной? Ты даже смотреть на меня не можешь.

Я не ожидаю, что он ответит. Может быть.

— Ты помнишь, как мы встретились? — спрашивает Айзек. Меня охватывает озноб.

— Разве такое можно забыть?

Айзек проводит языком по зубам, прежде чем отклониться от стола. В *этот* раз он, определённо, смотрит на меня.

— Хочешь услышать историю?

— Я хочу понять, почему ты не смотришь на меня, — отвечаю я.

Он потирает кончики пальцев друг об друга, словно хочет стереть с них жир. Но на них не может быть жира, ведь мы едим один рис с небольшим количеством картофельного пюре, с добавлением мясного фарша.

— У меня был зарезервирован билет, Сенна. На Рождество. Я должен был улететь тем утром домой, чтобы повидаться с семьёй. Я был на пути в аэропорт, но развернул машину и поехал домой. Я, чёрт возьми, не знаю, почему так сделал. Просто чувствовал, что мне нужно остаться. Я пошёл на пробежку, чтобы разложить мысли по полкам, и там встретился с тобой, когда ты выбежала из-за деревьев.

Я смотрю на него.

— Почему ты мне не рассказал?

— Ты бы поверила мне?

— Поверила во что? Что ты пошёл на пробежку вместо того, чтобы сидеть в самолёте?

Он наклоняется вперед.

— Нет. Не заставляй меня чувствовать себя глупо из-за того, что я считаю, что на то была определённая причина. Мы не животные. Всё в жизни не случайно. Я должен был быть там.

— А я, значит, должна была быть изнасилована? Чтобы мы могли встретиться? Потому что именно это ты говоришь. Если жизнь не случайность, то чей-то план заключался в том, чтобы этот ублюдок сделал то, что он сделал со мной! — я тяжело дышу, моя грудь вздымается. Айзек облизывает губы.

— Может быть, это был чей-то план для меня, чтобы я был там ради тебя...

— Чтобы я выжила, — добавляю я.

— Нет, я не это имел в виду...

— Да, это именно то, что ты сказал. Мой спаситель, посланный, чтобы убересть жалкую, хныкающую Сенну от самоубийства.

— Сенна! — он бьёт кулаком по столу, и я подпрыгиваю.

— Когда мы нашли друг друга, мы оба были словно мертвы и повержены. Несмотря на это, между нами зародилось какое-то чувство, — он качает головой. — Ты вдохнула в меня жизнь. Для меня было совершенно естественно быть там с тобой. Я не хотел спасти тебя, я просто не знал, как уйти от тебя.

Повисает долгая пауза.

Даже Ник не сделал этого. Потому что Ник не любил меня безоговорочно. Он любил

меня, пока я была его музой. До тех пор, пока я вселяла в него веру.

— Айзек... — его имя повисает в воздухе. Мне хочется сказать что-то, но я не знаю, как выразить это словами. Нет смысла говорить что-либо вообще. Айзек женат, а в нашей ситуации главное — выживание, в ней нет места чему-то ещё.

— Нужно принести ещё дров, — объявляю я.

Он печально улыбается, качая головой.

Той ночью ужин готовлю я. Красное мясо, я не могу понять мясо какого животного, пока со сковороды не доносится аромат, и тогда я понимаю, что это дичь. Кто потратил время, охотясь на животных ради нас? Расфасовал всё в пакеты? Заморозил?

Айзек не выходит из своей комнаты. Я ставлю его тарелку с едой в духовку, чтобы она не остыла и забираюсь на кухонный стол. Он достаточно большой, чтобы двое могли лежать на нём бок о бок. Я сворачиваюсь в клубок посередине и лежу лицом к окну. Вижу окно над раковиной, в нём отражается дверной проём. Кухня — это его место. Я буду ждать его здесь. Приятно быть там, где я не должна находиться. Смотрителя Зоопарка не волнует, что я лежу на столе, но, в целом, столы не предназначены для того, чтобы на них лежали. Поэтому, я чувствую себя бунтовщицей. И это помогает. Нет, не помогает. Кого я обманываю? Я выпрямляюсь и спрыгиваю со стола. Дохожу до ящика со столовыми приборами, с силой тяну его на себя, приборы гремят. Я осматриваю содержимое, выбирая: длинные, короткие, изогнутые, с зубцами. Тянусь к ножу, который Айзек использует для чистки картошки. Вожу остриём по ладони, взад вперёд, взад вперёд. Если я нажму немного сильнее, то смогу увидеть кровь. Я наблюдаю за тем, как кончик ножа оставляет вмятины на коже, и жду прокола, неизбежной резкой боли, красного, красного облегчения.

— Прекрати.

Я подпрыгиваю. Нож падает на пол, а я прикрываю ладонью кровь, которая выступает на моей коже. Она просачивается сквозь пальцы, а затем стекает вниз по руке. Айзек стоит в дверях в одних пижамных штанах. Я смотрю на духовку. Интересно, он спустился вниз из-за того, что голоден?

Айзек быстро подходит ко мне, наклоняется и поднимает нож. Затем делает то, что вынуждает меня нахмуриться. Он вкладывает его обратно мне в руку. У меня начинают дрожать губы, когда мужчина сжимает мои пальцы вокруг рукоятки. Онемев, я молча наблюдаю, как Айзек прижимает острый конец к коже, чуть выше его сердца. Моя рука в мужских тисках, я сжимаю рукоятку дрожащей рукой. Не могу пошевелить пальцами, даже немного. Он пользуется своей силой, а когда я пытаюсь отстраниться, дёргает меня к себе за руку с ножом. Я вижу кровь там, где нож вжимается в его кожу, и вскрикиваю. Айзек заставляет меня причинять ему боль. Я не хочу причинять ему боль. Не хочу видеть его кровь. Он нажимает сильнее.

— Нет! — я изо всех сил пытаюсь вырваться на свободу, и мне удастся отпрянуть назад. — Айзек, нет! — он отпускает мою руку. Нож падает на пол между нами. Я стою, замерев, и смотрю, как на его груди выступает кровь, а затем стекает вниз. Разрез не больше дюйма, но он глубже, чем тот, который я сделала себе.

— Зачем ты это сделал? — плачу я. Это было так жестоко. Я хватаю первое что вижу — кухонное полотенце, и прижимаю его к ране, которую мы сделали вместе. У него кровь стекает по груди, у меня по руке. Мне больно, и это сбивает с толку.

Когда я поднимаю на него глаза, ожидая ответа, Айзек пристально смотрит на меня.

— Что ты чувствуешь? — интересуется он.

Я качаю головой. Не понимаю, о чём он меня спрашивает. Нужны ли ему швы? Здесь должна быть где-то игла... нить.

— Что ты почувствовала, когда это случилось? — он пытается поймать мой взгляд, но я не могу отвести взгляд от его крови. Мне не хочется, чтобы Айзек истёк кровью.

— Тебе нужно наложить швы, — говорю я. — По меньшей мере, два...

— Сенна, что ты чувствуешь?

Мне потребовалась минута, чтобы сосредоточиться. Он действительно хочет, чтобы я ответила? Открываю и закрываю рот.

— Мне больно. Я не хочу, чтобы ты пострадал. Почему ты так поступил?

Я очень зла. Смущена.

— Потому что это то, что я чувствую, когда ты вредишь себе.

Я выпускаю кухонное полотенце из рук. Ничего драматичного, просто мне становится слишком тяжело удерживать его. Также как и пришедшее ко мне осознание.

Я смотрю туда, где оно лежит между моих ног. С одной стороны виднеется ярко-красное пятно. Айзек наклоняется, чтобы поднять его. Он поднимает нож и вкладывает его обратно мне в руку. Схватив меня за запястье, он ведёт меня обратно к столу и сажает перед собой.

— Рисуй, — говорит Айзек, указывая на дерево.

— Как?

Он обхватывает мою руку, в которой зажат нож. Я стараюсь снова вырваться, но натываюсь на его взгляд.

— Доверься мне.

Я прекращаю сопротивляться.

В этот раз он прижимает остриё к древесине. Наносит прямую линию.

— Рисуй здесь, — говорит доктор.

Я знаю, что он мне говорит, но это не то же самое.

— Я не рисую на своём теле. Я режу его.

— Ты рисуешь свою боль на коже. С помощью ножа. Прямые линии, глубокие линии, неровные линии. Это просто другой вид слов.

Я понимаю это. Всё и сразу. Мне грустно от того что я та, кто есть. Где-то фоном звучит «Landscape» — странная не прекращающаяся песня.

Я опускаю взгляд на гладкую деревянную поверхность. Нажимаю и вырезаю линию глубже, чем предыдущую. Немного забавляюсь с лезвием. Приятное ощущение. Наношу ещё один надрез. Добавляю больше линий, больше изгибов. Мои движения становятся более неистовыми всякий раз, когда нож касается поверхности стола. Айзек, должно быть, думает, что я сошла с ума. Но, даже если и так, он не двигается. Он стоит за моим плечом, словно его главная цель — контролировать моё безумие. Закончив, я отбрасываю нож подальше от себя. Прижав обе ладони к узорам на столе, я наклоняюсь над ним. Дышу так тяжело, словно пробежала не один километр. В принципе, так и есть, в эмоциональном плане. Айзек наклоняется и касается слова, которое я вырезала. Я не планировала этого. Даже не знаю, что написала, пока не взглянула на его пальцы, обводящие контур слова. Пальцы хирурга. Пальцы ударника.

«НЕНАВИСТЬ»

— Кого ты ненавидишь? — спрашивает он.

— Не знаю.

Разворачиваюсь и утыкаюсь в его грудь, забыв, что он стоит прямо за мной. Айзек обнимает меня и прижимает к себе. Одной своей рукой удерживает меня за голову, прижимая моё лицо к своей груди. Другой поглаживает по спине. Он обнимает меня, и я дрожу. И клянусь... Я клянусь, что он просто немного исцелил меня.

— Я до сих пор вижу тебя, Сенна, — произносит он в мои волосы. — Человек не может перестать видеть то, в чём узнаёт самого себя.

Спустя неделю «Landscape» умолкает. Я как раз выхожу из своей крохотной, тёплой ванны, когда голос певицы умолкает прямо посреди припева. Я заворачиваюсь в полотенце и выскакиваю из ванной, чтобы найти Айзека. Выскакиваю из-за угла, прижимая полотенце к своему всё ещё влажному телу, и нахожу его на кухне. Мы смотрим друг на друга в течение двух минут, ожидая, что песня заиграет снова, думая, что это сбой в системе. Но она не возобновляется. Мы испытываем облегчение, пока тишина не поглощает всё. По-настоящему оглушительная тишина. Мы так привыкли к шуму, что у нас уходит несколько дней, чтобы смириться с потерей. Именно так всё и происходит, когда являешься заложником чего-либо. Человек жаждет свободы, но когда добивается её, то чувствует себя обнажённым, лишившись цели. Интересно, если мы когда-нибудь уйдём отсюда, будем ли испытывать чувство потери? Похоже на шутку, но я знаю, как работает человеческий разум.

Через два дня отключается электричество. Мы остаёмся в темноте. Не только в доме. На дворе ноябрь. Солнце на Аляске не появится ещё месяца два. Вокруг кромешная тьма. Свет исходит только камин, в котором тают наши запасы древесины. Вот тогда ко мне приходит понимание — мы умрём.

Ближе к концу ноября мы съедаем последнюю картофелину. Лицо Айзека сильно осунулось, и я бы с удовольствием перекачала в него жир из своего тела, если бы он у меня был.

— Что-то всегда пытается меня убить, — говорю я как-то, когда мы сидим и наблюдаем за огнём. Теперь мы постоянно проводим время на полу в комнате на чердаке и стараемся сесть так близко к огню, как только возможно. Свет и тепло. Свет и тепло. Канистры из-под дизельного топлива в сарае пусты, банки из-под пельменей в кладовой пусты, генератор тоже пуст. Мы срубили все деревья, находящиеся по нашу сторону забора. Деревьев тоже больше не осталось. Стоя у чердачного окна, я наблюдаю, как Айзек рубит деревья, и шепчу: «Быстрее, быстрее...» — пока он не срубил их все и не перенёс поленья внутрь, чтобы сжечь.

Зато здесь есть снег, много снега. Мы можем питаться снегом, купаться в снегу, пить снег.

— Похоже на то. Но до сих пор все эти попытки терпели неудачу.

— Что?

— Убить тебя, — отвечает он.

«О, да». Как легко порхают мысли, когда нет пищи, чтобы удерживать их на месте.

«Мне везёт».

— У нас заканчивается еда, Сенна, — он смотрит на меня, как будто ему действительно нужно, чтобы я поняла. Как будто я не видела чёртову кладовку и холодильник. Мы оба сильно похудели, что я не знаю, как можно это игнорировать. Я знаю, у нас заканчивается еда... дерево... надежда...

Айзек устанавливает ловушки, которые мы обнаружили в сарае, но так как вокруг дома электрический забор, вряд ли много животных попадут на нашу сторону, предварительно не изжарившись. Мы остались без электричества, но забор продолжает функционировать. Гул электричества сейчас для нас как пощёчина.

— Если наш генератор не работает, то где-то на территории должен быть ещё один источник питания.

Айзек кладёт ещё одно полено в огонь. Пламя медленно лижет дерево, я закрываю глаза и твержу про себя: «Теплее, теплее, теплее...».

— Всё это было спланировано, Сенна, — делится он мыслями. — Смотритель Зоопарка подстроил всё так, чтобы топливо в генераторе закончилось на той же неделе, когда наступила темнота. Всё происходящее запланировано.

Я не знаю, что сказать, поэтому не говорю ничего.

— Еды хватит ещё на неделю, наверное, если будем экономны, — говорит мне Айзек.

Как обычно, у меня в мыслях один и тот же вопрос. Зачем было кому-то мучиться и тащить нас сюда, если в итоге нас бросили голодать и замерзать? Я задаю свой вопрос вслух.

В ответе Айзека нет ни капли энтузиазма, который я вкладываю в свой вопрос.

— Тот, кто всё сделал — безумен. Пытаясь разобраться с сумасшедшим, ты сходишь с ума сам.

Полагаю, он прав. Но я уже сошла сума.

Через три дня еда заканчивается. Напоследок мы обедаем горсткой риса, сваренного в котелке на огне. Айзек подвешивает его на металлические прутья, которые нашёл в сарае. Рис жёсткий и его трудно жевать. Айзек кладёт мне больше, чем себе, но я почти всё оставляю на тарелке. Мне плевать, если я умру голодной. Потому что, единственное, что я знаю совершенно точно — это то, что умру, и когда найдут моё тело, мне совсем не хочется, чтобы при вскрытии в желудке обнаружили недоваренный рис. Это как-то оскорбительно. Даже у заключённых есть право решать, какой будет их последняя трапеза. Где моё право? Вспоминаю картофельную кожуру, которую ела над раковиной. Приятно осознавать, что я догадалась не выбрасывать её. На прошлой неделе на завтрак мы ели кофейные зёрна. Поначалу было даже смешно, как будто мы герои какого-то ужастика про историю выживания, но когда горло защипало от горечи, мне захотелось плакать.

Я плотнее закутываюсь в одеяло. Очень холодно, но мы сжигаем только по два полена в день. Если бы можно было выйти за ворота, мы бы нарубили деревьев сколько душе угодно. Иногда я вижу, как Айзек стоит снаружи, засунув руки в карманы, задрал голову, и смотрит на забор. Он ходит вдоль забора и найденной в сарае отвёрткой водит по прутьям, чтобы выяснить, как далеко отскакивают искры. Думаю, доктор надеется, что однажды Смотритель Зоопарка о нас забудет. Мы уже разрубили всё, что может гореть, в том числе сам сарай. Двери в доме сделаны из стекловолокна, а то мы использовали бы и их тоже. Мы сожгли мебель. Айзек распилил и разрубил кровати, и от них остались только металлические каркасы. Мы сожгли книги. *Боже* — книги! Мы сожгли пазлы, даже разобрали

репродукции Олега Шупляка, сначала ради деревянных рам, а, в конце концов, бросили в огонь и сами картины (*Прим. пер.: Олег Шупляк — украинский художник, который пишет картины с двойным смыслом.*). Мне хочется назвать нашу ситуацию своим личным Адом, но в Аду тепло. Хотела бы я оказаться в Аду прямо сейчас.

Айзек приходит в мою комнату. Мне слышно, как он возится возле камина и поджигает полено. Моё единственное оставшееся драгоценное полено. Мы берегли его. Полагаю, теперь нам не до экономии. Обычно, заканчивая, он уходит в свою комнату, но в комнате на чердаке теплее всего, и сейчас она единственная, где горит камин. Я чувствую, как прогибается матрас под его весом, и он садится рядом с моим коконом.

— У тебя есть какая-нибудь гигиеническая помада?

— Да, — произношу я шёпотом. — В ванной.

Слышу, как Айзек подходит к шкафчику. У нас осталась одна розовая зажигалка «Zippo», в которой осталось всего несколько капель жидкости. Мы были так экономны, но, как ни экономь, рано или поздно всё имеет свойство заканчиваться.

— Помада будет поддерживать огонь дольше, — говорит Айзек. — И благодаря ей он будет давать больше тепла.

Отчасти мне интересно, откуда он об этом знает. На кончике языка вертится саркастичный вопрос: «*Ты узнал об этом в медицинской школе выживания?*» Но я не могу подобрать слова, чтобы спросить об этом.

— Я буду спать здесь, с тобой, — говорит Айзек, сидя на кровати. Я открываю глаза и пристально смотрю на белое одеяло. Здесь так много белого. Мне он начинает надоедать, но тут как раз мы погружаемся во мрак. Теперь я определённо за белый цвет. Айзек встаёт и стаскивает с меня одеяло. Как только он забирает его, я сразу же начинаю безостановочно дрожать. Смотрю на него, лёжа на спине. Он выглядит потрёпанным. Айзек так сильно потерял в весе, что это пугает меня. *Подождите.* Разве я уже не думала об этом? Я не смотрела на себя в течение нескольких недель. Но одежда, та, что Смотритель Зоопарка оставил мне, висит и болтается на мне, как будто я ребёнок, носящий вещи своей матери. Айзек наклоняется и поднимает меня на руки. Не знаю, откуда он черпает силы. Я едва могу держать голову прямо. Одеяло всё ещё подо мной. Доктор опускает меня на пол перед камином и расстилает одеяло вокруг меня. Не могу понять, что он делает. Моё сердце начинает колотиться. Айзек стоит надо мной. Я у него между ног. Наши глаза встречаются, когда мужчина опускается на меня, сначала колени, потом локти. Я не двигаюсь. Не дышу. Закрываю глаза и чувствую его вес, сначала немного, потом всё сразу. Его тело тёплое. С моих губ срывается шокированный стон. Я хочу обернуться вокруг него, поглощать его тепло, но не шевелюсь. Айзек подтягивает меня вверх, чтобы его руки легли мне на спину. Мои глаза по-прежнему закрыты, но я чувствую его дыхание на лице.

— Сенна, — тихо зовёт он.

— Мммм?

— Перекатывайся вместе со мной.

У меня уходит минута на то, чтобы понять, чего он хочет. Мозг человека работает, как плохой интернет, когда заморожен. Айзек хочет завернуться со мной в кокон. Я так думаю. И с трудом киваю. Моя шея одеревенела. Он натягивает край одеяла вокруг нас, и я напрягаюсь. Кажусь себе хрупкой, будто мои кости сделаны изо льда. Его вес может меня раздавить. Мы кутаемся в одеяло и, в конечном итоге, оказываемся на боку. Чувствую тепло Айзека, он прижимается ко мне спереди, а тепло огня согревает спину. Я понимаю, мужчина

нарочно расположил меня так, чтобы я оказалась ближе к огню.

Мои руки прижаты к его груди, и я прижимаюсь к ней щекой. Он до сих пор пахнет специями. Начинаю перечислять их все в голове: «*Кардамон, кориандр, розмарин, тмин, базилик...*». Через несколько минут дрожь стихает. Айзек тянется к моему запястью. Я не знаю зачем. На самом деле, меня это не волнует. Мужчина прижимает свой большой палец к моей коже. «Проверяет пульс», — догадываюсь я.

— Я умираю, доктор? — спрашиваю тихо. Требуется много энергии, чтобы выстроить слова в правильном порядке, и даже тогда, когда я произношу их, мой мозг видит розовую лопату, лежащую на ярко-зелёной траве.

— Да, — отвечает он. — Мы оба. Все мы.

— Это утешает.

Айзек целует меня в лоб. Его губы холодные, но тепло мужчины возвращает меня к жизни. Немного, по крайней мере.

— Когда в последний раз ты позволяла себе чувствовать? — язык доктора заплетается, будто он пил, но алкоголя уже давно нет, это холод делает Айзека таким.

Качаю головой. Для таких, как я, чувства опасны. Но нечего бояться, если всё равно умираешь. Отклоняю голову, чтобы он смог прочитать ответ в моём выражении лица.

Айзек касается моих скул своими руками.

— Могу ли я заставить тебя чувствовать? Ещё один раз?

Я цепляюсь за него и сжимаю свои кулаки на его рубашке. Мой ответ — да.

Его рот такой тёплый. Мы дрожим и целуемся, наши тела отхватывает тепло и желание. Нам холодно, и мы слабы. Эмоционально уничтожены, но отчаянно пытаемся чувствовать друг друга, и чувствовать надежду — последнюю искру жизни. Нет ничего радостного или сладкого в наших губах. Только безумие и паника. Чувствую вкус соли. Я плачу. Поцелуй, наверное, пробил мои слёзные протоки.

Когда мы заканчиваем целоваться, то лежим в тишине.

Своими губами он прикасается к моим волосам.

— Мне очень жаль, Сенна.

Я дрожу. *Ему жаль? Ему?*

— Чего?

Мне кажется, что проходит миллион лет, прежде чем Айзек отвечает:

— В этот раз я не могу спасти тебя.

Я плачу у него на груди. Не потому, что Айзек не может. Потому, что он хотел.

Мне кажется, что я задремала. Когда я просыпаюсь, дыхание Айзека устойчивое. Думаю, он всё ещё спит, но когда я двигаюсь, чтобы сменить позу, он убирает руки с моей спины и позволяет мне двигаться, пока я снова не чувствую себя удобно. Мы лежим так в течение нескольких часов. Пока полено не сгорит окончательно, и я не понимаю, что наступил день, даже если больше непонятно когда день, а когда ночь. Но тут мне хочется разрыдаться от облегчения и горя. Я вспоминаю всю невыразимую боль последних лет, от которой он спасал меня своей нежной любовью. Мы скоро умрём. Но, по крайней мере, я умру рядом с тем, кто меня любит.

Айзек как осязание. Почему я раньше до этого не додумалась? Он обнимал меня, пытаясь избавить от кошмаров, а теперь обнимает, чтобы защитить от холода. Мужчина прикасается именно там, где боль сильнее всего, и вскоре боль отпускает. Точно, Айзек — осязание. Мне снова чудится розовая лопата. Я чувствую зёрна молотого кофе между зубами.

Потом вижу Великую китайскую стену и понимаю, что мозг работает плохо, показывая мне образы того, что находится в моём подсознании. Когда в своём воображении я вижу стол — тяжёлый деревянный стол с резным верхом, который стоит на кухне на первом этаже, мне кажется, что это очень важно. Словно я сплю, а мой мозг подсказывает, что писать. Но какое отношение всё имеет к столу? Меня осеняет догадка, но я так устала, что не в силах держать глаза открытыми. «*Главное не забыть*», — говорю я себе. — «*Не забыть, что стол...*»

Огонь гаснет.

Наши сердца замедляются. Мы обречены.

Я просыпаюсь. Я не умерла. Надавливаю на грудь Айзека, чтобы разбудить. Он не двигается. Его кожа на ощупь странно холодная и жёсткая. «*О, Боже*».

— Айзек! — толкаю его с тем малым количеством силы, что у меня есть. — Айзек!

Прижимаю ухо к его груди. Мои волосы у меня во рту, падают в глаза. Не могу добраться до пульса на его шее. Я в ловушке между ним и одеялом. И собираюсь испытать приступ астмы. Чувствую, что он надвигается. В этом одеяле не хватает воздуха. Всё, что я слышу — это собственное бешеное дыхание. Я должна распутать нас, но он тяжёл, как тысяча фунтов. Толкаю его на спину и изо всех сил пытаюсь выбраться из одеяла. Борюсь за воздух, тогда как мои дыхательные пути сужаются. Я должна выбираться вверх и наружу. Когда я свободна от свёртка, воздух бьёт по мне. Очень холодно. Это необходимо моим лёгким, но я не знаю, как его туда втянуть. Отодвигаю одеяло от лица Айзека и прижимаю пальцы к его шее. Снова и снова бормочу: «*Пожалуйста*».

«Пожалуйста, не умирай.

Пожалуйста, не оставляй меня здесь одну.

Пожалуйста, не оставляй меня.

Пожалуйста, не дай мне испытать приступ астмы прямо сейчас».

Я чувствую пульс. Он очень слабый. Поворачиваюсь на спину и хриплю. Это страшный звук. Звук смерти. Почему я всегда умираю? Я выгибаю спину, мои глаза закатываются. Я должна помочь Айзеку.

«Стол!... Что со столом?»

Я знаю. Вижу всё то, что видела прошлой ночью в своём бреде. Стол из моей книги. Я писала об этом в переносном смысле. Образ, что все великие вещи совершаются вокруг стола: отношения, планы войны, приёмы пищи, которые позволяют нашим телам выживать. Стол представляет собой жизнь и выбор. Мы видим его в Камелоте, когда рыцари короля Артура собирались вокруг круглого стола, а также в картине «Тайная вечеря». Мы видим его в рекламе, где семьи едят обед, смеясь и передавая корзины хлеба. Я писала о том, что стол был источником. Я была на начальном этапе моих отношений с Ником и пыталась проиллюстрировать, где всё пошло не так. Нам нужно было вернуться к столу, чтобы

вдохнуть жизнь в умирающие отношения. Это было мелодраматично и глупо, но Смотритель Зоопарка воплотил это в жизнь. Установил его на нашей кухне, а я отказывалась видеть.

Я поворачиваюсь на колени и ползу... к люку. Мне удаётся пройти половину пути вниз, прежде чем я падаю. Не знаю, был ли это холод, который сделал меня онемевшей, или отсутствие воздуха притупило мои чувства, но я ничего не чувствую, когда ударяюсь о дерево. Ползу ещё немного в сторону лестницы... к столу. Я... не могу... дышать...

Я на месте. Мои прорезы на дереве на месте. Чувствую их кончиками пальцев, но здесь так темно. Подхожу к шкафу под раковиной и нахожу промышленный фонарик, который Айзек не позволяет использовать, храня его для экстренного случая. Щёлкаю выключателем и помещаю фонарик на верхнюю часть стойки, направляя в сторону объекта моего интереса. Пошатываясь, двигаюсь вперёд. Я знаю, что мне нужно делать, но у меня нет сил, чтобы это сделать. Три шага чувствуются как двадцать. Встаю так, чтобы моё бедро находилось чуть ниже края стола. Опираясь одной ногой в стену, а другой в пол, я толкаю. Со всей силы.

Сначала ничего, а потом я слышу скрип. Он громче, чем тот шипящий и дребезжащий звук, который выходит сквозь мои губы. Это подтверждение. И его достаточно, чтобы заставить меня толкать сильнее. Я толкаю, пока тяжёлые деревянные плиты не сдвигаются с центра и шатаются, готовые упасть. Поднимаюсь обратно и смотрю. Слышится впечатляющий глухой звук, когда столешница наклоняется в сторону, а затем опрокидывается, приземляясь в вертикальное положение между громоздким основанием и стеной. Я спотыкаюсь, двигаясь вперёд, и заглядываю вниз. Смотрю в тёмную дыру. Это колодец. Или почти колодец, потому что он без воды. Под столом-колодцем что-то есть. Но я до сих пор не могу дышать, и Айзек умирает. Мне нечего терять. Я поднимаюсь на скамью и свешиваю ноги через край. Затем прыгаю.

Падение не долгое. Но когда приземляюсь, то слышу, как что-то ломается в моём теле. Ещё не больно, но я знаю, что сломала какую-то часть тела, и через минуту, когда шок пройдёт, и я попытаюсь встать, то узнаю, какая. Слабый свет от фонаря, который я оставила на кухне, пронзает темноту вокруг меня, но этого недостаточно. Почему я не взяла его с собой? Шныряю руками вокруг, над головой, слева от меня. Смотритель Зоопарка предусмотрителен. Если он дал мне тёмную дыру, то обеспечит свет, чтобы увидеть, что там. Пол неровный и грязный. Я чувствую спиной. Тянусь ниже. Мои пальцы касаются металлического цилиндра шириной с предплечье. Я поднимаю и подношу его к лицу. Фонарик.

Ни одна из моих рук не сломана. *«Это хорошо»*, — говорю я себе. — *«Очень хорошо»*. Но это значит, что сломано что-то другое. Я снова дышу. Не нормально, но лучше. Должно быть, падение вбило в меня дыхание, возвращая телу какую-то перспективу. Я кривлюсь, пытаюсь разобраться с фонариком, пока мои пальцы не находят выключатель. Он горит мощным, белым светом. Направляю луч на своё тело, и мой страх подтверждается. Из голени торчит кость, розовая и белая. Как только я это вижу, боль поражает меня. Она обволакивает, складывая и растягивая меня. Я корчусь. Открываю рот, чтобы закричать, но для такого рода боли не существует звука. Во мне нет ничего, чтобы вырвать. Вместо этого только сухие спазмы.

Не могу тратить время, поэтому пока позывы к рвоте не прекращаются, вожу лучом вокруг. В моих глазах слёзы, но я могу разобрать груды дров, мешки риса, банки, банки и банки консервов, полки с едой. Стаскиваю рубашку, это только одна из трёх, что на мне. Делаю жгут, повязывая его выше колена. Задыхаюсь, когда поднимаюсь. *«Ты упадёшь в*

обморок. На это нет времени. Дыши!»

Тянусь к дровам. Я должна согреть его. Должна его вернуть. Я не врач; ради Бога, я изучала историю искусства, но знаю, что Айзек одной ногой в этой чёртовой хижине, а другой в тумане за её пределами. Один мешок риса распоролся. Я разрываю дыру и быстро превращаю его в сумку, опорожняю зерно на пол. Потом, прислонившись к стене, бросаю один, два, три бревна в мешок. Хватаю с полки банку кукурузного супа — она стоит ближе всего ко мне — и бросаю туда же. В углу комнаты стальная лестница, прислонённая к стене. Несмотря на холод, я потею, потею и дрожу. Смотритель Зоопарка оставил нам всё, что нужно, чтобы выжить... Сколько? Шесть месяцев? Восемь? Всё это было здесь всё время, пока мы голодали, и мы не знали. Я замечаю металлический ящик с большим красным медицинским крестом на нём. С трудом открываю крышку. Внутри бутылки, так много бутылок. Хватаю аспирин, избавляюсь от крышки, наклоняю голову назад и полдюжины таблеток скользят в мой рот. Нахожу рулон бинта. Разрываю пакет зубами, пока материал не оказывается в моих пальцах. Наклоняюсь и оборачиваю его вокруг кости, вздрагивая, когда чувствую горячую кровь на пальцах. Я хочу посмотреть на бутылки, узнать, что он оставил нам. *Сначала Айзек.*

Я вскрикиваю, когда разбираю лестницу... Она заледенела от холода и времени и это вредит моей нижней части тела, посылая повсюду стреляющую боль. Лезу вверх, повернувшись спиной к стене, держу ногу перед собой и использую руки и здоровую ногу, чтобы поднять себя на каждую ступеньку. Мои руки горят, ведь я тащу за собой и мешок. Когда достигаю вершины лестницы, где должна перенести ногу через колодец. Не существует способа добраться до пола изящно и без боли. *«Твоя нога уже пострадала».* Что ещё может случиться? Смотрю на перелом: повреждён нерв, повреждены ткани, я могу истечь кровью до смерти, умереть от инфекции. *«Много чего, Сенна».* А потом, закрыв глаза, перекидываю свою здоровую ногу на пол, мешок болтается у меня на груди. Я встаю на секунду, дрожу и хочу умереть. *«Ещё несколько ступенек, ещё лестница, и я буду там. Во-первых, консервный нож. Не так страшно».* — говорю себе. — *«Кость торчит из твоей ноги. Это не может убить тебя».* Но это возможно. Кто знает, какую инфекцию я могу подхватить после этого? Моя зажигательная речь не приносит утешение. Если Айзек умрёт, его смерть меня убьёт. Моя нога мешает добраться до Айзека. *«Не обращай внимания на ногу. Спасай Айзека».*

Легче сидеть на лестнице и поднимать себя назад, выпятив больную ногу прямо, в то время как я использую руки и другую ногу, чтобы поднять себя. Выбрасываю мешок вперёд. Чувствую каждый удар, каждое движение. Боль настолько сильна, что я уже не кричу. Я максимально сконцентрирована, чтобы не упасть в обморок. Потею. Чувствую, как реки пота стекают по лицу и задней части шеи. Я использую перила, чтобы поднять себя на верхнюю ступеньку, а затем прыгаю к лестнице. Это будет самая трудная часть. В отличие от лестницы в колодце, эта расположена прямо перпендикулярно. Нет ничего, чтобы опереться, перекладыны узкие и скользкие. Я рыдаю, прижавшись лицом к стене. Затем беру себя в руки и взбираюсь на свой Эверест.

Я раскладываю дрова. Зажигаю их. Сначала только одно полено, потом добавляю второе. Кладу голову Айзека себе на колени и глажу грудь. Я провела так много исследований, как писатель; знаю, что когда кто-то переохлаждается, необходимо сосредоточиться на создании тепла в груди, голове и шее. Растирание конечностей будет

толкать холодную кровь обратно к сердцу, лёгким и мозгу, что сделает только хуже. Я знаю, что должна дать ему тепло своего тела, но не могу снять с себя штаны, и даже если бы могла, то не знала бы, как и где расположить своё тело с торчащей костью. Ощущаю столько вины. Так много. Айзек был прав. Я знала, что Смотритель Зоопарка играл со мной в игру. Знала это, когда увидела зажигалки и карусельную комнату. Но отключилась и отказалась помогать ему всё понять. Я отключилась. Зачем? Боже. Если бы я сложила вместе два и два, мы смогли бы обнаружить колодец несколько недель назад. Если Айзек умрёт, это будет моя вина. Он здесь, и это моя вина. Даже не знаю почему. Но хочу узнать. Это игра, и если я хочу выйти, то должна найти истину.

КАРУСЕЛЬ

В Мекилтео есть карусель. Она расположена в рощице вечнозелёных деревьев у подножья холма, который называется «Хребет Дьявола». Животные, насаженные на этой карусели, сердитые, их глаза выпучены, головы закинута назад, будто что-то их напугало. Этого и следовало ожидать от карусели, находящейся на Хребте Дьявола. Айзек отвёз меня туда на моё тридцатилетие в последний день зимы.

Я помню, как удивилась тому, что он знал о моём дне рождения, и что знал, куда отвезти. Не на претенциозный обед, а на поляну в лесу, где до сих пор обитало немного тёмной магии.

— Как у твоего врача, у меня есть доступ к медицинским записям, — напомнил мне Айзек, когда я спросила, откуда он узнал. Он не сказал, куда мы едем. Просто усадил меня в машину и включил рэп. Шесть месяцев назад моя музыка была бессловесная, теперь я слушаю рэп. Айзек был заразительным.

Хребет Дьявола изогнут, как змея — это крутой скалистый путь, который наполовину предназначен для ходьбы, наполовину для скольжения вниз. Айзек держал меня за руку, пока мы шли, обходя валуны, которые торчали из земли как звенья позвоночника. Когда мы вошли в круг деревьев, луна уже повисла над каруселью. У меня перехватило дыхание. Я сразу же почувствовала, что что-то не так. Цвета были не те, животные были не те, чувство было не то.

Айзек передал пять долларов старику, сидящему за пультом управления. Тот ел из банки сардины, вынимая их пальцами. Он сунул купюру в передний карман рубашки и встал, чтобы открыть ворота.

— Выбирай с умом, — прошептал Айзек, когда мы переступили порог. Я пошла налево, а он направо.

Там были баран, дракон и страус. Я прошла мимо них. Казалось очень важным, на чём я решу прокатиться в своё тридцатилетие. Я остановилась у лошади, которая выглядела больше сердитой, чем напуганной. Чёрная, со стрелой, пронизывающей её сердце. Голова животного была наклонена, будто она была готова к бою, со стрелой или нет. Я выбрала её, взглянув на Айзека, пока перекидывала ногу через седло. Он был на несколько фигур впереди, и уже на белом коне. У него на седле был медицинский крест и кровь на копытах.

«Идеально», — подумала я.

Мне нравилось, что он не ощущал необходимости сидеть рядом со мной. Айзек выбрал свою лошадь так же серьёзно, как я свою, и, в конце концов, каждый из нас катался в одиночестве.

Не было никакой музыки. Только шелест деревьев и гул машин. Старик дал нам

прокатиться дважды. Когда всё закончилось, Айзек подошёл, чтобы помочь мне слезть. Своим пальцем он погладил мой мизинец, который всё ещё был обёрнут вокруг треснувшего стержня, который пронзал мою лошадь.

— Я люблю тебя, — произнёс Айзек.

Я посмотрела на старика. Его не было на своём посту. Его не было нигде.

— Сенна...

Может быть, старик пошёл, чтобы принести ещё сардин.

— Сенна?

— Я слышала тебя.

Я соскользнула с лошади и повернулась лицом к Айзеку. Мои волосы были собраны, иначе я бы начала возиться с ними. Он был не очень далеко от меня, может быть, на расстоянии шага. Мы были зажаты между двух окровавленных, увлечённых смертью, карусельных лошадей.

— Сколько раз ты был влюблён, доктор?

Он сдвинул рукава рубашки до локтей и посмотрел на деревья позади моего плеча. Я продолжала смотреть ему в лицо, чтобы взгляд не блуждал по чернилам на его руках. Татуировки Айзека меня смущали. Они заставляли чувствовать то, что я вообще не знала его.

— Дважды. Любовь моей жизни и теперь моя родственная душа.

Я отпрянула. Я была писателем, сочинителем слов, и редко использовала избитое выражение про родственную душу. Я слишком часто грешила против любви, и та слишком часто грешила против меня, чтобы верить в эту уставшую концепцию. Если кто-то любит тебя так же, как любит себя, почему тогда предаёт, нарушает обещания и лжёт? Разве самосохранение не в нашей природе? Не должны ли мы оберегать нашу родственную душу с таким же рвением?

— Ты считаешь, что есть разница между этими понятиями? — спросила я.

— Да, — ответил он. Айзек сказал с таким убеждением, что я почти ему поверила.

— Кем она была?

Айзек посмотрел на меня.

— Она была бас-гитаристкой. Наркоманкой. Красивой и опасной.

Другой Айзек, которого я не знала, любил женщину, сильно отличающуюся от меня. И теперь доктор Айзек говорил, что влюблён в меня. Как правило, я старалась не задавать вопросы. Это даёт людям чувство близости, когда вы их спрашиваете, и затем вам от них не избавиться. Так как я в любом случае не могла избавиться от Айзека, то считала, что безопасно задать самый актуальный вопрос. Тот, на который только он мог ответить:

— Кем ты был?

Начинался дождь. Не предсказуемая вашингтонская морось, а большие капли воды, которые взрывались, когда попадали на землю.

Айзек взял за край своего свитера и снял его через голову. Я стояла неподвижно, хотя была поражена. Он был передо мной без рубашки.

— Я был этим, — сказал он.

Большинство людей помечают себя разбросанными идеями: сердцем, словом, черепом, женщиной-пиратом с огромной грудью — маленькие части, которые представляют собой целое. У Айзека была одна татуировка, и она была непрерывной.

Верёвка. Она обматывалась вокруг его талии и груди, петляя вокруг шеи, как удавка. Она дважды оборачивалась вокруг каждого бицепса, прежде чем закончится прямо над

словами, которые я видела торчащими из-под рукавов. На это было больно смотреть. Неудобно.

Я поняла. Татуировка напоминала оковы.

— Вот кто я сейчас, — произнёс он. Двумя пальцами Айзек указал на слова на предплечье: *«Умереть, чтобы выжить»*.

Мои глаза посмотрели на другую руку.

«Выжить, чтобы умереть».

— Что это значит?

Айзек внимательно посмотрел на меня, будто не знал, должен ли отвечать.

— Часть меня должна была умереть, чтобы спасти себя. — Мой взгляд опустился на левую руку.

«Выжить, чтобы умереть».

Он спасал жизнь, чтобы умереть самому. Чтобы оставить плохую часть себя мёртвой, доктор должен был постоянно напоминать себе о бренности жизни. Медицина была единственным спасением для Айзека.

Боже.

— В чём разница? — спросила я его. — Между любовью всей жизни и родственной душой?

— Первая — это выбор, вторая — нет.

Я никогда не думала о любви как о выборе. Для меня она скорее было чем-то неизбежным. Но если вы остаётесь с кем-то, кто страдает саморазрушением и решаете сохранить любовь, это может быть выбором, я полагаю.

Я ждала, чтобы он продолжил. Чтобы объяснил, как я вписывалась в его теорию.

— Существует нить, которая соединяет нас, которая не видна глазу, — сказал Айзек. — Может быть, у каждого человека душа соединена с несколькими людьми, и так весь мир пронизан этими невидимыми струнами.

Как будто, чтобы подтвердить свою точку зрения, он прочертил своим пальцем линию по чёрной ленте, которая была вплетена в гриву моей лошади.

— Может быть, вероятность того, что ты найдёшь каждую из своих половинок, слаба. Но иногда тебе везёт наткнуться на одну. И ты чувствуешь притяжение. И это не совсем выбор любить её, несмотря на недостатки и различия. Ты любишь её, даже не пытаясь изменить. Ты любишь эти недостатки.

Он говорил о полигамии с родственными душами. Как можно было отнестись к чему-то подобному всерьёз?

— Ты дурак, — выдохнула я. — В этом нет никакого смысла.

Я чувствовала, что злюсь. Хотела наброситься на него и заставить увидеть, как глупо он выглядел, веря в такие не прочные идеалы.

— В этом слишком много смысла для тебя, — сказал он.

Я оттолкнула его. Айзек такого не ожидал. Расстояние между нами увеличилось только на одну секунду, пока левой ногой мужчина отступил на шаг назад, чтобы удержать равновесие. Тогда я сама набросилась на Айзека, откинув его на красочную лошадь за спиной. Ярость в кулаках. Я колотила его по груди и ударяла по лицу, а он стоял и просто позволял мне. *«Как он посмел. Как посмел»*.

С каждым ударом мой гнев опускался на более низкую точку кипения. Я била его, пока

мой гнев не испарился, а я не была в изнеможении. Я соскользнула вниз, мои руки коснулись металлических ромбиков карусельного пола, а спина упёрлась в копыта лошади, на которой я каталась.

— Ты не можешь исправить меня, — произнесла я, глядя на свои колени.

— Я и не хочу.

— Я истерзана, — добавила я. — Изнутри и снаружи.

— И всё же я люблю тебя.

Он наклонился, и я почувствовала его руки на своих запястьях. Позволила ему поднять себя. Я была одета в чёрный джемпер из флиса, который застёгивался на молнию по всей длине. Айзек потянулся к моей шее, захватывая верхнюю часть застёжки-молнии, и потянул её вниз к моей талии. Я была настолько потрясена, что у меня не было времени среагировать. Минуту назад он был с голой грудью, теперь это была я. Если бы у меня были соски, то они бы заострились от холодного воздуха. *Если бы.*

Я лишь шрамы и куски от женщины. Айзек видел меня такой. В некотором смысле он всё создал скальпелем и твёрдой рукой, но я всё равно потянулась, чтобы скрыть свою грудь. Айзек остановил меня. Схватив меня за талию, он поднял меня и усадил боком в седло пронизанной лошади. Мужчина раскрыл флис, открывая себе доступ, а затем поцеловал кожу там, где должна была быть моя грудь. Он целовал, нежно касаясь шрамов. Моё сердце. Конечно, Айзек чувствовал, как стучит моё сердце. Хотя нервные окончания были повреждены, но я почувствовала, как его тёплые губы и дыхание двигаются по коже. Я издала звук. Скорее не настоящий звук. Это был вздох и облегчение. Каждый вдох, задержанный мной когда-либо, за раз освободился из меня, вылетая со свистом.

Айзек поцеловал мою шею, за ухом, подбородок, в уголок рта. Я повернул голову, когда он попытался поцеловать другой уголок, и мы встретились на середине. Мягкие губы и его запах. Айзек поцеловал меня однажды у двери моего дома, и тогда это был барабанный бой. А этот поцелуй был вздохом. Облегчением, и мы были настолько пьяны от него, что цеплялись друг за друга, будто ждали такого поцелуя всю жизнь. Его руки были под флисом, обнимая мои рёбра. Мои руки держали его лицо. Он снял меня с лошади. Я направила его к единственной скамейке на карусели. Это была изогнутая колесница с кожаным сиденьем. Айзек сел. Я оседлала его колени.

— Не спрашивай меня, уверена ли я, — сказал ему. И потянула вниз молнию на брюках. Я была полна решимости. Я была уверена. Он не убрал руки с моей талии. Не говорил. Ждал пока я поднимусь, сниму с себя джинсы и заберусь обратно к нему на колени. Я оставила свои трусики. Его штаны были спущены до середины бёдер. Мы были одеты, и не были. Айзек сделал всё так, как мне нужно, чтобы это было: наполовину сокрыты, на холодном воздухе, с возможностью подняться и уйти, если бы я захотела. Я чувствовала меньше, чем думала, что буду. Но также чувствовала больше. Не было никакого страха, только вибрации чего-то громкого, что я не совсем понимала. Он поцеловал меня, в то время как мы двигались. И ещё раз, когда всё было закончено. Старик не вернулся. Мы оделись и пошли обратно вверх по склону, замёрзшие и в оцепенении. И не проронили больше ни слова.

На следующий день я подала в суд, потребовав запрет на его приближение ко мне.

Это был конец для Айзека Астерхольдера и меня.

Я стараюсь иногда вспоминать, какими были его последние слова для меня. Сказал ли он что-то, когда мы шли на тот холм, или в автомобиле по дороге домой. Но всё, что я помню — это его присутствие и молчание. И небольшое эхо. И *«всё же я люблю тебя»*.

И всё же он любил меня.

И всё же я не могла любить его в ответ.

Когда я просыпаюсь, Айзека рядом нет. Я сравниваю свою панику с болью. Могу сосредоточиться только на одной из них. Выбираю боль, потому что она не ослабляет хватку в моём мозгу. Я знакома с сердечной болью: интенсивной, мучительной болью сердца, но никогда не испытывала физическую боль, тем более такую изысканную как эта. Боль сердечная и физическая схожи в том, что ни от одной из них нельзя избавиться, как только они появляются. Сердце посылает тупую боль, когда оно разбито; боль в ноге настолько остра и сильна, что мне трудно дышать.

Я борюсь с болью в течение минуты... двух, прежде чем начинаю её игнорировать. Я сломала своё тело, и это никак нельзя исправить. Я и не собираюсь. Мне нужно найти Айзека. И затем я начинаю думать: «О, Боже». Что если Смотритель Зоопарка пришёл, пока я была без сознания, и что-то с ним сделал? Я медленно перекатываюсь на бок, и пытаюсь встать, используя здоровую ногу. И тогда я её вижу. Нижняя половина моих штанов отрезана. Место, откуда торчала кость, обёрнуто тонкой марлей. Я чувствую, как что-то стекает по ноге, когда двигаюсь. Закрываю рот рукой и дышу через нос. Кто здесь был? Кто это сделал? Огонь горит. Огонь, который я разожгла, должен был к этому времени потухнуть. Кто-то развёл его снова, добавил новые поленья.

Меня шатает. Мне нужен свет. Мне нужно...

— Сядь.

Я замираю, поражённая голосом. Поворачиваю голову настолько, насколько это возможно.

— Айзек, — вскрикиваю я. И начинаю терять равновесие, но он срывается с места и ловит меня. Думаю, *срывается — это сильно сказано*. На мгновение мне кажется, что мужчина упадёт вместе со мной. Я поднимаю руки вверх и прикасаюсь к его лицу. Айзек выглядит ужасно. Но он жив и стоит на ногах. Мужчина нежно опускает меня на пол.

— Ты в порядке?

Он качает головой.

— Живой. Этого для тебя не достаточно?

— Ты не должен был, — шепчу я. — Думала, ты умираешь.

Айзек не смотрит на меня. Вместо этого он идёт к куче чего-то, что я не могу рассмотреть в темноте.

— Смотри, кто заговорил, — мягко произносит мужчина.

— Айзек, — снова начинаю я. — Стол...

Внезапно я чувствую жар... слабость. Адреналин, который вынес меня из колодца вверх по ступенькам, вверх по лестнице, угас.

Он подходит ко мне, его руки чем-то загружены.

— Я знаю, — говорит он, сухо. — Я видел.

Он смотрит на мою ногу, пока раскладывает вещи рядом со мной. Доктор выстраивает их, дважды всё проверяя. Но каждые несколько секунд Айзек снова смотрит на мою ногу, как будто не знает, что можно сделать.

— Как это случилось?

— Я спрыгнула со стола, — отвечаю ему. — Я не думала. Астма...

Уголки его рта дёргаются.

— У тебя был приступ астмы? Когда это случилось?

Я киваю. В тусклом свете огня вижу только его лицо, и оно побледнело.

— Большая берцовая кость сломана. Нога, должно быть, согнулась под прямым углом, когда ты упала, что вызвало перелом.

— Когда я прыгнула, — поправляю его я.

— Когда ты свалилась.

Он работает руками, открывая пакеты. Слышу небольшие надрывы, лязг металла. Я откидываю голову назад и закрываю глаза. Слышу небольшие всплески воздуха и думаю, что это Айзек, но потом понимаю, что это моё дыхание.

Он смотрит прямо на меня.

— Должно быть, ты подняла температуру моего тела. Ты всё сделала правильно.

— Что?

У меня головокружение. Меня снова тошнит.

— Ты спасла мне жизнь, — произносит он. Когда я открываю глаза, Айзек смотрит на меня.

— Мне нужно переместить тебя.

— Нет! — я хватаю его за руку. — Нет, пожалуйста. Просто позволь мне остаться здесь.

Я тяжело дышу. От мысли о движении меня тошнит.

— Меня некуда переносить, Айзек. Просто сделай всё здесь.

Сделать здесь что? Действительно ли он планирует работать на полу чердака?

— Мало света, — говорю я. Боль усиливается. Я надеюсь, что он оставит эту затею, и даст мне умереть. Айзек поворачивается и достаёт из-за спины фонарик, тот, что был внизу. Когда я была маленькой девочкой, мама упрекала меня за чтение под таким светом, теперь Айзек планирует с ним работать.

— Что ты собираешься делать?

Я быстро осматриваю то, что он принёс с собой. Там шесть рулонов, которые похожи на бинты, алкоголь, ведро с водой, игла и нить, бутылка текилы. Есть и другие вещи, но он положил их на противень и накрыл чем-то, похожим на бинты.

— Вылечить твою ногу.

— Где морфий? — шучу я. Айзек подкладывает под верхнюю часть моего тела подушки, которые стягивает с кровати, и я оказываюсь в полусидячем положении. Затем он откручивает крышку текилы и подносит её к моему рту.

— Напейся, — говорит доктор, не глядя на меня. Я слушаюсь его.

— Где ты всё это нашёл?

Я делаю пару глубоких вдохов, давая тому, что уже проглотила, спуститься в желудок, затем подношу бутылку обратно ко рту. Хочу услышать, как он обнаружил мою находку. Айзек говорит, в то время как кактусовый вкус текилы прожигает маленькими глотками свой путь к моему желудку.

— Где ты думаешь?

Я кусаю губы. Мой разум онемел от алкоголя. Я стираю рукой то, что скатывается вниз по подбородку.

— Мы голодали всё это время...

— Я должен оперировать, — произносит он. Это моё воображение или капельки пота покрывают его лоб? Свет настолько расплывчатый, что это может быть обман зрения.

Айзек откупоривает бутылку с прозрачной жидкостью и, прежде чем я могу открыть рот, чтобы остановить его, вскрывает марлю и наливает жидкость на рану. Я собираюсь кричать, но боль не так страшна, как я ожидала.

— Мог бы предупредить меня! — шиплю на него.

— Тише, — говорит Айзек. — Это просто физиологический раствор. Мне нужно убрать мёртвую ткань... увлажнить рану.

— А потом...?

— Вправить кость. Прошло слишком много времени... риск заражения... мягких тканей, — бормочет он. Слова, которые не имеют для меня смысла: санация... остеомиелит. Доктор вытирает лоб рукавом рубашки. — Я должен вправить кость. Я не хирург-ортопед, Сенна. У нас нет необходимого оборудования...

Я смотрю на то, как Айзек откидывается на ступни ног. Его лицо покрыто щетиной, волосы торчат во все стороны. Он так сильно отличается от врача, который оперировал меня в последний раз. Морщины вокруг его рта углубляются, пока доктор смотрит на мою рану. *«Думаю, он напуган больше, чем я»*. Это его работа, его профессия — спасать жизни. Доктор — эксперт в спасении жизней. Тем не менее, это не из его области знаний. Нет никого, чтобы проконсультироваться. Айзек Астерхольдер променял барабаны на больничные карты и не совсем знает, куда деть руки.

— Всё хорошо. — Мой голос звучит на удивление спокойно. Отрешённо. — Делай то, что можешь.

Айзек тянется к фонарику, держит его прямо над раной.

— Ткань красного цвета — это хорошо, — говорит доктор. Я киваю, хотя и не знаю, о чём мужчина говорит. Комната начинает вращаться, и я просто хочу, чтобы он уже начал.

— Будет чертовски больно, Сенна...

— Пошел ты, — отвечаю я. — Просто сделай это.

Всхлипываю на последнем слове. Такой крутой парень.

Айзек приступает к работе. В ведре он моет руки с мылом янтарного цвета. Затем поливает предплечья и руки спиртом. Натягивает пару перчаток. Должно быть, нашёл их в колодце с другими принадлежностями. Значит, Смотритель Зоопарка оставил нам перчатки. Для чего? Для операции? Или если мы решим прибраться к весне? Может быть, мы должны были наполнить их воздухом и нарисовать на них маркерами рожицы. Наш похититель позаботился обо всём. За исключением морфина, конечно. Почему-то я знаю, что это не случайно. Без мучений нет достижений. Этот парень хочет, чтобы мы страдали.

Айзек делает это. Без предупреждения. В то время как я думаю о Смотрителе Зоопарка. На этот раз я не кричу. Проваливаюсь в обморок.

Когда сознание возвращается, моя нога пульсирует, и я пьяна вдрызг. Это то, что происходит, когда вы вливаете полбутылки текилы в пустой желудок. Айзек сидит в нескольких футах, облокотившись спиной о стену. Его голова свисает вниз, будто он спит. Я

вытягиваю шею, пытаюсь взглянуть на ногу. Доктор убрал большую часть беспорядка, но я вижу тёмные пятна крови на полу вокруг себя. Моя нога приподнята на подушке, место, где кость прорвала кожу, завёрнуто в марлю. Айзек наложил шину, которая выглядит как бруски дерева. Я довольна шрамом, который останется. Он будет длинным и неровным.

Айзек просыпается. Ещё раз замечаю, как ужасно он выглядит. Прошлой ночью я думала, что потеряла его, а теперь доктор чинит меня. Это было не правильно. Я хочу сделать что-то, чтобы ему стало лучше, но пьяная лежу на спине. Мужчина встаёт и подходит ко мне. Он то ли крадётся, то ли ползёт.

— Тебе повезло. Кость сломана только в одном месте. Это чистый перелом, не было каких-либо фрагментов, плавающих вокруг. Но так как она проткнула кожу, может быть повреждение нервов и тканей. Из того что я видел, не было внутреннего кровотечения.

— А как насчёт заражения? — спрашиваю я.

Айзек кивает головой.

— Возможно, распространение инфекции в кости. Я нашёл бутылку пенициллина. Мы сделаем, что сможем. Чем больше повреждение в кости, мягких тканях, нервах и кровеносных сосудах, тем выше риск инфицирования. И так как ты волокла себя по всему дому...

Я откидываю голову назад, потому что комната вращается. Интересно, буду ли я помнить всё это, когда последствия текилы испарятся.

— Это лучшее, что я мог сделать, — произносит он.

Я знаю.

Айзек протягивает мне кружку с ложкой, торчащей из неё. Я принимаю, заглядывая внутрь. Он поднимает свою.

— Что это?

В кружке жёлтая комковатая жижа. Она выглядит отвратительно, но мой желудок, в любом случае, сжимается в ожидании.

— Суп из кукурузы.

Айзек подносит ложку ко рту и до суха её облизывает. Я следую его примеру. Не так плохо, как выглядит. Смутно помню о том, как схватила банку прошлой ночью, как та впивалась в моё бедро, пока я поднималась по лестнице.

— Потихоньку, — предупреждает Айзек. Заставляю себя не проглотить всю кружку одним глотком. Боль от голода немного спадает, и я могу сосредоточиться исключительно на боли, которую испытывает тело. Он вручает мне четыре большие белые таблетки.

— Это просто заглушит её, Сенна.

— Хорошо, — шепчу я, позволяя ему уронить их в мою ладонь. Айзек протягивает мне стакан воды, и я закидываю все четыре таблетки в рот.

— Айзек, — говорю я. — Пожалуйста, отдохни.

Он целует меня в лоб.

— Тише...

Когда я просыпаюсь, в комнате тепло. Я заметила, что большинство моих важных моментов здесь связаны с пробуждением и сном. Это то, что я больше всего помню о *заключении Сенны и Айзека*: Пробуждение, сон, подъём, отбой. И мало что происходит между ними, чтобы заметить разницу: мы бродим... едим... но, в основном, спим. И если нам везёт, то когда мы просыпаемся — тепло. Теперь присутствует новое ощущение — боль. Я осматриваюсь вокруг. Айзек спит на полу в нескольких футах от меня. На нём одно

одеяло, обёрнутое вокруг. Его даже не достаточно, чтобы прикрыть ноги. Хочу дать ему своё, но не знаю, как встать. Я стону и падаю на подушки. Действие обезболивающих прошло. Я снова голодна. Интересно, ел ли он, в порядке ли. Когда это произошло? Когда мои мысли переключились на нужды Айзека? Я смотрю в потолок. Вот так же было и с Ником. Началось с того, что он любил меня со всей своей одержимостью. Затем, внезапно... осознание.

В ту минуту как я позволила себе свободно любить Ника, он бросил меня.

Три раза в день Айзек спускается вниз в колодец, чтобы принести продукты и пополнить запасы древесины. Мы используем ведро, чтобы облегчиться, и в его обязанности входит опорожнять его. Доктор передвигается осторожно. Я слышу мужские шаги по скрипу половиц, пока он не достигает лестницы, а затем *шлён, шлён, шлён* по ступеням. Я теряю звук, как только Айзек спускается в колодец, но он никогда не задерживается там более пяти минут, за исключением тех случаев, когда стирает бельё или выбрасывает наш мусор через край скалы. Стирка состоит из наполнения ванны снегом и мылом, затем мужчина мусолит одежду в воде, пока ему не кажется, что она чистая. У нас никогда не было недостатка в мыле; на нижней полке кладовой стопки белых кусков, которые завёрнуты в белую бумагу. Они пахнут, как масло, так что более чем один раз, когда я сгибалась от голода, то думала, не съесть ли их.

Айзек использует меньший из двух фонариков, тот, который я нашла, когда сломала ногу. Он оставляет мне большой. Оставляет его рядом с моим лежаком и говорит, чтобы я его не использовала. Но как только я слышу, как ноги доктора покидают лестницу, то протягиваю пальцы вниз, чтобы найти выключатель, который включает фонарик. Я позволяю свету струиться. Иногда вытягиваюсь и помещаю руку перед ним, играя с тенями. Это грустно, когда основной радостью вашего дня являются пять минут игры с фонариком.

Однажды, когда Айзек возвращается, я спрашиваю его, почему он просто не поднимает всё сразу.

— Мне нужны упражнения, — отвечает он.

Через неделю Айзек поднимается наверх по лестнице с ворохом зелёных повязок.

— Насколько я вижу, инфекции вокруг раны нет. Она заживает.

Я замечаю, что он не говорит: «*Заживает хорошо*».

— Кость всё ещё может быть заражена, но будем надеяться, что пенициллин позаботится об этом.

— Что это? — спрашиваю я, кивая на его руки.

— Собираюсь сделать тебе гипс. Тогда я смогу переместить тебя на кровать.

— А если кость срастётся не правильно? — снова спрашиваю я.

Айзек молчит в течение длительного времени, пока занят приготовлениями.

— Она не срастётся должным образом, — отвечает он. — Ты, скорее всего, будешь хромать всю оставшуюся жизнь. Большинство дней будешь чувствовать боль.

Я закрываю глаза. Конечно. Конечно. Конечно.

Когда я смотрю снова, Айзек срезает конец на белом носке. Он одевает его на ступню так нежно, как может, и тянет ткань вверх по ноге. Я шумно дышу через ноздри, чтобы не завить. Должно быть, это один из его. Носок. Смотритель Зоопарка не дал мне белых носков. Не дал мне ничего белого. Айзек делает то же самое со вторым носком, а затем с третьим, пока они не покрывают мою ногу с середины ступни до колена. Затем достаёт один из бинтов из ведра. Это не бинты, понимаю я. Рулоны гипсового волокна.

Айзек начинает с середины стопы, оборачивает рулон вокруг, пока тот не заканчивается. Затем вынимает новый рулон и делает это снова. Снова и снова, пока не использует все пять рулонов. Теперь моя нога полностью обёрнута. Айзек откидывается назад, чтобы исследовать свою работу. Он выглядит истощённым.

— Давай дадим ему некоторое время, чтобы высохнуть, а затем я перенесу тебя на кровать.

Мы остаёмся на чердаке, забывая при этом остальную часть дома. День за днём... день... за днём.

Я считаю дни, которые мы теряем. Дни, которые никогда не вернуть. Двести семьдесят семь из них. Однажды я прошу его сыграть для меня.

— Чем?

Я не вижу его лицо, слишком темно, но знаю, что брови мужчины поднимаются, на губах лёгкая улыбка. Он нуждается в этом. Я нуждаюсь в этом.

— Палочки, — предлагаю я. А потом: — Пожалуйста, Айзек. Я хочу услышать музыку.

— Музыку без слов, — произносит мягко мужчина. Я качаю головой, хотя он не видит, как я это делаю.

— Я хочу услышать музыку, которую ты можешь создать.

Хочу видеть его лицо. Хочу убедиться, не обиделся ли он, что я попросила сделать то, от чего Айзек с трудом отказался. Или, может быть, испытал облегчение от моей просьбы. Просто хочу увидеть его лицо. И тогда я делаю что-то странное. Протягиваю руку и прикасаюсь к лицу Айзека кончиками пальцев. Глаза мужчины закрыты, когда я исследую его лицо, начиная со лба, прикасаясь к глазам и губам. Он серьёзен. Всегда так серьёзен. Доктор Айзек Астерхольдер. Я хочу встретить барабанщика Айзека.

Он пропадает на час. Когда возвращается, его руки нагружены вещами, которые я не могу разглядеть в темноте. Выпрямляюсь в постели, и мой мозг гудит от волнения. Айзек работает перед огнём, чтобы не пришлось использовать фонарик. Я наблюдаю за тем, как он выгружает то, что принёс: два ведра, одно меньше другого, металлическая сковорода и металлический горшок, клейкая лента, резинки, карандаш и две палочки. Палочки выглядят гладкими, как настоящие. Интересно, вырезал ли мужчина их тайно, пока исчезал внизу каждый день. Я бы не стала его винить. Уже в течение нескольких дней хочу резать свою кожу.

Он что-то делает. Я не могу сказать что, но слышу рвущий звук клейкой ленты через каждые несколько минут. Айзек пару раз матерится. Это саундтрек: шщрык... мат... бах... шщрык... мат... бах.

Наконец, после того как мне кажется, прошли часы, он встаёт, чтобы изучить свою

работу.

— Помоги мне, — прошу его. — Только в этот раз, чтобы я могла видеть.

Он подбрасывает ещё полено в огонь и неохотно подходит к моей кровати. Я прошу его беззвучно: «*Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста*». Айзек поднимает меня прежде, чем я могу отказаться от его помощи, и несёт меня к тому, что соорудил.

Я с удивлением рассматриваю его творение, моя нога неловко торчит передо мной. Большое ведро установлено на импровизированном стенде, который Айзек сделал из брёвен. Меньшее ведро перевёрнуто и стоит рядом с ним. На противоположной стороне находятся две сковороды — обе перевёрнуты вниз.

— Что это? — спрашиваю я, указывая на беспорядочную кучу на полу.

— Это моя педаль. Я обернул резину вокруг карандаша. Вырезал подошву у одного из своих ботинок для педали.

— Откуда ты взял резину?

— Из холодильника.

Я киваю. Гениально.

— Это мой малый барабан. — Он указывает на меньшее ведро. — И бас... — Большое повёрнутое на бок.

— Можешь прислонить меня к стене? Обещаю, я не буду опираться на ногу в гипсе.

Он оставляет меня у стены рядом с барабанной установкой. Я опираюсь спиной о стену, взволнованная, что оказалась вне кровати и на своей... ноге.

Айзек садится на край подоконника. Наклоняется, чтобы проверить педаль, и начинает играть.

Закрываю глаза и слушаю его сердце. Это первый раз, самый первый раз, когда я встречаюсь с этой стороной Айзека. После всех лет. Без его разрешения, я включаю фонарик и направляю луч на него, как центр внимания. Он кидает мне предупреждающий взгляд, но я просто улыбаюсь и продолжаю светить на него. Этот момент заслуживает чего-то особенного.

Примерно четыре дня до Рождества. Плюс минус день или два. Я делаю всё возможное, чтобы следить за временем, но теряю несколько дней по пути. Они ускользнули от меня и испортили мой воображаемый календарь. *Ускользнули от той, которая сошла с ума и мочилась под себя, как некоторые пациенты в психбольнице*. Айзек говорит, что я была в таком состоянии неделю. Так что, в любом случае, скоро Рождество.

Рождество в темноте.

Рождество на чердаке.

Рождество с талым снегом и бобами из консервов.

Когда мы встретились, было Рождество. И Рождество было, когда случилась нечто плохое. Смотритель Зоопарка сделает что-то на Рождество. Я знаю. Это поражает меня. Он сидело там, в моём подсознании, всё время.

Я громко всхлипываю. Айзек внизу, и не слышит меня. И тогда я совсем не могу дышать.

— Айзек. — Хрипло кричу я. — Айзек!

Ненавижу это чувство. И ненавижу, как оно неожиданно настигает меня, поэтому я всегда не готова. Не знаю, что подавляет больше: тот факт, что я не могу дышать, или

осознание того, что это было достаточно мощным, чтобы украсть моё дыхание. В любом случае, я должна добраться до ингалятора. Айзек нашёл их в колодце. И принёс один. Куда он его положил? Я беспомощно оглядываю комнату. В верхней части шкафа. Поднимаюсь с постели. Это тяжело. Когда я на полпути, мужчина входит, внося дневную норму нашей древесины. Он бросает охапку, когда видит моё лицо. Срывается к шкафу и хватается ингалятор. Затем проталкивает его между моими губами. Я чувствую холодный порыв, воздух проникает в мои лёгкие, и я могу снова дышать.

Айзек выглядит обозлённым.

— Что случилось?

— У меня был приступ астмы, идиот.

— Сенна, — говорит он, поднимая меня на руки и опуская обратно на постель, — девяносто процентов времени твои приступы астмы являются следствием стресса. Теперь. Что случилось?

— Не знала, что мне нужны причины, — огрызаюсь я. — Помимо того, что я застряла в доме изо льда с моим...

Я не нахожу слов.

— Доктором, — заканчивает он.

Я изгибаюсь, пока не отворачиваюсь от него.

Мне надо подумать. Мне нужно сформулировать структуру для своей теории. Как повороты кубика рубика. Айзек даёт мне пространство.

Я заперта в доме с моим врачом. Он прав.

Я заперта в доме с моим врачом.

Я заперта в доме с моим врачом.

С моим врачом.

Врач...

Наступает Рождество. Айзек очень тих. Но я была не права, мы не едим бобы. Он готовит праздничный обед на нашей маленькой самодельной печи на чердаке: консервированную кукурузу, тушёнку, зеленые бобы и, в довершение ко всему, банку с начинкой для тыквенного пирога. На завтрак.

На данный момент мы счастливы. Тогда Айзек смотрит на меня и говорит:

— Когда я впервые открыл глаза и увидел тебя, стоящую надо мной, то почувствовал, что вздохнул впервые за последние три года.

Я сжала зубы.

Заткнись! Заткнись! Заткнись!

— Мы знали друг друга лишь три месяца, — говорю я. — Ты не знаешь меня.

Но, хоть я и произношу эти слова, знаю, что это не так.

— Ты был просто моим доктором...

Айзек выглядит так, как будто снова и снова получает пощёчины. Я бью его ещё раз, чтобы положить этому конец.

— Ты зашёл слишком далеко.

Он выходит, прежде чем я могу сказать что-то ещё.

Я прячу лицо.

— Пошёл ты, Айзек, — говорю в подушку.

В полдень включается свет.

Голова Айзека появляется в проёме через минуту. Интересно, где он был. Ставлю на карусельную комнату. Мужчина бросает взгляд на моё лицо и говорит:

— Ты знала.

Я знала.

— Подозревала.

Он недоверчиво смотрит на меня.

— То, что вернётся электричество?

— Что что-то произойдёт, — поправляю его.

Я знала, что электричество вернётся.

Он снова исчезает, и я слышу его шаги на лестнице. Шлёп, шлёп, шлёп. Я считаю их, пока Айзек не достигнет низа. Потом слышу, как входная дверь врезается в стену, когда мужчина распахивает её. Вздрагиваю, думая о холодном воздухе, который он впустил, но вспоминаю, что ток вернулся. *ОТОПЛЕНИЕ! СВЕТ! РАБОТАЮЩИЙ ТУАЛЕТ!*

Чувствую себя невозмутимо. Это игра. Смотритель Зоопарка дал нам свет. Как подарок. На Рождество. Как символично.

Он думает, что свет пришёл в мою жизнь на Рождество, когда я встретила Айзека.

— Ты просто плохо написанный персонаж, — произношу вслух. — Я сотру тебя, мой дорогой.

Когда Айзек возвращается, его лицо приобретает серый оттенок.

— Смотритель Зоопарка был здесь, — говорит он.

Я покрываюсь мурашками. Они несутся по моим рукам и ногам, как маленькие пауки.

— Откуда ты знаешь?

Он протягивает руку.

— Мы должны спуститься вниз.

Я позволяю ему поднять меня. Доктору не нравится, что мне придётся наступать на больную ногу, а это значит, что он делает исключение, и значит, что это что-то серьёзное. Я использую его в качестве костыля. Когда мы достигаем лестницы, Айзек помогает мне сесть на пол. Затем спускается вниз. В первую очередь, доктор просит опустить травмированную ногу через отверстие. Это маневрирование занимает у меня десять минут. Но я не отчаиваюсь. Не хочу быть на чердаке ни минутой дольше. Когда обе ноги свисают с конца, он тянется к моей талии. Мне кажется, что мы оба упадём, но Айзек опускает меня вниз. *«Сильные руки»*, — напоминаю я себе. *Сильные руки хирурга.*

Он протягивает мне что-то. Это ветка дерева, почти такого же роста, как я, по форме напоминает рычаг. Костыль.

— Где ты его взял?

— Это часть нашего рождественского подарка.

Он пристально смотрит мне в глаза и движется по лестнице. Несколько недель назад мы сожгли всё, что могли. Нет ни единого шанса, что это могло избежать нашего огня. Я опираюсь на костыль, пока ковыляю по лестнице. Хочу кричать от того, как много времени занимает спуск вниз. Осматриваюсь вокруг. Я не видела эту часть дома с тех пор, как

сломила ногу. У меня есть желание пройтись, прикоснуться к вещам, но Айзек толкает меня к двери.

Снаружи темно. Так холодно. Я дрожу.

— Я ничего не вижу, Айзек.

Моя нога собирается погрузиться в снег, когда что-то задевает.

Они так и не нашли человека, который меня изнасиловал. В этом лесу больше не было других случаев изнасилования, в других лесах Вашингтона тоже. Полиция заявила, что это был единичный случай. С блаженной беспечностью, они сказали мне, что он, вероятно, следил за мной некоторое время и, возможно, последовал за мной в лес. И использовали такие слова, как «намерение» и «сталкер». Со мной подобное уже случалось раньше: письма, сообщения по электронной почте, сообщения на «Фейсбуке», которые скатывались с высокой похвалы до интенсивного гнева, когда я не отвечала. Никто из авторов не был мужчиной. Никто не угрожал достаточно резко, чтобы напугать меня. Никого с замашками насильника, или садиста, или похитителя. Просто разгневанные мамы, которые чего-то от меня хотели, признания, может быть.

Но было кое-что, что я не рассказала полиции о том дне, когда была изнасилована. Даже когда они давили на меня для получения более подробной информации. Я не могла заставить себя говорить.

Нет, я не видела его лица.

Нет, у него не было татуировок или шрамов.

Нет, он мне ничего не сказал...

Правда заключалась в том, что, в действительности, он говорил со мной. Или, возможно, просто говорил. С Богом, с воздухом, с самим собой, или, возможно, с кем-то, кто отказался от него. Я до сих пор слышу его голос. Когда сплю, слышу, как он шепчет мне на ухо, и я с криком просыпаюсь. С того момента как он начал и до того момента, когда закончил, он повторял одно и тоже снова и снова:

Розовый Зиппо

Розовый Зиппо

Розовый Зиппо

Розовый Зиппо

Это упущение. Может быть, из-за этого его не нашли. Может быть, ещё одна женщина была изнасилована, потому что я могла сделать нечто большее. Но в тот момент, когда вас разрушают, ваша душа темнеет без всякой на то причины, кроме чьей-то садистской жестокости, и вы думаете только о своём выживании.

Я не знала, как жить со своим выживанием, и не знала, как убить себя. Вместо этого я планировала, что сделаю с ним. В то время как Айзек кормил меня и вытягивал из снов, которые заставляли меня трястись и кричать, я разрывала своего насильника на куски,

бросая их в озеро Вашингтон. Поливала бензином и сжигала живьём. Срезала с него кожу, как Лисбет Саландер (Прим. ред.: *шведск.*

Lisbeth Salander, прозвище — Оса) — вымышленный персонаж, девушка-хакер, несправедливо признанная властями недееспособной

. Главная героиня серии книг шведского писателя Стига Ларссона

«Миллениум

« вместе с Михаэлем Блумквистом

. На спине имеет татуировку

, изображающую дракона

) сделала с Нильсом Бьюрман (Прим. ред.: Бьюрман являлся опекуном Лисбет после того, как у её прежнего наставника случился инфаркт. Осуществлял жесткую форму контроля, при которой Лисбет лишилась права самостоятельно распоряжаться своими деньгами и принимать решения по разным вопросам. Однако он поплатился за это). Я брала реванш, который никогда не получила бы в жизни из плоти и крови.

Но этого было не достаточно. Никогда не бывает достаточно. Так что я обратила месть за то, что случилось, на себя. Чувствовала себя бесполезной. Не хотела, чтобы рядом со мной был кто-то стоящий. Айзек и был таким человеком. Поэтому я избавилась и от него. Но здесь мы были заперты и обезоружены. Голодающие. Человек, который напевал «Розовый Зиппо» мог быть сталкером, но был никем, по сравнению со Смотрителем Зоопарка. Тот, может, выслеживал тело женщины, но этот зверь преследовал мой разум.

Что-то упирается в мой гипс. Айзек щёлкает выключатель, который зажигает лампочки над входной дверью. Так давно свет, а не тьма, был моим компаньоном, что глазам требуется минута, чтобы привыкнуть. Действительно, Смотритель Зоопарка оставил мне что-то: ящик прямоугольной формы, высота которого достигает колен. Ящик чисто белый, блестящий и гладкий, как инкрустация раковины устрицы. На крышке красные слова, буквы выглядят так, будто кто-то обмакнул палец в кровь, прежде чем их написал.

«Для И.К.»

Моя реакция больше внутренняя. Вся моя суть корчится так, как будто я открытая рана, и кто-то высыпал на меня соль, как на одну из тех улиток, которую ребёнок по соседству использовал для своих пыток. Я, спотыкаясь, иду вперёд и наклоняюсь к коробке. *Пожалуйста, Боже, пожалуйста, пусть это будет не кровь.*

Не кровь.

Не кровь.

Моя рука дрожит, когда опускается вниз, чтобы коснуться слов. Я тянусь к букве «И», рассекая её пополам. Она высохла, но кусочки прилипают к кончику пальца. Я кладу палец в рот, красные крошки соприкасаются с языком. Всё это время Айзек стоит, как статуя, у меня за спиной. Затем я наклоняюсь, позволяя костылю упасть, начинаю стонать от горя и чувствую руки Айзека вокруг своей талии. Он тянет меня обратно в дом и пинком захлопывает дверь.

— Не-е-е-е-ет! Это кровь, Айзек. Это кровь. Отпусти меня!

Он держит меня сзади, пока я вырываюсь, пытаюсь от него уйти.

— Шшшш, — шепчет он мне в ухо. — Ты можешь повредить ногу. Сядь на диван, Сенна. Я принесу его тебе.

Я прекращаю вырываться. Не плачу, но почему-то из моего носа течёт. Я поднимаю руку и вытираю его, пока Айзек уносит меня в гостиную и опускает вниз. Диван едва ли можно назвать диваном. Мы разобрали его на части, чтобы сжечь, когда обнаружили, что под обивкой была деревянная рама. Подушки испорчены, они проваливаются подо мной. Задняя часть дивана отсутствует, некуда опереть спину. Я сижу прямо, а нога торчит передо мной. Моя тревога усиливается с каждой секундой от того, что Айзека нет. Мой слух следует за ним к двери, где его дыхание прерывается, пока мужчина поднимает ящик. Он тяжёлый. Дверь снова закрывается. Когда Айзек идёт обратно в комнату, то несёт его как тело: руки вытянуты и обхватывают ящик по сторонам. Здесь нет журнального столика, чтобы поставить ящик на него, он также разломан на доски, поэтому доктор ставит его на пол у моих ног, и делает шаг назад.

— Что значит «И.К.», Сенна?

Я смотрю на кровь, часть «И» смазана моим пальцем.

— Это я, — отвечаю ему.

Он вытягивает шею и наши взгляды, кажется, пересекаются. Правда. Я должна рассказать ему часть правды. Хоть какую-нибудь...

— Испорченная Кровь. Я — Испорченная Кровь. — У меня пересыхает во рту. Мне необходим галлон снега, чтобы очистить его.

Глаза Айзека сверкают. Он вспоминает.

— Посвящение в его книге.

Мы до сих пор смотрим друг другу в глаза, поэтому мне не нужно кивать.

— Мог ли он..?

— Я уже ничего не знаю.

— Что это значит? — спрашивает Айзек. Я опускаю глаза на надпись кровью. «Для И.К.»

— Что внутри? — спрашиваю его.

— Я открою его, когда ты скажешь мне, почему Смотритель Зоопарка адресовал этот ящик Испорченной Крови.

Ящик просто вне моей досягаемости. Для того, чтобы добраться до него, мне придётся использовать что-то, чтобы приподняться. Так как у дивана больше нет спинки, мне нечего использовать как рычаг. Сейчас Айзек, как я понимаю, использует это как очень важный стратегический ход. Я перевожу дыхание, оно прерывистое из-за рыдания, которое не касается моих губ. Моя грудь сжимается в конвульсиях, когда я открываю рот, чтобы заговорить. Не хочу рассказывать ему, но я должна.

— Это чёрная нить на задней части креветок. Ник называл их Испорченной Кровью. Нужно удалить её, чтобы очистить креветки... — Мой голос монотонный.

— Почему он так называл тебя?

Когда Айзек и я задаём друг другу вопросы, мне это напоминает теннисный матч. После того, как вы отбили подачу, то знаете, что шарик вернётся, просто не знаете направление.

— Разве это не очевидно?

Айзек смотрит на меня. Одна секунда, две секунды, три секунды...

— Нет.

— Не понимаю тебя, — произношу я.

— Ты не понимаешь себя, — выдаёт он.

Мы возобновляем наши гляделки. Мой взгляд вопиющий, но его более откровенный.

Через минуту он подходит к ящику и открывает его. Я стараюсь не наклоняться вперёд. Стараюсь не задерживать дыхание, но здесь белый ящик с надписью «Для И.К.», выведенной кровью на крышке. Я трепещу от желания узнать, что находится внутри.

Айзек наклоняется. Я слышу нежный шелест бумаги. Когда его рука показывается из ящика, он держит страницу, которая выглядит так, как будто была вырвана из книги. Углы уже впитали кровь.

«Для И.К.»

Пропитанные кровью страницы для И.К.

Кто знал, что Ник называл меня так, кроме самого Ника?

Айзек начинает читать:

— Наказание за её мир было на нём, и он дал ей отдохнуть.

Я протягиваю руку. Хочу увидеть страницу и узнать, кто это написал. Это не Ник. Я знаю его стиль. И не я. Беру окровавленную страницу, стараясь держать пальцы подальше от красных пятен. Я вновь читаю то, что Айзек прочитал вслух. Страница пронумерована 212. Нет названия или имени автора. Я читаю её до конца, но у меня складывается ощущение, что это те слова, которые я должна была увидеть в первую очередь. Айзек вручает мне ещё одну страницу, на этот раз с пятном крови размером с мой кулак, которое расцветает посреди страницы, как цветок. Шрифт отличается, как и размер страницы. Я провожу ею между пальцами. Мне знакомо это чувство — это книга Ника.

«Запутавшаяся».

Айзек толкает ящик ближе к месту, где я сижу, поэтому я в состоянии дотянуться. Все страницы вырваны из переплёта и сложены в четыре ряда. Поднимаю другую страницу. Стиль совпадает с первой книгой, лирический со старомодным чувством к прозе. Есть что-то странное в форме написания, и я знаю, и должна помнить об этом, но не могу. Начинаю вынимать страницы в случайном порядке. Отделяю страницы книги Ника от новой. Я работаю быстро, мои пальцы вынимают и укладывают, вынимают и укладывают. Айзек наблюдает за мной с того места где стоит, прислонившись к стене, руки скрещены, губы поджаты. Знаю, что под его губами скрываются два передних зуба, которые слегка перекрывают друг друга. Не знаю, почему эта мысль прокрадывается ко мне именно сейчас, но, пока я сортирую страницы, то думаю о двух передних зубах Айзека.

Я примерно на середине стопки, когда понимаю, что есть и третья книга. Она моя. Мои пальцы замирают на ярко-белой странице — белая, потому что я сказала издателю, если они издадут книгу на кремовой, я буду судиться с ними за нарушение условий контракта. Три книги. Одна написана для И.К., одна написана для Ника... а третья..? Мои глаза обращаются к неизвестной куче. Кому принадлежит эта книга? И что Смотритель Зоопарка пытается мне сказать? Айзек отталкивается от стены и шагает по направлению к куче, которая принадлежит Нику.

— Мы должны дочитать эту, — говорит он. Моё лицо бледнеет, и я чувствую покалывание в плечах, когда они напрягаются.

Вручаю ему стопку.

— Они не по порядку, и страницы не пронумерованы. Удачи.

Наши пальцы соприкасаются. Мурашки ползут по моим рукам, и я быстро отвожу взгляд.

Мы работаем над тем, чтобы собрать все страницы книг по порядку. Самой длинной ночью, ночью, которая никак не закончится. Хорошо, что мы чем-то заняты, и это удерживает нас от вальсирования по улице безумия, не то, чтобы мы ещё там не были. Эту улицу вы, может, и хотите посетить, но лишь пару раз в своей жизни. У нас снова есть электричество... тепло. Поэтому мы пользуемся этим, чтобы не спать, пальцы порхают над страницами, брови нахмурены от напряжения. Айзек складывает книгу Ника. Я беру на себя две другие — свою и..? Кажется, здесь слишком много страниц для трёх книг. Интересно, обнаружим ли мы четвёртую.

Даже сейчас, когда я проверяю страницы «*Запутавшейся*» и передаю Айзеку, безымянная книга привлекает моё внимание. На каждой странице есть строчка, притягивающая мой взгляд. Я читаю их, перечитываю. Никто из известных мне авторов не пишет так, но это так знакомо. Чувствую жажду слов этого автора. Даже завидую его способности складывать такие богатые предложения. Первая строка продолжает возвращаться ко мне с каждой последующей, которую я читаю. «*Наказание за её мир было на нём, и он дал ей отдохнуть*».

Я не замечаю, когда Айзек исчезает из комнаты, чтобы приготовить нам еду. Замечаю это только тогда, когда он возвращается и протягивает мне тарелку супа. Я убираю её в сторону, намереваясь поесть, когда закончу работу, но доктор поднимает тарелку и снова протягивает к моим рукам.

— Ешь, — приказывает он мне. Я не осознаю, как голодна, пока неохотно не помещаю ложку в рот и не проглатываю солёный коричневый бульон. Откладываю ложку в сторону и пью прямо из тарелки, мои глаза всё ещё сканируют стопки, аккуратно сложенные вокруг. Моя нога болит, как и спина, но я не хочу останавливаться. Если я попрошу Айзека помочь мне пересесть, он поймёт, что мне не комфортно и заставит отдохнуть. Я потираю нижнюю часть спины, когда доктор не смотрит, и продолжаю дальше.

— Я знаю, что ты делаешь, — говорит он, и склоняется над грудой страниц.

Смотрю на него с удивлением.

— Что?

— Когда ты думаешь, что я не вижу, я вижу.

Я краснею, и моя рука автоматически тянется к больному месту в мышцах. Опускаю её в последнюю минуту и вместо этого сжимаю руку в кулак. Айзек ухмыляется и качает головой, возвращаясь к своей работе. Я рада, что он не давит на меня. Поднимаю другую страницу. Эта моя. История, которую я написала для Ника. Вместо того чтобы положить её в стопку, я читаю. Банальная истина. Это был мой вызов ему. Первая строка книги начиналась следующим образом:

«Каждый раз, когда ты хочешь вспомнить, что есть любовь, ты ищешь меня».

Эта строчка задела каждую женщину, которая когда-либо предлагала своё пульсирующее маленькое сердце человеку. Потому что у всех нас есть кто-то, кто напоминает нам о том, как жалит любовь. Эта безответная любовь, которая ускользает сквозь пальцы, как песок. Вторая строка книги немного обескураживает. Именно поэтому их глаза продолжали следовать за следами моих слов. Я сеяла крошки хлеба для катастрофы, которая должна была грянуть.

«Держись, нахрен, подальше от меня».

Я написала книгу только потому, что он написал свою для меня. Вполне справедливо. Большинство людей переписываются или разговаривают по телефону, или посылают письма по электронной почте. Мой любимый и я написали друг другу книги. *Эй! Вот сто тысяч слов о том «Почему, чёрт возьми, мы разбежались?»* В конце концов, это Ник сделал меня калекой, украл мою веру. И, вскоре после того, как я получила судебный приказ против Айзека, решила, что эту историю стоит рассказать.

Когда мы расстались, это был его выбор. Ник любил любить меня. Я была другой, и он ценил это. Думаю, что заставила его чувствовать себя творцом, потому что он не знал, что такое страдать, пока я не вошла в его жизнь. Но Ник меня не понял. Он пытался изменить меня. И это нас уничтожило. А потом Айзек прочитал мне эту книгу, сидя на краю моей больничной кровати, а моя грудь почивала где-то в контейнере медицинских отходов. Внезапно я услышала мысли Ника, видя себя такой, какой он увидел меня, и слышала, как он зовёт меня.

Ник Ниссли был совершенным. Совершенный снаружи, совершенный в недостатках, совершенный во всём, что говорил. Его жизнь была грациозной и его слова были изящно остры во всех смыслах, письменном и разговорном. Но он не подразумевал ни одно из них. И это было самым большим разочарованием. Ниссли был самозванцем, который пытался понять, каково это — жить. И он нашёл меня, когда я смотрела на озеро, и поймал. Потому что меня окутывала пелена тьмы, а Ник отчаянно хотел понять, на что это похоже. На некоторое время я была очарована. Тем, что кто-то, настолько одарённый, был заинтересован во мне. Я думала, что, будучи с ним, заражусь его талантом.

Я всегда ждала его дальнейших действий. Как он поведёт себя с официанткой, которая пролила целую тарелку тыквенного карри на его штаны (он снял их и доел свою еду в боксёрах); или что скажет поклоннице, которая выследила его и постучала в дверь, когда мы занимались сексом (он подписал ей книгу, наполовину высунувшись в дверь с взъерошенными волосами и простынёй, обёрнутой вокруг талии). Ниссли научил меня, как писать просто о жизни, и просто жить. Я даже не могу понять, как влюбилась в него. Возможно, всё произошло, когда он сказал, что у меня Испорченная Кровь. Возможно, несколько дней спустя, когда поняла, что это правда. Но, с того момента, как моё сердце приняло решение любить его, оно решило быстро, и решило за меня.

Видит Бог, я не хотела влюбляться. Это клише — мужчин и женщин, и их социальное обязательство — праздновать любовь. Фотографии бракосочетания вызывали у меня тошноту, особенно, когда были сделаны на железнодорожных путях. Я всегда представляла паровозик Томас, катящийся на них, его улыбающееся голубое лицо, покрытое капельками крови. Я не хотела желать подобных вещей. Любовь была достаточно хороша без трёхслойного, миндального, покрытого глазурью, свадебного торта и сверкающих кровавых алмазов, заключённых в белое золото. Просто любовь. И я любила Ника. Сильно.

А Ник любил свадебный торт. Он так мне и сказал. Ниссли также сказал, что хочет, чтобы у нас когда-нибудь был свой. В тот момент мой пульс замедлился, глаза потускнели, и вся моя жизнь промелькнула, как вспышки, перед глазами. Она была хороша потому, что была с Ником. Но я ненавидела её. Меня разозлило то, что он ожидал от меня такой жизни. Как нормальные люди.

— Не хочу выходить замуж, — ответила ему я, пытаясь контролировать свой голос. Обычно мы играли с ним в одну игру. Как только видели друг друга, мы давали физическое описание того, как выглядит другой. Это была игра писателей. Он всегда начинал одинаково: *нос кнопкой, ясные глаза, полные губы, веснушки*. Теперь Ник смотрел на меня так, будто никогда не видел раньше.

— Ну, и чего ты хочешь?

Мы сидели на коленях перед его журнальным столиком, потягивая тёплый сакэ, и пальцами ели ло мейн (*Прим. ред.: лапша Ло Мэйн (кантонское произношение — Лоу мин, англ.: Lo Mein) — очень распространённое блюдо в Китае, вариантов приготовления у него множество, как и вариантов наполнителей, важны лишь пшеничная лапша, причем любого вида и формы, и общий принцип готовки*).

— Я хочу есть с тобой, трахаться и смотреть на красивые вещи.

— Почему мы не можем делать всё после свадьбы? — спросил Ник. Он облизал каждый свой палец, а затем мои, и откинулся на спинку дивана.

— Потому что я слишком сильно уважаю любовь, чтобы выйти замуж.

— Это печально.

Я смотрела на него. *Он шутит?*

— Не думаю, что я печальная только потому, что не хочу тех же вещей, что и ты.

— Мы можем прийти к компромиссу. Как Персефона и Аид, — ответил он.

Я расхохоталась. Слишком много сакэ.

— Ты недостаточно мрачный, чтобы быть Аидом, и в отличие от Персефоны, у меня нет матери.

Я резко умолкла и начала потеть. Ник сразу склонил голову вправо. Я вытерла рот салфеткой и встала, взяла контейнеры с едой и отнесла их на кухню. Он последовал туда за мной. Я хотела побить его каблуками. Мать Ника всё ещё была замужем за его отцом. Тридцать пять лет. И по тому, что я видела, они были счастливы, не сложные годы. Ник был так уравновешен, что было смешно.

— Она умерла?

Он должен был спросить дважды.

— Для меня.

— Где она?

— Несёт где-то своё эгоистичное существование.

— Ага, — произнёс он. — Хочешь десерт?

Вот то, что мне нравилось в Нике. Он был заинтересован только в том, в чём были заинтересованы вы. И я не была заинтересована в своём прошлом. Ему нравилось, что я была мрачной, но Ниссли не знал почему. И не выяснял. Он, определённо, не понимал. Но, не смотря на все наши разногласия, Ник принял меня такой, какая я есть. И это то, что мне было нужно.

Пока Ниссли не изменился. Пока не сказал, что я эмоционально неприступна. Со мной

нелегко, и он устал пытаться. Ник и его слова. Ник и его обещания бесконечной любви. Я верила всему, а затем он бросил меня. Любовь приходит медленно, но, Боже, как же быстро она уходит. Мужчина был красив, и вот он уже ужасен. Я почитала его, и вот я уже ненавидела его.

Доктор Сапфира Элгин пыталась научить меня контролировать свой гнев. Она хотела, чтобы я научилась определять его источник, чтобы могла рационализировать свои чувства. Успокаивать себя уговорами. Я никогда не смогу точно определить источник. Он носится по моему телу без точки происхождения.

Я пренебрегала им. Всегда. Но теперь стараюсь точно его определить. Я злюсь, потому что...

Айзек — прикосновение, и он звук. Запах и зрение. Я пыталась дать ему одно из чувств, как делала со всеми остальными, но он оказался всеми ими. Айзек оказывал влияние на мои чувства, и именно поэтому я сбежала от него. Я боялась яркости чувств, боялась привыкнуть к цвету, звуку и запаху, и что они будут отображены у меня. Я была само исполняющимся пророчеством; уничтожая, прежде чем могла быть уничтожена сама. Писала о таких женщинах, не понимая, что сама была одной из них. В течение многих лет верила, что Ник оставил меня потому, что я подвела его. Я не могла быть той, которая нужна ему, потому что была пустой и поверхностной. Вот на что он намекал.

Почему ты не можешь любить свадебный торт, Бренна?

Почему я не могу прогнать твою тьму прочь?

Почему ты не можешь быть той, кто мне нужна?

Но я не подводила Ника. Он подвёл меня. Любовь не гнётся, она остаётся и храбро противостоит ерунде. Как противостоял Айзек. И я зла на Айзека, потому что он такой. И я такая. Это нерационально.

Мы заканчиваем наш страничный проект, как мы его называем. В конце концов, у нас собираются четыре стопки и только три книги: моя, Ника и безымянная книга. Четвёртая является самой высокой и наиболее таинственной. Я складываю каждую из них с осторожностью, которая мне свойственна, выравнивая углы, пока ни одна из страниц не выглядывает из-за другой. Проблема заключается в том, что на этих страницах нет ничего. Каждая из них цвета слоновой кости. У меня мелькает мысль о том, что Смотритель Зоопарка хочет, чтобы я написала новую книгу, но Юл Бринер напоминает мне, что моя личная Энни Уилкс не оставила мне ручку (*Прим. ред.: речь идёт о книге «Мимзери» (англ.*

Misery) — роман

*американского писателя Стивена Кинга
, написанный в жанре психологического
триллера*

, впервые опубликован в 1987 году
издательством «Viking Press

«. В основе сюжета произведения лежат отношения двух героев книги — популярного писателя Пола Шелдона и психопатичной поклонницы Энни Уилкс). Невозможно написать книгу без пера. Интересно, могу ли я реанимировать старую «Бик», которую мы использовали, когда здесь проснулись.

Это символично, как картины, висевшие по всему дому — картины полых воробьёв и носителей смерти. Я смотрю на стопки бумаг, в то время как Айзек делает нам чай. Слышу звон ложки. Слышу, как она стучит по керамической чашке. Бормочу что-то книгам, разложенным вокруг меня, мои губы шевелятся в заклинании. Мы хоть и рассортировали их, но без номеров на страницах, они всё еще в хаосе. Как можно сложить по порядку книгу, которую вы никогда не читали? Или, может быть, в этом суть проекта. Может быть, я должна привнести свой собственный индивидуальный порядок в две книги, которые никогда не читала. В любом случае, я говорю им разобраться самим и поговорить со мной. Голоса были и всегда будут слишком пугающими, чтобы говорить так же громко, как и книги. Вот почему авторы пишут, чтобы передать что-то громкое чернилами. Чтобы выпустить мысли; чтобы тихие, безгласные чувства были услышаны. В этих страницах находятся мысли о том, что Смотритель Зоопарка хочет, чтобы я услышала. Не знаю почему, и мне всё равно, но мне нужно выбраться отсюда. Нужно вытащить отсюда Айзека.

— Хочешь ли ты иметь детей? — спрашивает он меня, пока несёт наш чай в гостиную. Я поражена хаотичности его вопроса. Мы не говорим о нормальных вещах. Наши разговоры в основном о выживании. Моя рука дрожит, когда я беру чашку. Кто может думать о детях в такой ситуации? Два друга, которые просто сидят и болтают о своих жизненных планах? Мне хочется сорвать с себя рубашку и напомнить ему, что он вырезал мою грудь. Напомнить, что мы заключённые. Люди в нашем затруднительном положении не говорят о возможности завести детей. Но всё-таки... потому, что спрашивает Айзек, и потому, что он так много сделал для меня, я позволяю своим мыслям обдумать то, что он сказал.

Как-то в аэропорту Хитроу я видела, как малышка закатила истерику. Старшая сестра забрала iPhone из рук маленькой девочки, когда та пригрозила бросить его на пол. Как и большинство детей, крошечная девочка, которая еле балансировала на ножках, только научившись ходить, выдала громкий, возмущённый ответ. Она завопила, упала на колени и издала ужасный пронзительно-прерывистый крик, который звучал подобно сирене скорой помощи. Он возрастал и падал в бурном крещендо, заставляя людей морщиться. Причитая, она опустилась на пол и лежала на спине лицом вверх, колени согнуты под ней. Я изумлённо наблюдала, как её руки дергаются, чередуя движения, чем-то похожие на плавание на спине и интерпретацию танца бабочки. Лицо исказилось в мучительной гримасе, рот издавал душераздирающие крики, как вдруг она вскочила на ноги и, смеясь, побежала в сторону фонтана в нескольких метрах от неё.

Насколько мне было известно, дети страдают биполярным расстройством. Они злые, непредсказуемые, эмоциональные, наделены голосами-сиренами скорой помощи, косичками, липкими руками и покрытыми остатками еды ртами, которые то улыбаются, то гневно изгибаются, и всё это происходит со скоростью вдоха. Нет, спасибо. Если бы я хотела трёх футового вояку в роли своего хозяина, то наняла бы для этого бешеную обезьяну.

— Нет, — отвечаю я.

Он делает большой глоток. Кивает.

— Я так не думаю.

Жду объяснения, почему он спрашивает, но доктор этого не делает. Через несколько минут до меня доходит — *щёлк, щёлк, щёлк* — и я чувствую, что меня тошнит. Айзек не ел. Не спал. Мало говорил. Я наблюдала, как он медленно угасает в течение последней недели, ожив только из-за доставки белого ящика. Я вдруг чувствую себя менее разозлённой его неуместным вопросом. Больше обеспокоенной.

— Как долго мы здесь? — спрашиваю я.

— Девять месяцев.

Мой мозговой кубик-рубик прокручивается. И мой гнев рассеивается.

Когда мы только оказались здесь, он сказал, что Дафни на восьмой неделе беременности.

— Она родила в срок, — говорю я твёрдо. Заставляю мозг найти подходящие слова, которые ему нужно услышать. — У вас здоровый ребёнок, который утешает её, являясь частью тебя, что осталась с ней.

Не знаю, успокаивает ли его, но это всё, что я могу сказать.

Он не двигается и не признаёт мои слова. Айзек страдает. Я встаю, слегка покачиваясь. Я должна что-то делать. Должна его покормить. Как он кормил меня, когда я страдала. Задерживаюсь в дверях, наблюдая, как плечи мужчины слегка поднимаются и опускаются, когда он дышит.

Это моя вина. Айзек не должен быть здесь. Я разрушила его жизнь. Я никогда не читала книгу Ника. Только те несколько глав, которые Айзек читал мне, сидя на краю моей больничной койки. Я не хотела знать, как закончилась история. Вот почему избегала её. Но теперь я это сделаю. У меня появилось желание узнать, как Ник закончил нашу историю. То, что он должен был рассказать о том, как всё между нами закончилось. Это была его история, которая заставила меня написать ответ, и затем застрять посреди грёбаного Южного полюса. С моим врачом. Который не должен быть здесь.

Я готовлю ужин. Трудно сосредоточиться на чём-либо, кроме дара, который оставил для меня Смотритель Зоопарка, но боль за Айзека перевешивает мою одержимость. Я открываю три банки овощей и отвариваю макароны в форме бабочек. Смешиваю всё вместе, добавив немного консервированного куриного бульона. И несую тарелки в гостиную. Мы не можем больше есть за столом, поэтому едим здесь. Я зову Айзека. Он спускается через минуту, но только толкает пищу по тарелке, накалывает овощи друг на друга зубцами вилки. Это то, что он чувствовал, когда смотрел, как я ускользаю в темноту? Хочу открыть ему рот и засунуть еду в горло. Заставить его жить. *«Ешь, Айзек»*, — мысленно умоляю я. Но он этого не делает.

Я оставляю его тарелку с едой, положив её в холодильник, который не очень хорошо работает, так как Айзек снял резиновый уплотнитель, чтобы сделать педаль для своих барабанов.

Ковыляю до карусельной комнаты, используя новый костыль. В комнате пахнет затхлостью и ощущается слабый сладкий запах мочи. Пристально смотрю на чёрную лошадь. Ту, что разделяет со мной пронзённое сердце. Сегодня она выглядит злее. Я наклоняюсь к ней, положив голову ей на шею. Слегка касаюсь гривы. Моя рука тянется к стреле. Я сжимаю её в кулак, желая вырвать и положить конец нашим страданиям. Но больше желая избавиться от них Айзека.

Мои веки дрожат, пока мозг распутывает головоломку. Почему я решила, что Смотритель Зоопарка мужчина? Совсем не обязательно. Издательство провело исследование моих читателей и, в основном, это женщины от тридцати до сорока лет. У меня есть читатели-мужчины. Я получаю от них электронные письма, но, чтобы зайти так далеко... я должна представить женщину. Но я этого не делаю. Я вижу мужчину. В любом случае, я в его голове. Он просто персонаж, кто-то, кого я не вижу, но знаю, как работает его ум, когда он играет со мной в игры. И чем дольше я здесь, тем больше его образ принимает форму. Это моя работа; то, что я делаю хорошо. Если я смогу понять его сюжет, то смогу перехитрить. Вызволить отсюда Айзека. Он должен увидеть своего ребёнка.

Возвращаюсь к книгам. Осматриваю каждую из них. Моя рука чуть задерживается над книгой «Запутавшаяся», прежде чем останавливается на стопке с безымянной. Начну прямо с неё.

Я читаю книгу. Без пронумерованных страниц я вынуждена читать вперемешку. Это как упасть спиной в сугроб, не зная как глубоко погрузишься. Моя жизнь всегда была заполнена порядком, пока меня не взяли и не поместили в это место, чтобы гнить. Это место хаос, и чтение без нумерации тоже хаос. Ненавижу это, и всё же слишком поработана словами, чтобы отказаться.

Книга о девушке по имени Офелия. На первой странице, которую я прочла, и которая, в принципе, могла быть пятой или пятисотой, Офелия была вынуждена отдать своего недоношенного ребёнка на усыновление. Не из-за родителей, как в большинстве таких историй, а из-за деспотичного мужа шизофреника. Её муж — музыкант, который пишет то, что некие голоса говорят ему писать. Так что, когда голоса сказали ему избавиться от пяти фунтовой девочки, он принудил Офелию, угрожая жизни её и ребенка.

На следующей странице я нашла девушку двенадцатилетней девочкой. Она обедает со своими родителями. Всё выглядит как нормальная семейная трапеза, но внутренний диалог Офелии пронизан элементами, которые предвещают, что девушка довольно странная и мыслит довольно странно. Она злится на само существование своих родителей, и на то, что их роль в жизни общества так проста. Сравнивает их с пюре, затем продолжает говорить об их неудачных попытках заменить её другим ребенком. *«У моей матери было четыре выкидыша. Я воспринимаю это как попытку Бога сказать им, что они не должны испоганить ещё больше детей».*

Я съеживаюсь на этой части, желая узнать больше о сломанной матке Кэрол Блит, но моя страница подходит к концу, и я вынуждена выбирать новую. И так в течение нескольких часов. Я собираю всплески информации об Офелии, которая кажется почти антигероиней. Офелия самовлюбленная; у Офелии комплекс превосходства; Офелия ни на чём подолгу не задерживается, ей становится скучно. Офелия выходит замуж за человека, который является противоположностью скуки, и дорого платит за это. В конце концов, она оставляет его и

выходит за другого, но потом бросает и его. Я нахожу страницу, где она говорит о фарфоровой кукле, которую должна была оставить после развода со своим вторым мужем. Девушка оплакивает потерю куклы самым причудливым образом. Я собираю эти детали, пока мой мозг не начинает болеть. Пытаюсь разобраться во всём этом, привести в порядок, и тогда натываюсь на последнюю страницу. Она самосовершенствуется на последней странице книги. Когда я дохожу до последней строки, мои глаза вылезают из орбит.

«Ты будешь чувствовать меня каждый раз, падая назад».

Меня рвёт.

Айзек находит меня лежащей на спине, на полу. Он стоит надо мной, ноги по обе стороны от моего тела, и поднимает меня. Его глаза на миг исследуют лужу рвоты рядом со мной, прежде чем он дотрагивается ладонью до моего лба. Когда мужчина убеждается, что тот прохладный, то спрашивает:

— Что ты читаешь?

Я отворачиваю лицо прочь.

— Книга Ника?

Качаю головой.

Он смотрит на грудь, которая ближе всего к тому месту, где я лежу.

— Ты знаешь, кто это написал?

Не могу смотреть на него, поэтому закрываю глаза и киваю.

— Моя мать, — отвечаю ему. Я слышу, как у него перехватывает дыхание.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Я ковыляю на кухню. Мне нужна вода, чтобы сполоснуть рот. Айзек следует за мной.

— Как я могу быть уверен, что это сделала не ты? — он делает угрожающий шаг ко мне.

Я спотыкаюсь о мешок риса. Тот падает. Я с ужасом наблюдаю, как зерно рассыпается по полу, собираясь вокруг моей голой ступни.

— Я привезла тебя сюда? Ты думаешь, что я притащила нас сюда, чтобы помереть от голода и от холода? Зачем?

— Как же удобно, что ты была той, кто освободил меня. Почему ты не была связана с заткнутым ртом?

— Прислушайся к себе, — отвечаю я. — Я не та, кто это сделал!

— Откуда мне знать? Откуда? — его слова остры, но он проговаривает их медленно.

Я переставляю ноги, и рис заполняет пространство между моими пальцами.

Мой подбородок дрожит. Я чувствую, что дрожит и нижняя губа. Зажимаю её между зубов.

— Думаю, тебе придётся доверять мне.

Он указывает на гостиную, где ящик и книги лежат в стопках.

— Твоя книга, книга Ника, и теперь книга твоей матери? Почему?

— Не знаю. Я даже не знала, что моя мать написала книгу. Я не видела её с тех пор как была ребёнком!

— Ты знаешь, кто это сделал, — говорит он. — В глубине души ты знаешь.

Я качаю головой. Как он может даже предполагать такое? Я искала ответы, подвергая обсессии свой мозг.

Айзек отступает, закрыв глаза ладонями. Его спина ударяется о стену, и он сгибается пополам, положив руки на колени. Похоже, мужчина не может дышать. Я протягиваю руку к

нему, но затем опускаю её болтаться вдоль тела. Это неважно. Чтобы я не сказала, оно не изменит того, что я оторвала его от жены и ребёнка. Я причина одержимости этого психа.

Три недели спустя, Айзек снимает мой гипс. Он использует кухонный нож, чтобы разрезать его. Это тот же нож, который он носит с собой с нашего первого дня здесь. С широко открытыми глазами и тяжело дыша, мы следим, как пластиковый гипс отпадет. Что мы увидим? Насколько ещё я буду сломлена? В конце концов, видим только волосатую, тощую ногу, которая выглядит немного странно. Это напоминает мне о крови в чашке, свитер в ванной, камень во рту. Это просто визуально *странно*, и я не могу сказать, почему.

Я до сих пор должна использовать костыль, но мне нравится чувство свободы после того, как все эти недели я лежала в постели. Айзек так и не разговаривает со мной. Но солнце вернулось. Оно снова взошло. Мы прекратили использовать электричество, чтобы сохранить топливо в генераторе. Я прочитала всю «*Запутавшуюся*», но, на удивление, мне не было так больно, как от безымянной книги матери. Я увидела Ника немного по-другому, менее лощённого. Это лучшая работа Ниссли, но я не впечатлена его любовной запиской.

Айзек переносит оставшуюся часть продуктов из колодца под столом наверх. Он заполняет шкафы, холодильник и кладовую. «*Так нам не придётся больше спускаться туда*», — говорит он мне. У него уходит на это весь день. Затем мужчина возвращает стол на место. Когда доктор идёт в свою комнату, я спускаюсь из карусельной комнаты и прокрадываюсь на кухню. Я до сих пор в лёгкой одежде и мои ноги холодные. Чувствую себя голой без гипса. Прижимаюсь задней частью ног к краю стола и запрыгиваю на него. Отодвигаюсь назад, пока не сижу, со свешанными с края ногами. Мои ноги бегуни выглядят веретенообразными и слабыми. Шрам бежит, как шов, поперёк моей голени. Я провожу по нему кончиком пальца. Начинаю выглядеть как сшитая кукла Эмо. Не хватает только пуговиц вместо глаз. Тянусь вверх, скользя рукой в отверстие в верхней части моего халата, дотрагиваясь пальцами до кожи на груди. И здесь шрамы. Уродливые. Я привыкла к тому, что изуродована. Кажется, что часть меня изъята, съедена болезнью, отрублена, раскрыта на две части.

Интересно, когда уже моё тело устанет от этого и просто сдастся.

Я никогда не смогу бегать, как раньше. Я прихрамываю. И не сказала Айзеку, что моя нога постоянно ноет. Мне это нравится.

На кухне темно. Я не включаю свет, чтобы Айзек не знал, что я здесь. Если он пытается избежать меня, я помогу ему. Но когда поднимаю взгляд, то вижу, что он стоит в дверях и наблюдает за мной. Мы смотрим друг на друга в течение долгого времени. Я чувствую беспокойство. Похоже, что у него есть что сказать. Думаю, что Айзек пришёл, чтобы выяснить ещё немного, но потом вижу что-то ещё в его глазах.

Он идёт ко мне. Один... два... три... четыре шага.

Айзек останавливается перед моими коленями. Мои волосы спутаны и непослушны. Я не помню, когда в последний раз прикасалась к ним. Они отрасли, прикрывая место, где раньше была грудь. Теперь они своего рода шаль, покрывающая верхнюю часть тела, так что, даже когда я голая, то не могу себя видеть. Я даже не потрудились скрыть за ухом свою белую прядь, как делаю обычно при Айзеке. Она свисает перед моими глазами, частично заслоняя мне вид.

Айзек убирает мои волосы через плечо, и я невольно вздрагиваю. Затем он кладёт руки мне на колени. Их тепло жалит. Толкает их в стороны, раздвигая, и делает шаг вперёд, пока не стоит между ними. Он наклоняет голову, и наши рты почти соприкасаются. Почти.

Пальцы обеих моих рук растопырены на столе позади меня, удерживая. Я чувствую прорези, которые оставила на столе. Резные фигурки, которые Айзек помог мне сделать. Он не целует меня. Мы никогда не говорили о том поцелуе, который разделили, когда думали, что умираем. Он дышит мне в рот, а его руки поднимаются вверх по моим бёдрам. Его руки как тёплая вода, омывающая мою кожу. Я покрываюсь мурашками. Мой халат задран к верхней части моих бёдер. Когда его ладони оставляют мои ноги, хочется кричать: «*Нет! Я хочу ещё тепла*», — но он захватывает полы моего халата и, потянув, открывает его, оголяя грудь. Мне холодно. Я цепенею. Айзек дотрагивается до моих шрамов. Моей бесплодной женственности. *Замороженная... замороженная... замороженная...* и затем я ломаюсь.

Я задыхаюсь и хватаю его за руки, толкая их прочь.

— Что ты делаешь?

Айзек не отвечает. Он поднимает руки к моей шее. Где бы он ни касался меня, я ощущаю тепло. Отклоняю голову назад, и его пальцы обводят мою челюсть.

— То, чего я хочу, — говорит он.

Я поворачиваю голову влево, пытаюсь отстраниться от него, но Айзек запускает руку в мои волосы на затылке и покрывает поцелуями шею, пока я не начинаю дрожать. Я в невыгодном положении. Одной рукой стараюсь поддерживать себя, а другой удержать его от себя. В конце концов, моя рука выскользывает из-под меня, и мы падаем на стол.

Айзек целует меня. Его поцелуй сначала жёсткий, будто он зол, но, когда я прикасаюсь к его лицу, мужчина смягчается. Когда он медленно скользит своими губами по моим, а его язык проникает в мой рот и обратно, я расслабляюсь. Мои ноги отрываются от стола и обхватывают его за талию. Тепло; тепло на внутренней части моих ног, тепло во рту, тепло зажато между моих ног. Айзек наклоняется и тянет мой халат, открывая себе путь. Я поднимаю руки, чтобы освободиться от халата и обнимаю его. Потом он перекачивает меня, так что я оказываюсь сверху. Я сажусь, и он поднимает меня за талию, пока я не соприкасаюсь с его эрекцией. Он здесь и прикасается ко мне. Всё, что нужно сделать — опуститься вниз, и Айзек будет внутри меня. И я хочу, чтобы он был. Потому что мне нужно трогать и быть тронутой.

Но Айзек не спешит. Он продолжает удерживать меня за талию. Думает о своей жене. Я думаю о его жене. Собираюсь сказать ему: «*Забудь об этом*», когда мужчина резко отпускает хватку на моей талии. Без замешательства, и без предупреждения, я опускаюсь на него. Из меня вырывается стон, громкий. Это стон, я вас уверяю. Одну минуту я была пуста, и в следующую — наполнена. Глубокая, медленная паника. *Он не принадлежит мне. Что я делаю?* Я пытаюсь подняться с него, но Айзек хватает меня за запястья и разворачивается, прижав к столу. Медленно целует, прикасаясь обеими руками к моему лицу, всё время медленно двигаясь внутри меня.

— Я хочу быть с тобой, — шепчет он мне в рот. — Прекрати.

И я прекращаю. Позволяю ему целовать, и гладить, и трогать, и не борюсь с ним. У нас был секс только один раз; в дождь, на карусели, и я сверху. Теперь всё ощущается не как секс. Это нечто более интимное. Никогда не занималась этим так, как сейчас. Ни с кем. Даже ни с Ником. Никогда не зарывалась пальцами в волосы мужчины и самозабвенно не стонала и не желала, чтобы он был так глубоко, как только может, потому что всё это ощущалось более реальным. И мужчина никогда не утыкался лицом в мою шею и не стонал так, как будто каждое движение внутри меня стоит этого.

Но мы здесь, на столе, двигаемся вместе и занимаемся тем видом секса, который душит,

и одновременно является нежным и грубым. Айзек дотрагивается до меня везде. Его пальцы скользят по моей груди, спине и бёдрам. От этого я чувствую себя красивой, а не уродством, в которое меня превратила жизнь. Когда Айзек находится во мне, я забываю обо всём. Забываю, что я пленник, и что кости сломаны, и что мы чуть не умерли. Забываю, что у него кто-то есть. Забываю, что меня изнасиловали, и что у меня нет груди. Забываю, что я всю жизнь тяжело боролась за то, чтобы ничего не чувствовать. Айзек занимается любовью со мной, и всё, что я чувствую прямо в этот момент — что я чего-то стою.

Айзек несёт меня на кровать и опускает на матрац. Я чувствую его влажность на своём бедре, пока он забирается в постель и ложится рядом со мной. «Обними меня», — молча прошу я. Это лишь слова в моей голове, но Айзек приближается и обнимает меня. Я закрываю глаза.

Пим-пам, пим-пам...

Страх лёгким шагом танцует вокруг меня. Он обольстительно шепчет мне в ухо. Мы влюблены, страх и я. Он позвал меня, и я позволяю ему войти.

Прочь. Говорю я ему. Пусти, позволь мне уйти, позвольте мне уйти, дай мне уйти.

— Солги мне, Айзек.

Кончики его пальцев рисуют причудливый узор на моём плече.

— Я не люблю тебя.

Он не видит моё лицо, но оно искажается: ресницы, губы, линии морщин на лбу.

— Расскажи мне правду, Сенна.

— Не знаю, как, — выдыхаю я.

— Тогда солги мне.

— Я не люблю тебя, — заявляю ему. Я тону под тяжестью сказанного.

Айзек обнимает меня сзади, а потом нависает надо мной, его локти упираются по обе стороны от моей головы.

— Истина для ума, — говорит он, — ложь для сердца. Так что давай просто будем лгать.

Я целую человека, которому лгу. Он целует меня искренне. Я освобождена.

Через два дня Айзек заболевает. Это болезнь, которая пугает меня. Сначала, когда я спрашиваю, он говорит, что ничего серьёзного. Но теперь крошечные капельки пота собираются у него на лбу и над верхней губой, как конденсат. Я прищуриваю глаза, наблюдая за ним, пока мы едим. Мужчина явно заставляет себя есть. Его кожа выглядит как воск: блестящая и бесцветная.

— Хорошо, доктор, — говорю я, откладывая вилку. — Определи диагноз и скажите мне, что делать.

Я стараюсь шутить, но что-то во мне говорит, что дела плохи. У нас больше нет никаких антибиотиков. На самом деле у нас нет ничего. Чуть раньше я проверила наши запасы: пара тюбиков мази от ожогов и слишком много бинтов и спиртовых салфеток. Мы пытались

сохранить энергию и использовали поленья из колодца, но и их становится всё меньше и меньше. Я вдруг понимаю, что слишком долго жду ответа от Айзека. Он уткнулся в свою тарелку, на самом деле не видя ничего.

— Айзек... — Я касаюсь его руки, и мои глаза округляются. — Я бы сказала, что у тебя жар.

Мои губы пересыхают. Я провожу по ним языком, наблюдая, как лихорадит Айзека.

— Давай отведём тебя наверх, хорошо?

Он кивает.

Через час Айзек начинает бесконтрольно дрожать. Я помню, меня тоже так трясло. Но моя дрожь была эмоциональной. Тело борется с недугами — эмоциональными или нет — одинаковым образом. Айзек всегда был тем, кто отгонял мою дрожь. Я не могу сделать то же самое для него. Ему нужно то, что моё тело не может ему дать.

Я не могу заставить его проснуться. Он так и не сказал мне, что делать. Его тело горит, сильно, но в комнате морозильник. Держать ли его в тепле или сбить температуру? Я сижу рядом с ним и пытаюсь молиться. Если я близко наклонюсь к лицу Айзека, то почувствую тепло, исходящее от его кожи. Никто не учил меня, как молиться. Я не знаю, кому молюсь: ожиревшему богу, который всегда ухмыляется? Богу с головой женщины и с туловищем мужчины? Богу с дырами на кистях рук и ступнях? Молюсь всему что можно. Мой рот движется со словами, умоляющими словами. Я никогда раньше не говорила с Богом. Отчасти винила его за всё плохое, что случилось со мной. Я утверждаю, что нет, но это не так. Обещаю никогда не винить Бога снова, если он только спасёт Айзека.

Думаю, он услышал меня, когда Айзека внезапно перестаёт трясти. Но когда я опускаю голову к его рту, то чувствую не глубокое дыхание. Я молюсь непосредственно Богу с отверстиями в руках. Он кажется тем, с кем нужно говорить. Бог, который познал боль.

— Это Айзек, — говорю я ему. — Он помог мне, и теперь здесь. Он не сделал ничего, чтобы заслужить это. И не должен умереть из-за меня.

Затем я обращаюсь непосредственно к Айзеку:

— Ты не можешь сделать так снова, — говорю я ему. — Это уже второй раз. Не справедливо. Сейчас мой черёд умирать.

Я наклоняюсь, касаясь своим лбом его. Хочу лечь на него и забрать его жар, но сейчас не время остужать. Поднимаю голову и смотрю на него сверху вниз. Боюсь оставить Айзека и пойти искать лекарства. Мы закрыли отверстие под столом несколько недель назад. Но может быть, он что-то забыл. Может быть, есть ещё лекарство там внизу: таблетки, которые упали на грязный пол. Чудо в тёмном углу. Знаю, что маловероятно, но не могу просто сидеть здесь и ничего не делать. Целую его в губы и встаю.

— Не умирай, — предупреждаю его. — Если ты умрёшь, я последую прямо за тобой.

Если он слышит меня, то угроза моей смерти сработает. Он будет держаться, только чтобы выжила я. Выскакиваю из комнаты и несусь на кухню. На этот раз столешницу легче оттеснить. Я сильнее. Хватаю фонарик и спускаюсь вниз по лестнице, которую Айзек оставил на месте. Зёрна риса всё ещё разбросаны по полу с того дня, когда я порвала мешок. Они впиваются в ступни через носки, и мои пальцы подворачиваются. Полы и полки пусты. Я провожу рукой вдоль них, испытывая удачу. Заноза застревает в ладони, и я вытаскиваю её. Металлический ящик с медицинским крестом на стене открыт. На полках ничего нет, только пыль. Я хватаю ящик и пытаюсь сорвать его со стены, но он привинчен болтами. Мои мышцы менее эффективны, чем мой гнев.

— Я даже не могу сорвать что-то со стены! — кричу я в никуда.

Просовываю пальцы в волосы и тяну, пока мне не становится больно. Сначала я чувствую себя бессильной, затем ощущаю безнадёжность, потом накатывает непреодолимое горе. Я не могу справиться с этим. Не знаю, что делать с самой собой. Падаю на колени и хватаюсь за бока. Не могу этого сделать. Не могу. Я хочу умереть. Я хочу убить. Все эти чувства разом наполняют меня.

«Ты эгоистка», — слышу я внутренний голос. — «Айзек умирает, а ты думаешь о том, как чувствуешь себя».

Голос прав. Я встаю и стряхиваю рис с колен. Когда поднимаюсь обратно вверх по лестнице, то единственный признак того, что я до этого сломалась — мои дрожащие руки.

Я возвращаюсь в комнату, чтобы проверить Айзека. Он всё ещё дышит. Тогда я вспоминаю про книгу, которую нашла в основании карусельной кровати. Мне всегда казалось странным, что наш похититель оставил эту книгу в одном доме с врачом.

Прижимаю крышку к груди и вижу книгу, лежащую на дне. На её обложке лежит один кусочек пазла. Я смахиваю пыль. Это единственная книга, которую я спасла, когда мы сжигали всё, что помогло бы сохранить тепло. В том, что я оставила её, нет смысла. У меня был Айзек, чтобы ответить на вопросы медицинского характера. Айзек наложил мне швы. Я сохранила её для себя. На каком-то уровне я знала, что Смотритель Зоопарка положил её здесь для меня. Мой желудок стискивает. Я пролистываю индекс. Страница 546. Жар.

Строчки, которые я ищу, отмечены. Розовым Цветом. «Это совпадение», — думаю я. Старый учебник, как те, которые покупают во дворе распродажи или что-то вроде того. Этот человек не мог знать, что Айзек будет охвачен лихорадкой, которая может его убить. Мог ли он? Меня вдруг прошибает озноб. Поднимаю голову, и когда это делаю, мой взгляд падает на глаз чёрной лошади. Я бросаю книгу.

Это игра. Теперь мой шаг. Я спускаюсь в деревянный шкаф. Там больше нет дров; Айзек хранил инструменты в деревянном шкафу вместе с девятой главой. Я беру топор с места, где он висит, не обращая внимания на глянцевые страницы, которые развешаны сверху донизу по внутренним стенкам. Прикасаюсь к лезвию кончиком пальца. Айзек держал его заточенным. «На всякий случай. На тот случай, если Сенна потеряет голову и будет нуждаться в этом», — думаю я. Поднимаюсь вверх по лестнице и поворачиваю направо к карусельной комнате. Книга валяется на ковре, где я её бросила. Неловкое пятно на полу. Я отпихиваю её в сторону и смотрю на свою лошадь. Прямо в глаза. Нас с этой лошадью однажды связала стрела в сердце. А сейчас я чувствую, будто она предала меня. Заставила меня её полюбить, со своим костным седлом, символами смерти и патологическим весом. Прикармливая меня перед падением.

— Дай то, что ему нужно, — говорю ей. — Я сделаю всё, что ты хочешь. Просто дай мне то, что ему нужно. — А потом — шах и мат.

Я поднимаю топор и, не останавливаясь, машу им, пока руки не превращаются в желе, зубы стучат друг о друга с достаточной силой, чтобы причинить головную боль, а лошадь представляет из себя беспорядочно разорванный металл. Она напоминает мне о внутренностях банки из-под «Кока-колы», которую я когда-то разрезала ножом.

Он больше не видит нас. Почему мне потребовалось так долго времени, чтобы это понять?

Я лежу рядом с Айзеком, не двигаясь, как камень. Слышу, как снаружи ветер закручивает снег. В комнате Айзека нет окна. Она на стороне дома, которая обращена к скале и генератору, который Смотритель Зоопарка не хотел нам показывать. Но через проход находится карусельная комната, и шум доносится оттуда. Звук похож на метель. Мне всё равно. Мне холодно. Я голодна. Я отчаялась. Застряла в бесконечной петле, постоянно борюсь за выживание.

Поднимаю голову и проверяю его дыхание. Слабое. Ему нужна жидкость. Подношу чашку с талой водой к губам Айзека, но она просто вытекает из его рта, когда я пытаюсь заставить его пить. Я прочитала выделенную часть в книге и делаю всё, что она говорит мне. Хотя это не так много. Приложить прохладную ткань ко лбу, мы в Арктике. Держать температуру в комнате прохладной, мы находимся в Арктике. Накрыть его лёгким одеялом, даже если оно сделано из меха, мы в Арктике. Жидкость. Это самое главное, а я не могу заставить его проглотить что-нибудь. С этим я ничего не могу поделать.

Айзек начинает бормотать, веки мужчины дёргаются от происходящего в его снах. Это просто слова, которые исчезают прежде, чем он их заканчивает. Мучительные стоны и вздохи смешиваются со скрежетом его зубов. Я наклоняюсь ухом к губам Айзека и пытаюсь понять, что он говорит, но как только я это делаю, он замолкает. Я боюсь. Мне действительно чертовски страшно. Он, вероятно, зовёт жену. А я — всё, что у него есть.

— Тише, — говорю я ему. — Побереги силы. — Хотя, в действительности, говорю себе.

На некоторое время я засыпаю. Когда просыпаюсь, моё тело прижимается к Айзеку. Я пыталась добраться до его тепла, пока спала. Слишком боюсь двигаться. Если он горячий, то всё ещё жив. Айзек издаёт гортанный звук. Я испытываю облегчение. Встаю и развожу огонь. Стараюсь собрать всё тепло в ладонях и шевелю пальцами по направлению пламени. Каждые несколько минут я смотрю через плечо, чтобы проверить движения его груди. Та едва движется. Скорее, похоже на трепетание.

Ко мне приходит идея. Я встаю и хватаю чашку воды с прикроватного столика. Чаша прохладная по сравнению с моей рукой. Поднимаюсь на кровать и перекидываю через него ногу, пока не усаживаюсь сверху. Удерживаю свой вес над телом, приподнявшись на коленях. Мне просто нужно на что-то опереться, чтобы добраться к его губам. Глядя вниз на тощее лицо Айзека, я делаю глубокий поток воды. Вероятно, это глупая идея, но некому меня осудить. Склоняю голову вниз, пока мои губы не касаются Айзека. Такое ощущение, будто мой рот прижат к перегретому двигателю автомобиля. Его губы автоматически раскрываются. Я проталкиваю воду в его рот и плотно прижимаюсь к губам мужчины, чтобы не дать ей вытечь. Чувствую, как его горло двигается, чувствую, как вода проталкивается вниз, вниз, вниз к его пищеводу. Полагаю, что слышу звон, когда она попадает в его пустой желудок.

Делаю это снова. Второй раз не так удачно как в первый; вода вытекает через края рта и течёт по его лицу, он кашляет, но я продолжаю пробовать. Когда Айзек принимает с рюмку

растаявшего льда, я скатываюсь с него и ложусь, глядя в потолок. После того, как я провела часы не в силах сделать хоть что-то, это кажется достижением. Одно из самых эпичных достижений. Раньше, когда я заканчивала книгу, то была удовлетворена. Если я оказывалась в списке бестселлеров «*Нью-Йорк Таймс*», то была удовлетворена. Если они снимали фильм по моему бестселлеру, я действительно была удовлетворена. Теперь, когда мужчина, с которым я похищена, делает глоток воды, я готова носиться по комнате в победном танце.

Мои конечности и мозг вялые. Повторяю процесс каждые двадцать минут. Если я пытаюсь слишком часто, он начинает задыхаться. Я так боюсь, что сердце Айзека остановится, поэтому держу ладонь прижатой к его груди и чувствую ленивый глухой стук.

— Поддерживай в нём жизнь, — говорю я. — Продолжай биться.

Уф. Мои слёзные протоки пылают. Я тру кулаками глаза, как ребёнок. Мне нужно снова наполнить воду в чашке. Я могла бы проскользнуть в ванную из-за угла, но вода из крана коричневого цвета и на вкус, как медь. Айзек и я обычно пьём снег. Мой рот сухой, а горло саднит. Я не хотела пить воду из чашки. Не хочу оставлять его, но мне нужно попить, облегчится и принести ещё снега, поэтому я слезаю с кровати.

Спускаюсь вниз по лестнице, схватив свою куртку с перил. Резиновые сапоги Айзека у входной двери. Я проскальзываю в них и тащусь на кухню, чтобы захватить кувшин для снега. Кувшин под раковиной. Наклоняюсь вниз, чтобы достать. Когда я выпрямляюсь, то смотрю в окно, чтобы оценить метель. Вот тогда я и вижу его.

Смотритель Зоопарка выманивает меня на улицу в метель. Я знала, в конце концов, он придёт. Никто не устраивает подобное шоу, не ожидая аплодисментов. Я вижу его из окна кухни — тёмная тень на белом снегу. Он стоит лицом ко мне, но снег и ветер создают завесу из холодного хаоса. Это как смотреть на зернистую картинку в телевизоре. Он стоит там, по крайней мере, минуту, пока не убеждается, что я его вижу. Затем поворачивается и идёт к обрыву. Мои руки с силой цепляются за край раковины, пока запястья не начинают болеть от давления. У меня нет выбора, кроме как пойти туда и следовать за ним.

Айзек без сознания, его тело перегревается. Я оставляю кувшин на столе, кладу ингалятор в карман, а затем беру нож. Тот, маленький, который он оставил мне в первый день, когда я проснулась в этом аду. Это подарок. Я хочу поблагодарить его за это. Убираю его в карман и выхожу наружу, поворачивая вправо. Пять шагов по снегу, и моя нога начинает болеть. Я дрожу, и из моего носа течёт. Оглядываюсь назад на кухонное окно, боясь, что Айзек проснётся и позовёт меня. Что, если его сердце остановится, пока меня нет? Отталкиваю эти мысли и сосредотачиваюсь на своей боли. Боль проведёт меня до конца, боль поможет мне сосредоточиться.

Всё, что я вижу — его спину; силуэт на фоне белого, белого снега. Чёрное пальто обтягивает узкие плечи и свисает до колен. Он приближается к обрыву, когда я иду к нему. Если он окажется достаточно близко, может я смогу столкнуть его и наблюдать, как тот разобьётся на дне. Я смотрю в сторону, откуда он пришёл: в поисках автомобиля, другого

человека, прорези в заборе, откуда он мог бы проскочить. Ничего. Мои ноги хотят остановиться, когда я в нескольких футах от него. Тяжело, наконец, увидеть своего захватчика. Я боюсь. Боюсь, что только сросшаяся кость в ноге треснет, пока я изо всех сил преодолеваю несколько ярдов по снегу. Делаю последний шаг и оказываюсь рядом с ним. Я не вижу. Мой капюшон обёрнут вокруг лица, поэтому я не вижу ничего ни слева, ни справа, если не поворачиваю голову. Снег падает в пропасть перед нами. Тяжёлые и плотные хлопья. Они падают быстро. Нож извлечён из кармана, лезвие направлено на тело слева от меня.

— Почему? — спрашиваю я.

Снег попадает в глаза, рот и нос, пока я не чувствую, что могу подавиться.

Но ответа нет, и я поворачиваюсь лицом к похитителю, готовая вонзить нож ему в горло.

Ей в горло.

Роняю нож и, спотыкаясь, пчусь назад. Я чуть не падаю, но она протягивает руку и ловит меня.

Я кричу и вырываюсь из её рук.

— Не трогай меня!

Моя нога. Боже, моя нога. Так больно.

— Не прикасайся ко мне, — произношу я ещё раз. На этот раз спокойнее.

Я начинаю плакать. Чувствую себя маленьким ребёнком, таким запутанным, таким потерянным. Мне надо сесть и обдумать всё это.

— Доктор, — говорю я. — Что это такое?

Сапфира Элгин отворачивается обратно к обрыву, который выглядит как большая чаша, которая наполняется мукой.

— Ты не помнишь? — её голос звучит разочарованно. Мой же звучит так, будто я не могу дышать. Я достаю ингалятор из кармана, глядя на её красные губы. Не помню, чтобы она была настолько высокой, но, возможно, я съезжилась под весом всего этого.

— Почему вы это делаете, Сапфира? — меня сильно трясёт и у меня лёгкое головокружение.

Доктор Элгин качает головой.

— Я не могу сказать тебе то, что ты и так знаешь.

Я не понимаю её. Но, очевидно, она сошла с ума.

— Ты можешь спасти его. Отправить обратно к жене и ребёнку, — говорит она.

Я молчу. Не чувствую своих ног.

— Как?

— Только скажи. Это твой выбор. Но ты должна остаться.

Чувствую боль в груди. Сапфира видит взгляд на моём лице. Усмехается. Я припоминаю в ней дракона, её способность заглядывать в мою душу.

— Можешь ли ты это сделать? Тебе слишком больно расстаться с ним.

— Заткнись! Заткнись! — я закрываю свои уши руками.

Моя кожа сверхчувствительна. Я закипаю. Хочу напасть на неё, рыдать и кричать, и умереть, и всё сразу.

— Ты больна, — шепчу я. Поднимаю руку с ножом, но она не делает ни одного шага, чтобы остановить меня или отойти. Я опускаю руку. Спасти Айзека и умереть здесь.

— Да. Если это мой единственный выбор, да. Забери его. Он болен и у нас больше нет

никаких лекарств. — Я хватаю её за руку. Мне нужно, чтобы она взяла его с собой. — Сейчас! Отвези его в больницу.

Откуда она взялась? Может быть, если я смогу пересилить её, то смогу добраться до её машины. Позвать помощь. Но, даже думая об этом, я знаю, что слишком слаба, и знаю, что она пришла не одна.

Женщина с интересом наблюдает за моей борьбой. Мне так холодно. У меня так много вопросов: ящик, моя мать... *Почему? Почему? Почему?* Но мне слишком холодно, чтобы говорить.

— Почему? — спрашиваю я снова.

Она смеётся. Её дыхание отталкивает снег подальше ото рта. Я наблюдаю, как хлопья летят горизонтально, а затем продолжают свой танец к земле.

— Сенна, — говорит она. — Ты влюблена в Айзека.

Я не знаю этого, пока слова не покидают её рот. Тогда я всё осознаю, и это похоже на удар под дых.

Я влюблена в Айзека.

Я влюблена в Айзека.

Я влюблена в Айзека.

Что случилось с Ником? Я стараюсь припомнить свои чувства к Нику. Чувства, которые заключили меня в тюрьму на десять лет, сделали из меня гниющий труп для отношений. Всё, что я делала в течение многих лет — наказывала себя за то, что оказалась не той, которая нужна ему. За разочарование мужчины, которого я любила больше всего. Но здесь, в мороз, с метелью, закручивающейся вокруг меня, и под взглядом водянистых глаз моей похитительницы, зондирующих моё лицо, я не могу вспомнить, когда в последний раз думала о Нике. Айзек получился от Ника. Но когда? Каким образом? Почему я не заметила, когда это произошло? Как может моё сердце переключить привязанность без моего ведома?

Доктор — нет, я не буду называть её доктором после того, что она сделала — Сапфира выглядит самодовольной.

Мне так холодно, я не могу думать ни о чём, кроме как о холоде. Даже не могу испытывать гнев.

Я опускаю руку на внешнюю сторону кармана, где лежит мой ингалятор. Не хочу использовать его снова.

— Забери его, — снова говорю я. — Пожалуйста. Он очень болен. Забери его сейчас.

Мой голос безумен. Ветер набирает обороты. Когда я поворачиваю голову, то больше не вижу дом. Я сделаю всё, что она говорит, лишь бы женщина спасла Айзека.

Она достаёт из кармана шприц и протягивает его мне.

— Иди, попрощаться с ним. Используй это.

Я беру шприц и киваю, хотя не думаю, что она видит меня из-за снега.

— А что, если я воткну его в вашу шею прямо сейчас?

Чувствую её ухмылку.

— Тогда мы все умрём. Готова ли ты к этому?

Нет. Я хочу, чтобы Айзек жил, потому что он этого заслуживает. Хотела бы я, чтобы Айзек мог сказать, что мне делать. Я была права по поводу Смотрителя Зоопарка. Не ожидала этого. Я создала профиль своего похитителя, но никогда не представляла лицо Сапфиры Элгин. Это меняет всё, из-за её близкого знакомства со мной у неё преимущество надо мной.

Я хватаю шприц. Не вижу дом, но знаю, в каком он направлении. Так что я иду. Иду, пока не натыкаюсь на брёвна. Тогда я держусь замёрзшими руками за брёвна и достигаю двери. Распахиваю её, валюсь на нижнюю ступеньку и вся дрожу. Здесь тепло, но не достаточно. Поднимаюсь по лестнице. Айзек в своей комнате, где я и оставила его. Добавляю полено к потухающему огню и заползаю к нему в постель. Он горит; его кожа извергает тепло, которого я так сильно жажду. Прижимаюсь губами к его виску. Там теперь много седого. Мы соответствуем друг другу.

— Эй, — произношу я. — Ты помнишь время, когда появлялся каждый день, чтобы заботиться о совершенно незнакомом человеке? Я никогда не благодарила тебя за это. На самом деле, я не собираюсь благодарить тебя и сейчас, потому что это не мой стиль. — Прижимаюсь ближе к нему, сжимая его щёку в своей руке. Волосы колют мою ладонь. — Я собираюсь сделать нечто, чтобы на этот раз позаботиться о тебе. Возвращайся к своему ребёнку. Я люблю тебя. — Наклоняюсь и целую его в губы, а затем встаю с кровати и поднимаюсь на чердак.

Я ничего не чувствую...

Я ничего не чувствую....

Я чувствую все.

Я долго смотрю на иглу, взвешивая шприц в своей ладони. Не знаю, что произойдёт, когда я это сделаю. Сапфира может мне лгать. Возможно, теперь у неё есть более зловещий план, когда Айзек вышел из игры. То, что в шприце, может убить меня или усыпить, и она оставит меня здесь умирать. Я была бы благодарна за это. Я могла бы дать отпор. Я могла бы подождать и вонзить иглу в её шею и самой попытаться свои шансы со спасением Айзека. Но я не хочу рисковать его жизнью. Он понятия не имеет, что Сапфира несёт ответственность за наше пленение. Участие в его перевозке отсюда и предоставление ему помощи, подвергнет её риску быть обнаруженной. Я вонзаю иглу в вену на своей руке. Это больно. Потом поворачиваюсь спиной к постели, прижимаясь задней стороной коленей к матрасу, и развожу руки в стороны. *«Так ощущается любовь»*, — думаю я. Это тяжело. Или, может быть, тяжела ответственность, которая приходит вместе с ней.

Я падаю назад. Впервые ощущаю свою мать в падении. Она выбрала своё спасение. Она не могла выдержать тяжесть любви, даже ради собственной плоти и крови. И в этом падении я чувствую её решение оставить меня. Это снова разбивает моё сердце. Первый человек, с которым вы соединены — ваша мать. Связь, состоящая из двух артерий и вены. Она поддерживает в вас жизнь, разделяя свою кровь, тепло и даже жизнь. Когда мы рождаемся, и врач разрезает эту связь, формируется новая. Эмоциональная связь.

Моя мама держала и кормила меня. Она мягко гладила мои волосы и рассказывала истории о феях, которые жили в яблонях. Пела мне песни, пекла для меня лимонные пироги с розовой глазурью. Целовала моё лицо, когда я плакала, и рисовала маленькие круги на моей коже кончиками пальцев. А потом она бросила меня. Ушла, будто ничего из этого не имело значения. Будто никогда не было связи с двумя артериями и веной. Будто наши сердца никогда не были связаны. Я была не нужной. Меня можно было бросить. Я была маленькой девочкой с разбитым сердцем. Айзек разрушил те чары, которые она наложила на меня. Он научил меня, что *не* все и *не* всегда меня бросают. Незнакомец, который боролся, чтобы я выжила.

Я кричу вслух. Переворачиваюсь на бок и натягиваю рубашку на лицо, прижимая материал к глазам, носу и рту. Я плачу, а моё сердце так красиво болит, что я не могу

принять эти уродливые звуки, которые поднимаются из моего горла.

Я когда-то читала, что существует невидимая нить, которая соединяет тех, кому суждено встретиться, независимо от времени, места или обстоятельств. Нить может растягиваться или запутаться, но она никогда не оборвётся. В то время как наркотик усыпляет меня, я чувствую эту нить. Закрываю глаза, давясь собственной слюной и слезами, и почти чувствую, как она дёргается и тянется, пока та забирает Айзека.

«Пожалуйста, не дай ей оборваться», — молча, взываю я к нему. Мне нужно знать, что некоторые нити не могут оборваться. А затем наркотик поглощает меня.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Когда я просыпаюсь, Айзека нет в его постели. Его нет в доме. Я проверяю каждый угол, волоча за собой свою наполовину бесполезную ногу. Думаю, я была в отключке, по крайней мере, двадцать четыре часа, возможно больше. Выхожу наружу в огромных и неуклюжих сапогах Айзека, погружаюсь в свежий снег. Метель занесла снегом всю нижнюю половину дома. Снег покрывает всё вокруг изящными завитками белого. Белый, белый, белый. Всё, что я вижу — это белый. Будто дом одет в свадебное платье. Если здесь и были следы шин, то их занесло. Я иду, приближаясь к забору. Испытываю желание прикоснуться к нему. Для того чтобы позволить напряжению пронзить тело и остановить моё сердце. Свою руку в перчатке я протягиваю в сторону решётки забора. Мои лёгкие шерстяные перчатки никак не защищают от холодного воздуха. *«С тем же успехом я могла бы носить кружева»*, — думаю я в тысячный раз.

Айзек ушёл. Мои руки замирают в воздухе. Понятия не имею, доставила ли Элгин его в больницу. Я ещё на дюйм приближаю руку к забору. Но если она всё же это сделала, Айзек будет жить. И я смогу увидеть его снова. Мои руки падают по сторонам. Она сумасшедшая. Кто знает, может она заперла его в другом месте, и продолжает играть в свои безумные игры.

Нет. Доктор Элгин всегда делает то, о чём говорит. Даже если это означает запереть меня, как животное, чтобы исправить.

В последний раз я виделась с Сапфирой Элгин через год после того, как получила судебный приказ против Айзека. Встречалась с ней раз в неделю в течение года. Если сначала во время наших встреч она пыталась извлечь один за другим осколки из моего строго изолированного мозга, то потом они стали более расслабленными. Более приятными. Мне было необходимо поговорить с кем-то, кто на самом деле не заботился обо мне. Она не пыталась спасти меня или улучшить моё состояние любовью; она получала плату (сто долларов за час), чтобы непредвзято заглянуть мне в душу и помочь найти сверчков. Вот как она их называла: сверчки. Маленькие щебечущие звуки, которые были либо сигналами тревоги, либо эхом, либо неписаными словами, которые должны были быть сказанными. В любом случае, так думала я. Оказалось, что Сапфиру это волновало намного глубже, и это

был для неё не только способ получить оплату.

Она пересекла пределы божественного провидения. Играя с судьбами и жизнью, и здравомыслием. Но тогда, в тот последний раз, когда мы виделись, женщина сказала то, что, в конце концов, должно было стать ключом к разгадке её безумия.

Я рассказала ей, что пишу новую книгу. О Нике. Её это расстроило. Не так, как это демонстрирует нормальный человек, когда он недоволен. Даже не знаю, могу ли я точно определить, как поняла, что это расстроило Элгин. Может быть, её браслеты звенели немного больше в тот день, когда она делала заметки в своём жёлтом блокноте. Или, может быть, её рубиновые губы сжимались немного жёстче. Но я знала. Призналась ей, что испортила всё, но не была уверена как. Когда наша встреча подошла к концу, женщина схватила меня за руку.

— Сенна, — сказала она, — ты хочешь получить ещё один шанс, чтобы узнать истину?

— Истину? — повторила я её слова, и не была уверена, к чему врач клонит.

— Истину, которая сможет освободить тебя...

Её глаза напоминали два горящих уголька. Я сидела достаточно близко, чтобы почувствовать запах духов врача: экзотический, как мирра и жжёное дерево.

— Ничто не может меня освободить, Сапфира, — ответила я, в свою очередь. — Вот почему я пишу.

И повернулась, чтобы уйти. Я была на полпути к двери, когда она позвала меня по имени:

— Существует три вещи, которые скрыть невозможно: солнце, луна и истина.

Я слегка улыбнулась, пошла домой и забыла, что она сказала. После той встречи я за месяц закончила книгу. Всего тридцать дней, чтобы написать книгу. Тридцать дней, в течение которых я ни ела, ни спала и не делала что-либо вообще, а лишь стучала по клавиатуре. И после того, как книга оказалась закончена, а катарсис завершился, я больше не возобновляла наши с ней встречи. Из её офиса позвонили и оставили сообщение на моём телефоне. В конце концов, позвонила она сама и оставила сообщение. Но я с ней закончила.

— Существует три вещи, которые скрыть невозможно: солнце, луна и истина, — произношу я вслух, вороша память в своей голове. Вот откуда появилась эта идея? Заключить меня в этом месте, где долгое время были скрыты солнце и луна? Где также медленно, как просачивающаяся патока, я бы обнаружила сверчков истины в своём сердце?

Моя Смотрительница Зоопарка думала, что она своего рода моя спасительница. И что теперь? Я буду здесь одна голодать и замерзать? Какой в этом смысл? Я так ненавижу её. Хочу сказать ей, что её безумная игра не сработала, что я такая же, какой была всегда: разбитая, мрачная, со склонностью к саморазрушению. Кое-что приходит мне в голову, цитата Мартина Лютера Кинга. *«Я верю, что за безоружной истиной и безусловной любовью останется последнее слово в этом мире».*

— Пошла ты, Сапфира! — кричу я.

В гневе я протягиваю руку и хватаюсь за забор.

Я плачу из-за того, что, как думала, должно произойти. Но ничего не происходит. И только сейчас замечаю, что не слышу гудения. Забор всё время издавал гул. Мои голосовые связки замёрзли, язык прилип к нёбу. Я двигаю языком и пытаюсь облизать губы. Но у меня во рту так сухо, что их нечем смочить. Отпускаю звенья цепи и смотрю через плечо на дом. Я оставила входную дверь открытой, она зияет тёмным пятном среди белизны снега. Не хочу возвращаться. Было бы умно пойти и одеть больше слоёв одежды. Больше носков. Прежде

чем выйти, я накинула лишь одну из толстовок Айзека сверху того, во что уже была одета. Но воздух проникает через оба слоя, будто они сделаны из салфеток. Я иду обратно к дому, ковыляя на больной ноге. Одеваю больше одежды, рассовываю по карманам немного еды. Прежде чем выйти, я поднимаюсь по лестнице в карусельную комнату. Опустившись перед шкафом, ищу тот кусочек паззла, который избежал топки. Он там, в углу, покрыт пылью. Я кладу его в карман и в последний раз обхожу свою тюрьму.

Забор. Проталкиваю пальцы через проволоку и тянусь вверх. Покинув это место с Айзеком, Сапфира могла забыть снова, включить забор. Если она вернётся, я не хочу быть здесь. Я скорее умру от холода свободной в лесу, чем запертой за электрическим забором, где буду превращаться в кубик льда.

Сапоги Айзека большие. Я не могу поместить носок в восьмиугольники, которые составляют сетку забора. Я поскользнулась два раза, и мой подбородок врезался в металл как персонаж из мультфильмов Луни-Тюнс. Чувствую, как по шее стекает кровь. Я даже не пытаюсь её стереть. Я в отчаянии... маниакальном. Я хочу выйти. Взбираюсь на забор. Мои перчатки цепляются за торчащие куски стали. Когда они полностью рвутся, металл липнет к коже на моей ладони, разрывая нежную плоть. Я продолжаю подниматься. Вдоль верхней части забора, по всей длине, натянута колючая проволока. Я даже не чувствую шипы, когда хватаюсь за неё и перекидываю ногу. Мне удаётся перенести обе ноги и сохранить хрупкий баланс на внешней стороне забора. Колючая проволока прогибается под моим весом. Я теряю равновесие... и падаю.

Я чувствую свою мать в падении. Может быть, это потому, что я так близко к преисподней. Интересно, если моя мать умерла, увижу ли я её, когда умру. Обдумываю всё это за три секунды своего полёта к земле.

Один.

Два.

Три.

Я задыхаюсь. Чувствую, будто в мои лёгкие закачали весь существующий воздух, а затем в одно мгновение из меня всё выкачали. Сразу же ощупываю себя. Я с трудом дышу, но мои руки пробегают по телу в поиске сломанных костей. Когда я уверена, что после *этого* падения ничего не сломалось, то сажусь, со стоном, хватаясь за затылок. Ощущение будто мне вышибло мозги. Снег смягчил падение, но голова обо что-то ударилась. У меня уходит некоторое время на то, чтобы подняться на ноги. Скорей всего, у меня будет огромная шишка... может быть, даже сотрясение мозга. Хорошие новости в том, что если у меня сотрясение мозга, я просто упаду в обморок. Даже не почувствую, как дикие животные разорвут меня на части. Не почувствую, как замерзну. Не стану есть кору деревьев и страдать от когтей голода. Просто и надёжно, кровотечение в мозг и... ничего. Упаковки с арахисом, которые я положила в карманы, рассыпались по снегу. Я собираю их и затем откидываю голову назад, чтобы посмотреть на забор. Хочу понять, с какой высоты я упала. Примерно четыре метра?

Поворачиваюсь к лесу, больная нога тонет в мягких насыпях снега. Слишком глубоко, чтобы вытащить её. Передо мной небольшая тропинка, проложенная среди деревьев, но я резко оборачиваюсь назад. До забора всего три метра, но это трудный путь. Я смотрю на него в последний раз. Ненавижу это место. Ненавижу этот дом. Но это место, где Айзек подарил мне любовь, не ожидая ничего взамен. Поэтому я не могу слишком сильно ненавидеть его.

Пожалуйста, пожалуйста, пусть он будет жив.

И тогда я начинаю идти.

Я слышу рокот лопастей вертолета.

Блоп-блоп

Блоп-блоп

Блоп-блоп

Мои глаза открываются. Мне приходится использовать пальцы, чтобы веки не слипались, и даже тогда они продолжают закрываться.

Блоп-блоп

Похоже, он приближается. Я должна встать, выйти наружу. Я уже снаружи. Под своими пальцами я чувствую снег. Поднимаю голову. Слишком много боли. Что с моей головой? Ах, да, я упала. Перелезая через забор.

Блоп-блоп

Блоп-блоп

Мне нужно выбраться на поляну. Туда, где они меня увидят. Но вокруг лишь деревья. Всё это время я шла. Я в гуще зарослей. Могу протянуть руку и прикоснуться к ближайшему стволу мизинцем. И я остановилась здесь, потому что думала, что здесь теплее? Возможно, я просто свалилась? Не помню. Но я слышу, как лопасти вертолѐта разрезают воздух, но я должна сделать так, чтобы они меня увидели. Использую ближайший ствол дерева, чтобы встать на ноги. Спотыкаюсь, ковыляю в сторону, откуда пришла. На снегу я вижу свои следы. Место кажется знакомым. Там я вижу небо. Это дальше, чем я думала, и когда оказываюсь на месте и поднимаю голову, *блоп-блоп* слышится не так отчётливо, как раньше. У меня нет времени на то, чтобы разводить огонь. Когда я представляю, что пытаюсь развести огонь из кучи дерева на снегу, мне становится смешно. Возвращаться в дом слишком поздно, как долго меня там не было? Я совершенно потеряла чувство времени. Два дня? Три? Вдруг меня пронзает мысль. Айзек жив! Он отправил за мной людей. Мне не остаётся ничего, я стою на поляне, задрал голову вверх, и жду.

Меня доставляют в ближайшую больницу в Анкоридже. Толпы журналистов новостных каналов уже ожидают снаружи. Я вижу вспышки, слышу хлопанье дверей и голоса, в то время как меня завозят на каталке в отдельную палату через чёрный вход. Медсѣстры и врачи в форме цвета лосося бросаются ко мне. Я готова скатиться с каталки и скрыться. Здесь слишком много людей. Хочу сказать им, что я в порядке. Я профи в выживании. Нет необходимости в таком количестве медицинских работников или во всех этих анализах. Их лица серьёзны, они сосредоточены на моём спасении. Но на самом деле, спасать нечего.

Тем не менее, иглы пронзают мои руки снова и снова, пока они не немеют. Меня комфортно устраивают в вип-палате, и только капельница составляет мне компанию. Медсѣстры спрашивают, как я себя чувствую, но я не знаю, что ответить. Знаю лишь, что моё сердце бьѣтся, и что мне больше не холодно. Они говорят, что я обезвожена, страдаю от

недоедания. Мне хочется воскликнуть: «Да неужели!», но пока я не могу составить и слова. Через несколько часов меня кормят. Или пытаются. Простая пища, которую мой пустой желудок сможет переварить: хлеб и что-то белое и мягкое. Я отталкиваю еду в сторону и прошу кофе.

Они говорят:

— Нет.

Когда я пытаюсь встать и сказать им, что могу сама сходить за кофе, они его мне приносят.

Затем появляется полиция. Всё выглядит официально. Я говорю им, что сначала хочу поговорить с Сапфирой, прежде чем расскажу им что-либо. Им нужно моё заявление; они щёлкают кнопками на концах ручек и протягивают ко мне диктофоны, но я просто смотрю на них, плотно сжав губы, пока не смогу поговорить с Сапфирой.

— Вы сможете поговорить с ней, когда будете себя хорошо чувствовать, чтобы прийти в участок, — говорят они мне.

Холодок пробегает по моему телу. Они держат её. Здесь.

— Вот тогда я поговорю и с вами, — отвечаю им.

За день до выписки меня посещают два врача, один онколог, а другой хирург-ортопед. Ортопед держит рентгеновский снимок моей ноги.

— Кость зажила неправильно, поэтому, когда вы долго стоите, у вас начинает болеть нога. Я назначил вам...

— Нет, — говорю я ему.

Он вглядывается в мое лицо.

— Нет?

— Я не заинтересована в лечении. Оставляю всё так. — Открываю журнал, который лежит у меня на коленях, показывая этим, что разговор окончен.

— Мисс Ричардс, при всём уважении, неправильное срастание кости, которая была вызвана несчастным случаем, будет причинять вам боль всю оставшуюся жизнь. Вам необходима операция, чтобы это исправить.

Я закрываю свой журнал.

— Я люблю боль. Мне нравится, что она осталась. Она напоминает человеку о том, что он пережил.

— Это очень уникальный взгляд — говорит тот. — Но не практичный.

Я швыряю журнал в сторону. Он летит с удивительной силой и с огромным стуком ударяется об дверь. Потом стягиваю вниз свой больничный халат, пока не появляются шрамы на груди. Похоже, врач сейчас упадёт в обморок.

— Мне нравятся мои шрамы, — твёрдо произношу я. — Я честно их заработала. Теперь убирайтесь.

Как только дверь за ним закрывается, я кричу. Медсестры врываются ко мне в палату, но я бросаю в них кувшин с водой. Теперь, полагаю, они закроют меня в психушке.

— Убирайтесь! — кричу я на них. — Прекратите указывать мне, как жить!

К онкологу я более благосклонна. Она получила мою карту из больницы в Сиэтле и провела ежегодные тесты, которые я пропустила из-за заключения. Когда врач рассказывает мне о результатах, то сидит на краю моей кровати. Это так сильно напоминает мне об Айзеке, что я чувствую себя разбитой. Когда она заканчивает, то говорит, что я создана для того, чтобы бороться, эмоционально и физически. Я по-настоящему ей улыбаюсь.

Через несколько дней меня отвозят в полицейский участок на заднем сидении патрульной машины. Она воняет плесенью и потом. На мне одежда, которую мне выдали в больнице: джинсы, уродливый коричневый свитер и зелёные кеды. Медсестры пытались причесать мои волосы, но, в конце концов, сдались. Я попросила ножницы и отрезала запутавшийся клок. Теперь волосы едва касаются моей шеи. Я выгляжу глупо, но кого это волнует? Меня на год заперли в доме, я питалась кофейной гущей и старалась не умереть от переохлаждения.

Когда мы приезжаем в полицейский участок, они сажают меня в комнату, передо мной стоит чашка кофе, а рядом лежит рогалик. Ко мне заходят два детектива и пытаются принять моё заявление.

— Не раньше, чем я поговорю с Сапфирой, — отвечаю им.

Не знаю, почему для меня так важно сначала поговорить с ней. Может, я думаю, что они меня обманут и будут удерживать подальше от неё. Но, наконец, один из детективов, высокий, от которого несёт сигаретным дымом, и который слишком мягко выговаривает букву «с», ведёт меня за руку в комнату, где они её держат. Мужчина говорит, что его зовут детектив Гаррисон. И он ведёт это дело. Интересно, сталкивался ли он когда-либо с таким случаем, как этот.

— Десять минут, — говорит он. Я киваю. Жду, пока мужчина закроет дверь, потом смотрю на неё. Она взъерошена. Её губы не покрашены тёмно-красной помадой, волосы не собраны в низкий хвост. Женщина сидит, облокотившись на стол, руки сложила перед собой. Это её типичная поза психолога.

— Что случилось, Сапфира? Вы выглядите так, будто ваш эксперимент не удался.

Она не удивлена видеть меня. На самом деле, женщина выглядит совершенно спокойной. *Она знала, что её поймают. Хотела этого. Наверное, даже планировала.* На миг разум покидает меня. Я забываю, зачем сюда пришла. Я подхожу к стулу напротив неё. Он скрипит по полу, когда я его выдвигаю.

Моё сердце колотится. Всё не так, как я себе представляла. Её лицо расплывается у меня перед глазами. Я слышу крики. Нет. Это моё воображение. Мы находимся в тихой комнате, окрашенной в белый цвет, сидим за металлическим столом. Единственный звук, который нас окружает — это тишина, и мы сидим, созерцая друг друга, так почему же мне хочется поднять руки и закрыть свои уши?

— Сапфира, — выдыхаю я. Она улыбается мне. Улыбкой дракона. — Почему ты это сделала?

— Сенна Ррричардс. Великий авторрр бестселлеррров, — мурлычет она, наклоняется вперёд и опирается на локти. — Ты не прррипоминаешь Вествик.

Вествик.

— О чём ты говоришь?

— Ты была госпитализирована, моя дорррогая. Три года назад. В психиатрическую клинику Вествик.

Мою кожу покалывает.

— Это ложь.

— Действительно ли?

У меня пересыхает во рту. Язык прилипает к нёбу. Я стараюсь пошевелить им во рту, дотронуться до внутренней стороны щеки, но он прилип, прилип, прилип.

— У тебя был психотический срррыв. Та пыталась покончить с собой.

— Этого не может быть, — шепчу ей. Я люблю смерть. Думаю об этом всё время, но на самом деле далека от самоубийства.

— Ты позвонила мне из своего дома в тррри часа ночи. Ты несла бррред. Ты морррила себя голодом. Не давала себе заснуть с помощью таблеток. Когда они нашли тебя, ты не спала уже девять дней подряд. Ты подверррглась галлюцинациям, паранойе и провалам в памяти.

«*Это не самоубийство*», — думаю я. Но уже не так уверена. Я убираю руки со стола и прячу их между бёдрами.

— Ты говорррила одно и тоже, одно и тоже, когда они доставили тебя. Прррипоминаешь?

Из меня вырывается странный звук.

Если я спрошу, о чём говорила, то это станет признанием, что я ей верю. А я не верю.

Кроме того, я всё ещё слышу крик в своей голове.

— Розовый Гиппо, — продолжает она.

Моё горло сдавливают. Крики становятся громче. Я хочу закрыть уши руками, чтобы подавить звук.

— Нет, — говорю я.

— Да, Сенна. Именно так.

— Нет! — я ударяю кулаком по столу. Глаза Сапфиры округляются. — Я говорила Зиппо.

И тут простирается тишина. Всепоглощающая, пугающая тишина. Я понимаю, что схватила наживку.

Уголки её рта приподнимаются.

— Ах, да, — щебечет она. — Зиппо, через «З». Моя ошибка.

Я как будто только что очнулась ото сна, не хорошего, просто сна, который скрывал позабытую реальность. Я не волнуюсь, не паникую. Такое ощущение, будто я проснулась после долгого сна. Хочу встать и размять мышцы. Я снова слышу крики, но теперь они относятся к памяти. *Я в закрытой комнате. Я не пытаюсь выйти. Я не забочусь о выходе. Я просто свернулась на металлической кровати и кричала. Они не могут заставить меня остановиться. Я кричала в течение нескольких часов. И прекращала только тогда, когда они усыпляли меня, но как только действие наркотика заканчивается, я снова кричала.*

— Почему я прекратила кричать? — спрашиваю я её. Мой голос совершенно спокоен. Я не могу всё вспомнить. Только отрывки: запахи, звуки и подавляющие эмоции, из-за которых я чувствовала, что могу взорваться.

— Айзек.

При звуке его имени меня сотрясает дрожь.

— О чём ты говоришь?

— Я позвала Айзека, — повторяет она. — И он пришёл.

— О, Боже, о, Боже, о, Боже. — Я сгибаюсь, обнимая себя. *Я вспомнила. Я падала и теперь, наконец, упала на землю.*

В голове проносятся вспышки видений, он заходит в комнату и ложиться в кровать позади меня. Его руки обнимают меня, пока я не перестаю кричать.

Я всхлипываю. Это некрасивый, гортанный звук.

— Почему я забыла всё это? — я до сих пор отношусь к ней, как к своему психологу;

задаю вопросы, будто она достаточно здравомыслящая, чтобы знать ответы. *Она твой Смотритель Зоопарка. Она пыталась убить тебя.*

— Такое бывает. Мы забываем вещи, которррые угрррожают сломать нас. Это лучший механизм защиты мозга.

Мне трудно дышать.

— Для тебя всё это эксперимент. Ты воспользовалась своим положением. Использовала всё, о чём я с тобой говорила.

Весь мой боевой настрой испарился. Мне просто нужны ответы, а затем я могу уйти отсюда. *Убратсья отсюда, но куда? «Домой»,* — говорю я себе. Во что бы ни стало.

— Помнишь, о чём ты меня спросила на нашем последнем сеансе? — я смотрю на неё пустым взглядом. — Ты спросила: «Если Бог существует, то почему он позволяет, чтобы с людьми случались ужасные вещи?»

Я помню.

— Свободная воля порождает плохие решения; решение вести в пьяном состоянии и убить чужого ребёнка. Решение об убийстве. Решение выбирать, кого мы любим, с кем хотим провести нашу жизнь. Если бы Бог не позволял случаться ничему плохому, то он должен был бы забрать у людей свободу воли. Он стал бы диктатором, а мы были бы его марионетками.

— Зачем ты говоришь о Боге? Я хочу поговорить о том, что ты сделала со мной!

Вдруг я понимаю. Сапфира заперла меня в доме с Айзеком, мужчиной, который, как она верила, стал моим оплотом и спасением, она контролировала лекарства, пропитание, чтобы мы видели, как мы это видели, всё это было её экспериментом со свободной волей. Она стала Богом. Как-то во время одной из наших встреч женщина сказала: *«Представь, что ты строишь на краю утёса, испытывая не только страх падения, а страх от возможности броситься вниз. Ничто не удерживает тебя, и ты испытываешь свободу».*

Утёс! Почему я этого не видела?

— Знаешь, сколько в мире таких людей как ты? Я слышу об этом каждый день: боль, печаль, сожаление. Ты хотела второй шанс. Поэтому я дала его тебе. Я дала тебе человека, не которого ты хотела, а который был тебе нужен.

Я не знаю, что сказать. Мои десять минут почти закончились.

— Не преподноси всё так, будто сделала это для меня. Ты больна. Ты...

— Это ты больна, моя дорррогая, — прерывает она меня. — Ты подвергалась саморазрушению. Была готова умереть. Я просто дала тебе перспективу. Помогла увидеть правду.

— Какую правду?

— Айзек твоя правда. Ты была слишком ослеплена прошлым, чтобы увидеть это.

Я задыхаюсь. Мой рот открыт, пока я смотрю на неё.

— Айзек женат. У него ребёнок. Ты думаешь, что заботишься о нас, но ты причинила зло ему. Заставили страдать без всякой причины. Он чуть не умер!

Детектив Гаррисон выбрал именно этот момент, чтобы вернуться. Мне нужно больше времени с ней наедине. Мне нужно больше ответов, но я знаю, что моё время истекло. Он ведёт меня к двери, держа за локоть. Я оборачиваюсь посмотреть на Сапфиру. Она спокойно смотрит в пространство перед собой.

— Он бы тоже умер без тебя, — произносит женщина, прежде чем дверь закрывается. Я хочу спросить, что она имеет в виду, но дверь захлопывается. И это последний раз, когда я вижу Сапфиру Элгин живой.

Детектив Гаррисон добродушный. Но, думаю, этот случай выше его компетенции. Он не уверен, что со мной делать, поэтому пытается накормить пончиками и бутербродами. Я не ем ничего, но ценю его внимание. Со мной в комнате ещё шесть человек; двое из них прислонились к стене, остальные сидят. Я даю показания. Рассказываю в диктофон, на что были похожи последние четырнадцать месяцев; каждый день, каждое чувство голода, каждый раз, когда я думала, что один из нас умрёт. Когда я заканчиваю, в комнате воцаряется тишина. Детектив Гаррисон первым издаёт звук, откашлявшись. Вот тогда я осмеливаюсь спросить об Айзеке. До сих пор мне было слишком страшно. Мне больно даже думать о нём. А когда кто-то говорит о нём вслух... это ощущается так неправильно. Он был со мной всё это время. Теперь его нет.

— Доктор Элгин перевезла его через канадскую границу и доставила в больницу в штате Виктория. Хотя «доставила» слишком громко сказано, — отвечает детектив. — Она бросила его за пределами приёмного покоя и сбежала. Он был без сознания в течение двадцати четырёх часов, прежде чем, наконец, начал приходить в себя. Схватил медсестру за руку и успел произнести Ваше имя. Медсестра сразу же его узнала благодаря шумихе в средствах массовой информации, которая поднялась, когда Вы исчезли. Она сообщила в полицию. К тому времени, когда они добрались до Айзека, он уже был в состоянии говорить. И рассказал, что Вы в хижине где-то недалеко от утёса, но большей информации у него не было.

Я слушаю молча.

— Так он в порядке?

— Да, он в порядке. Он со своей семьёй в Сиэтле.

Это одновременно больно и приносит облегчение. Интересно, на что это похоже — встретиться со своим ребёнком в первый раз.

— Как она это сделала? Привезла нас обоих в этот дом? Пересекла границы? Должно быть, ей оказали помощь.

Он качает головой.

— Мы по-прежнему допрашиваем её. Она отвезла Айзека в больницу в караване (*Прим. ред.: автомобиль «Додж Караван»*). Она была в том же караване, когда пыталась пересечь границу, возвращаясь обратно на Аляску. Когда они обыскали её автомобиль, то обнаружили потайное пространство, достаточно большое, чтобы туда поместились два тела. Мы думаем, она дала вам наркотик и доставила туда. Мы ничего не знаем о помощнике, мы до сих пор её допрашиваем.

— Обратно на Аляску? — спрашиваю я. — Она возвращалась за мной?

Он качает головой.

— Мы не знаем.

Я расстроена и ударяю кулаком по столу.

— А что вы знаете?

Он выглядит обиженным. Я стараюсь смягчить свою реакцию. Это не его вина. Или, может, его.

— Как тогда вы меня нашли?

— Канадские полицейские разослали ориентировку о её транспортном средстве. Она была схвачена на границе. И дала нам координаты дома, где держала Вас.

— Так просто?

Он кивает.

— Я не понимаю.

— Дом находится на большом участке земли, которым она владеет. На самом деле, большой — это мягко сказано. Она владеет землёй в сорок тысяч акров. Её покойный муж владел нефтяными скважинами. Он также был теоретиком катастроф. И опубликовал несколько книг по выживанию после Армагеддона. Мы думаем, что он построил этот дом, вдохновлённый этими теориями.

— Вы знаете всё это, но не знаете, что она собиралась сделать со мной?

— Легко найти информацию, которая уже есть, мисс Ричардс. Извлечь информацию из человеческого ума немного сложнее.

Может быть, я недооценила добродушного детектива Гаррисона.

— Моя мать...? — спрашиваю я.

Он наклоняет голову, хмурясь.

— Ничего.

Возможно, она не приложила к этому руку. Возможно, Сапфира нашла её и прочла книгу, не связываясь с ней.

— Я хочу вернуться домой, — вдруг объявляю я.

Он кивает.

— Ещё несколько дней. Потерпите нас...

Ник ждёт меня, когда мой рейс приземляется в Сиэтле. Я знала, что он будет там, потому что писатель связался со мной по электронной почте, желая знать, когда я возвращаюсь домой. Он спросил, может ли встретить меня. Я послала ему быстрый ответ, назвала дату, время и номер рейса. Когда спускаюсь вниз к эскалатору багажа, Ник замечает меня не сразу. Писатель выглядит нервным, что необычно для него. Я прячусь за огромным растением и подглядываю за ним сквозь листву. Моя муза. Мои десять потраченных впустую лет. Раньше, когда я его видела, мои эмоции бушевали. Я чувствовала, будто падаю вниз, вниз, вниз всё глубже. Теперь он просто выглядит как парень в плаще с избытком геля в волосах. Нет, это несправедливо. Выглядит как чан, полный воспоминаний: его руки, его губы, его тело, всё это память. Но они не влияют на меня так, как раньше. Либо год лишения свободы сделал меня онемевшей, либо я переросла любовь всей моей жизни.

— Куда же делось всё твоё волшебство, Ник? — произношу я сквозь листву. Хотела бы я знать, там ли оно ещё. Когда мы встретимся, почувствую ли я это, как в какой-то банальной истории любви.

Он одиноко сидит в кресле аэропорта и с опасением на лице наблюдает за прохожими. Это тонкая умственная картина. Ник видит меня, как только я выхожу из своего укрытия. Когда я иду к нему, он быстро встаёт. Обнимает меня без колебаний и с такой фамильярностью, что моё сердце невольно сжимается. Может быть, это искра.

Он знает меня. Он знает, что сказать, а что не говорить. Ник говорит на языке моего лица, и ждёт моего выражения, чтобы подобрать свой тон. Вот что делает время. Оно дает

пространство, чтобы узнать друг друга. Я расслабляюсь в его объятиях. Нет смысла бороться с чем-то подобным.

— Бренна. — Выдыхает он в мои волосы.

Я хочу назвать своё имя, чтобы исправить его, но слова застревают в горле.

— Ты готова? — спрашивает он. — У тебя есть багаж?

Я качаю головой.

— У меня ничего нет.

Ник берёт меня за руку и ведёт на стоянку. Он взял напрокат машину. Я сворачиваюсь на переднем сидении и смотрю на него. Ник единственный человек, на которого я могу смотреть и не чувствовать себя неловко.

Всю поездку домой я жду, чтобы Ник спросил меня об этом. Всё, что угодно. Хоть что-то. Всё, что угодно. Почему он не спрашивает? Несправедливо ждать этого от него. Ник никогда не выпытывал. Он ждёт и знает, что со мной можно ждать вечно. Но теперь я привыкла к чему-то новому. Забавно, как это произошло. Теперь я мысленно умоляю его, чтобы он спросил меня о чём-то. О чём угодно. Пока колеса автомобиля распыляют воду на шоссе, я чувствую в себе изменения. Когда это случилось? Даже не знаю. Наверное, там, в доме, посреди снега. Когда хирург вскрывал меня эмоционально, а музыкант подарил мне больше цвета, чем я могла принять.

В Вашингтоне сейчас лето. Как жаль. Когда мы подъезжаем к моему дому, там полно журналистов. Они выглядят сонными, пока не замечают приближающийся автомобиль. Интересно, как долго они здесь находятся. Я прилетела в Сиэтл под своим настоящим именем, чтобы избежать этого. Схватив прядь волос, я накручиваю её на палец и отпускаю, отворачиваюсь от них и указываю Айзеку в сторону гаража на другой стороне моей подъездной дороги. *Ник.* Я указываю Нику в сторону гаража. Тру свой лоб. У меня нет ключей, поэтому нам придётся пройти через гараж, чтобы попасть в дом. Я называю ему код для двери гаража, он выскакивает и набирает его. Они не могут подняться по моей дорожке, но я слышу, как позади выкрикивают моё имя.

Сенна!

Сенна Ричардс!

Знали ли Вы, что мисс Элгин стояла за вашим похищением?

Сенна, скажите нам, как это было?

Сенна, Вы виделись с Айзеком Астерхольдером?

Сенна, Вы думали что умрете?

Затем гараж закрывается, приглушая их какофонию.

Бум!

Бум!

Бум!

Стучит моё сердце...

Ник открывает для меня дверь, и мы входим в мой дом. Пыль заполняет мой нос и рот, когда я вдыхаю четырнадцатимесячный спёртый воздух. Слегка прикасаюсь к его руке. Он переворачивает руку и переплетает свои пальцы с моими. Осматривает со мной одну комнату за другой, и я чувствую себя призраком. Мужчина никогда не был в моём доме. Делать деньги на разбитых сердцах — это хороший бизнес. Когда мы достигаем белой комнаты, я резко останавливаюсь в дверях. Я не могу войти. Айзек смотрит на меня сверху вниз. *Ник.* Ник смотрит на меня сверху вниз.

— Что случилось? — спрашивает он.

Всё.

— Это, — отвечаю я, осматривая белизну своего кабинета. А затем: — Почему ты пришёл, Ник?

Мы находимся на краю белой комнаты. Технически эта комната, которую он создал, внутри меня и снаружи.

Ник выглядит поражённым.

— Ты читала мою книгу?

— Ты имеешь в виду *ту книгу*? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— Можем ли мы говорить об этом где-то ещё? — он пытается зайти в мою белую комнату, будто хочет осмотреться. Я хватаю его за руку.

— Мы поговорим об этом прямо здесь.

Я хочу, чтобы он познал то, до чего меня довёл. Я хочу знать, что это такое, прежде чем перейти другие пороги.

Он наклоняется и упирается в дверной косяк, находясь в комнате. Я повторяю его движения и прижимаюсь к косяку снаружи.

— Я был неправ. Я был молодым идеалистом. Я не понимал... — Ник морщится. — Я не понимал твою ценность до тех пор, пока не стало слишком поздно.

— Мою ценность?

— Твоя ценность для меня, Бренна. Ты воспаляешь всё во мне. Всегда воспаляла. Я люблю тебя. Никогда не переставал. Я просто...

— Был молодым идеалистом, — повторяю я.

Он кивает.

— И глупцом.

Я изучаю его. Смотрю на белый цвет. Смотрю на него.

— Ты в авторском ступоре, — произношу я. — Ты написал последнюю книгу, и все были в восторге. А теперь у тебя ничего нет.

Он выглядит испуганным.

— Скажи мне, что это не так. — Я убираю упавшую на глаза седую прядь. Но, подумав, позволяю ей упасть обратно на глаза, чтобы скрыть их.

— Это не так, — отвечает он. — Ты знаешь как нам хорошо вместе. Мы вдохновляем друг друга. Когда мы вместе, происходит нечто великое.

Я думаю об этом. Он прав, конечно. Мы были великолепны вместе. Иногда я просыпалась игривой. Хотела смеяться, флиртовать и проживать историю любви. Но уже на следующий день меня раздражало, что на меня кто-то смотрит или говорит со мной. Ник позволял мне это. Он говорил со мной в те дни, в которые я хотела говорить. И оставлял меня в покое, когда я взглядом метала в него кинжалы. Мы сосуществовали свободно и без усилий. С ним у меня было общение и любовь, и, в то же время, никто и никогда не подвергал меня сомнению. Мы были великолепны вместе. До тех пор, пока Айзек не научил меня чему-то новому.

Я не хотела, чтобы меня оставили в покое. Я хотела подвергаться сомнению. Я нуждалась в этом.

Я не знала, что мне нужен человек, который бы пробрался в моё сердце и понял, почему иногда я хотела играть, а в другое время жаждала одиночества. Мне даже не нравилось, когда он это делал. Мне было больно окунуться в себя и увидеть, «*Зачем и Почему*» у вашего

часового механизма. Вы намного уродливее, чем думаете, намного более эгоистичны, чем когда-либо сможете себе признаться. Поэтому вы игнорируете то, что внутри вас. Если вы в этом не признаётесь, не значит, что этого не существует. Пока кто-то не приходит и не выворачивает наизнанку всё, что у вас внутри. Они видят все ваши тёмные уголки, и принимают их. И говорят, что это нормально, иметь тёмные углы, вместо того, чтобы заставлять вас их стыдиться. Айзек не боялся моего уродства. Он прошёл со мной через взлёты и падения. В его любви не было никакого осуждения. И вдруг стало меньше падений и больше взлётов.

Ник достаточно любил меня, чтобы оставить в покое. Айзек знал меня лучше, чем я сама. Я сказала, что хочу, чтобы меня оставили в покое, но он знал. Я сказала, что хочу белизну, но он знал. Он оживил меня. Он просветил меня. Потому что Айзек — мой спаситель. Не Ник. Ник был просто большой любовью. Айзек знал, как исцелить мою душу.

— Нам было хорошо вместе, — говорю я ему. — Но я не она.

— Я не понимаю, — отвечает он. — Ты ни кто?

— Точно.

— Бренна, в этом нет смысла.

— А был ли он когда-нибудь?

Ник замолкает.

Я качаю головой.

— Во мне для тебя нет смысла. Вот почему ты оставил меня.

— Я буду стараться ещё сильнее.

— У меня рак. Ты можешь стараться столько, сколько хочешь, но у меня рак, и меня не будет здесь уже через год.

Выражение на его лице является смесью из сожаления и шока.

— Но... Я думал... Я думал, что ты сделала операцию.

Я никогда не говорила Нику о том, что мне пришлось удалить грудь, но мой агент и публицист знали. Информация в писательском мире распространяется быстро.

Я запятнала идеальный белый идеализм Ника. Рак случается, конечно. Но в мире Ника вы побеждаете его. И потом живёте долго и счастливо.

— У меня обнаружили его снова. Он вернулся. Четвёртая стадия.

Он начинает запинаться, не может закончить предложения. Я слышу такие слова как «лечение, химиотерапия, борьба», и моё сердце устаёт.

— Заткнись, — требую я.

Свечение Ника — эфемерное явление. Он уже похож на того тупого дебила, который думал, что я слишком тёмная для его белой комнаты.

— Уже слишком поздно. Рак дал метастазы. Пока я была там. Он вернулся. Он в моих костях.

— Должно же быть что-то...

Мужчина выглядит таким ужасно несчастным.

— Ты пытаешься спасти меня. Но я не останусь в живых, чтобы быть твоей музой.

— Почему ты так жестока?

Я смеюсь. Хороший глубокий смех.

— Очарование, одетое в нарциссизм, ты знаешь, что? Убирайся из моего дома.

— Бренна...

— Вон! — я бью его кулаками в грудь. — Это больше не моё имя!

— Ты сошла с ума, — настаивает он. — Ты не сможешь сделать это в одиночку. Позволь мне помочь тебе.

Я кричу. Он создал монстра, теперь же собирается встретиться с ним. С каждой маленькой его частицей.

— Я действительно сошла с ума! Из-за тебя! Я могу сделать это в одиночку. Я всегда делала это в одиночку. Как ты смеешь думать иначе?

Ник хватает меня за запястья и пытается успокоить. Я не собираюсь успокаиваться. Я вырываюсь и дохожу до центра моей белой комнаты, ярость исходит от меня волнами. Я могу оседлать её, но кто-то может получить травму.

— Ты это видишь, — говорю я, вскидывая руки вверх, — это ты. Из-за тебя я чувствовала себя так хорошо, а потом так ужасно. Что я решила просто прекратить чувствовать.

Он хороший художник, чтобы понять меня.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? Сейчас я здесь.

Вот и всё. Это всё, что он должен был сказать, и правда поражает меня как ледяной ветер. Мои волосы встают дыбом. Я чувствую, что горю от горя.

Хватаюсь за виски и с силой давлу на них подушечками пальцев. Я окаменела. Никогда в жизни мне не было так страшно. Ни от рака, ни от одиночества, ни от моего будущего или прошлого. Я боюсь, что никогда снова не увижу Айзека. Что он никогда не обнимет меня. Жизнь настолько абсолютна в своей несправедливости, что всё, что я могу делать — это кричать. Я обращаюсь к Нику. Нику, который сейчас здесь.

— Сейчас? — в неверии шепчу я. — В данный момент? Где ты был, когда меня изнасиловали, или когда у меня вырезали грудь? Где ты был, когда кто-то похитил меня посреди ночи и бросил голодать в сердце чёртовой арктической тундры? — я сокращаю расстояние между нами и три раза бью его по груди. — Где. Ты. Был.

Он дрожит. Я обрушила на него слова как лютой ливень, но мне по*уй. Сейчас я даже произношу такие вещи, как по*уй, потому что не хочу тратить ни секунды на белую комнату, в которой прожила всю свою жизнь. Он сейчас здесь. Но, Айзек был здесь тогда... и тогда... и тогда... и тогда.

— Я была так увлечена тобой, что упустила это, — добавляю я. И так сильно дрожу. Меня трясёт хуже, чем Ника, который сейчас похож на слабый дрожащий лист, каким он всегда был. Мне хочется раздавить его между пальцами.

— Что ты упустила, Бренна? — мне не нравится, как он меня называет.

— А-а-а-а... ар... — Я сгибаюсь пополам. Сочные, тяжёлые слёзы падают прямо из моих глаз на пол. *Шлёп.*

Думаю, я плачу. Всё время. И это так прекрасно.

— Я упустила свой шанс, — отвечаю я, выпрямляюсь и вытираю слёзы носком обуви. — Со своей родственной душой.

Ник выглядит смущённым, когда понимает о чём речь. До него доходит кто его замена — мужчина, который был заперт в доме с его бывшей музой.

— Доктор? — спрашивает он, прищутив глаза.

— Айзек. Его зовут Айзек.

— Я твоя родственная душа. Я написал эту книгу для тебя. — Он выглядит так, будто пытается убедить самого себя, его кадык дёргается и всё в этом роде.

— Ты понятия не имеешь о том, что такое родственная душа.

Я чувствую такую тягу к Айзеку. Интересно, ведёт ли он такой же спор с Дафни.

— Тебе пора уходить, — говорю я. Так хорошо произнести эти слова. Потому что на этот раз, я даже не буду плакать.

Прежде, чем принять душ, прежде, чем поесть, прежде, чем залезть в постель и уснуть со своим четырнадцатилетним кошмаром, я вызываю такси. Прошу его заехать в мой гараж, и подхожу к окну, чтобы проверить. Молодой парень около двадцати лет добровольно побритый налысо. Там, где должны быть волосы, выступают тени. Так он борется с залысинами. Дерзко и немного глупо, потому что всё ещё можно понять, почему он это делает. Его глаза округлены и окидывают взглядом всё вокруг; либо его испугали новостные фургоны, либо парень страдает от ломки. «Сойдёт», — думаю я.

Я сажусь на переднее сиденье.

— Не возражаешь? — спрашиваю его. Но на самом деле меня не волнует, если он скажет «да». Я пристегиваю ремень безопасности. — Отвези меня в один из магазинов с пиломатериалами и инструментами.

Водитель предлагает пару вариантов, и я пожимаю плечами.

— Без разницы.

Мы проезжаем мимо новостных автофургонов, и я улыбаюсь им. Не знаю, почему, но мне смешно. Раньше я была знаменита из-за своих книг, теперь знаменита из-за чего-то ещё. Это трудно переварить; я известна потому, что кто-то другой сделал нечто со мной.

Прошу моего таксиста подождать, пока отправляюсь в «Fix-It», магазин, который он выбрал. Здание огромное. Я быстро прохожу мимо отделов освещения и дверных ручек, пока не нахожу то, что ищу. Проходит около тридцати пяти минут, пока два сотрудника готовят мой заказ. У меня нет кошелька или кредитки, только пачка сто долларовых купюр, которую я засунула в задний карман перед выходом из дома. Я держала их в кладовой в старой оловянной коробке для печенья на чёрный день; суровый день, худой день, день, когда мне просто захочется спустить пачку наличных. Теперь, когда времени у меня осталось не много, я решила, что пришло время потратиться. Бросаю три купюры кассиру и выкатываю свои покупки к такси. Я не разрешаю ему помочь мне. Укладываю всё в багажник и возвращаюсь обратно на переднее сиденье.

Мои ноги дёргаются весь путь обратно. Вспышки, двери, в мою сторону летят вопросы. Я снова прошу его заехать в гараж. На этот раз он помогает мне, укладывает всё у двери, которая ведёт в коридор. Я вручаю ему остальную часть записки из оловянной коробки.

— На чёрный день, — говорю я. Его глаза вылезают из орбит. Он думает, что я сошла с ума, но, эй, я отдала ему много денег. Парень уезжает до того, как я могу изменить своё решение. Я наблюдаю, как он выезжает, и быстро закрываю дверь гаража. Хватаю в охапку свои покупки и включаю стерео носком, когда прохожу мимо него. Первая песня, которую Айзек дал мне. Громко. Я делаю ещё громче, пока она не гремит по всему дому. Уверена, её слышат все снаружи: вечеринка для одного человека.

Я заночу всё в белую комнату и открываю крышки банок ножом для масла: малиновый, жёлтый, кобальтовый, нежно-розовый, пурпурный — как синяк — и три различных оттенка зелёного, цвет летней листвы. Сначала я опускаю руку в красную краску и тру кончики пальцев. Она падает тяжёлыми каплями, пачкает мою одежду и пол, где я сижу на коленях. Я набираю больше, и мои руки полны краски. Тогда я бросаю её, горсть красной краски на моей белой, белой стене. Цвет взрывается. Он распространяется. Это работает. Я беру больше — беру все цвета, и пачкаю мою белую комнату. Я окрашиваю её во все цвета Айзека, а Флоренс Уэлч поёт мне свою песню.

А затем звонит мой телефон. Я не поднимаю его, но когда позже слушаю сообщение, детектив Гаррисон мягкая «с» сообщает, что Сапфира мертва. Покончила с собой. «Вот и хорошо», — сначала думаю я, но потом у меня начинает болеть в груди. Он не говорит мне, как она это сделала, но что-то подсказывает, что вскрыла себе вены. Истекла кровью насмерть. Она любила, когда её пациенты кровоточили своими мыслями и чувствами, и выбрала именно этот способ, чтобы уйти. Сапфира со своим комплексом Бога никогда бы не допустила, чтобы её осудили в суде. Она думала, что люди глупы. Не достойны судить её. Я звоню ему на следующее утро. Суда не будет. Голос детектива звучит разочарованно, когда он рассказывает мне об этом, но я чувствую облегчение. Это конец кошмара. Я не смогла бы справиться с затянувшимся на месяцы судебным процессом. Тратить свои последние дни на поиски справедливости. Думаю, я простила Сапфире её комплекс Бога, но не уверена, что Бог поступил также.

Гаррисон сообщает мне, что продолжается расследование по поиску соучастников Сапфиры.

— Все, кого мы допрашиваем, в шоке. Она была уважаемой в сообществе психиатров. Без семьи в стране. Без друзей. Она, кажется, просто свихнулась, потеряла связь с реальностью.

«У кого есть время для друзей, когда вы экспериментируете на людях?» — думаю я.

— Что известно о крови на книгах? — спрашиваю я. — Она человеческая?

Повисает долгая пауза.

— Тест показал, что это кровь животных. Баран или коза, мы не уверены на сто процентов. Мы нашли ваши книги в её доме, вместе с вашей медицинской картой из...

— Я поняла, — произношу я быстро.

— Есть кое-что ещё, — произносит он. — Мы нашли видео о вашем пребывании в доме...

Я зажмуриваюсь.

— Что вы собираетесь с ними делать?

— Это будет сохранено в качестве доказательств, — говорит детектив.

— Хорошо. Никто их не увидит?

— Не СМИ, если это то, о чём вы спрашиваете.

— Хорошо.

— Есть ещё одна вещь...

Сколько ещё вещей может быть?

— У Сапфиры была квартира в Анкоридже. Мы считаем, поэтому женщина попала к вам так быстро, когда Айзек заболел. Она наблюдала за вами и доктором Астерхольдером. И видела, что происходит в доме, только когда было электричество, а в некоторых комнатах записывался только звук. Таким образом, в записях есть пробелы. Но она была

приостановлена. Я надеялся, что вы сможете сказать мне что-нибудь о контексте того, что я видел.

— Где она остановила съёмку? — я задыхаюсь... меня тошнит. Мне никогда не приходило в голову, что в доме установлено несколько камер.

— Вы приставили нож к груди доктора Астерхольдера.

Я облизываю губы.

— Он приставил нож к своей груди, — произношу я. Мой ум разрывается на куски, что именно Сапфира пыталась сказать мне. — Это момент, когда я изменилась, — добавляю я. — Это причина, почему она сделала то, что сделала.

Я ищу книгу матери. Иду в местный книжный магазин и рассказываю детали сюжета девушке за прилавком с широко раскрытыми глазами, которой не более восемнадцати лет. Она вызывает менеджера, чтобы помочь мне. Тот серьёзно смотрит на меня, пока я повторяю всё, что только что сказала девушке. Когда я заканчиваю, он кивает головой, будто знает, о чём я говорю.

— Книга, о которой, как мне кажется, вы говорите, недолго пробыла в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс», — наконец произносит мужчина. Я поднимаю брови за его спиной, пока он ведёт меня к задней части магазина и вытягивает книгу с полки. Я не смотрю на неё, когда продавец протягивает её. Чувствую вес книги в своих руках и безучастно смотрю ему в лицо. Мне кажется, будто я собираюсь встретиться с матерью лицом к лицу.

— Вы та писательница, которую...

— Да, — резко отвечаю ему. — Я хотела бы немного личного пространства.

Он кивает и оставляет меня. У меня ощущение, что мужчина собирается пойти туда, куда идут руководители, чтобы сказать всем, что знает, что похищенная писательница здесь.

Я делаю один из тех вдохов, которые прожигают вас изнутри, и лишь затем опускаю голову.

Вижу название книги, оранжевые и желтоватые буквы, которые составляют образец женского платья. Видно только спину женщины, но её руки широко раскинуты, её светлые волосы струятся вниз по спине. «Падение».

Падение моей матери. Интересно, написала ли она это для меня. Я слишком много прошу? Объяснение для дочери... брошенной тобой фарфоровой кукле? Моя мать — самовлюбленный человек. Она написала для себя, чтобы почувствовать себя лучше из-за того, что бросила меня. Я открываю книгу, ищу её изображение внутри. Там его нет. Интересно, она всё ещё хороша? Носит ли до сих пор цветастые юбки и головные повязки? Она пишет под именем Сесили Кроу. Я ухмыляюсь. Её настоящее имя Сара Марш. Она ненавидела его нормальность.

Сесили Кроу живет везде.

Она не верит в собак или кошек.

Это её первый роман, и, вероятно, последний.

Я закрываю книгу и ставлю обратно туда, откуда её вынули. У меня нет желания читать снова, даже страницы по порядку. Я узнала свою мать беспорядочным образом. Я её фарфоровая кукла. Она немного оплакивала меня, хотя этого и недостаточно. Не могу винить её за бегство. Я убежала всю свою жизнь, может быть, это Испорченная Кровь. Или может быть, она научила меня, а кто-то научил её. Не знаю. Мы не можем во всём винить своих родителей. Я думаю, теперь мне всё равно. Просто так оно и есть. Я выхожу из

магазина. И оставляю её в покое.

Через три месяца после того, как вернулась домой, я еду в больницу, чтобы увидеть Айзека. Не знаю, хочет ли он меня видеть. Айзек не пытался связаться со мной с тех пор, как я вернулась. Больно признавать это, после всего эмоционального насилия, что мы пережили вместе, но, и я, в свою очередь, не пыталась связаться с ним. Интересно, рассказал ли он обо всём Дафни? Может быть, поэтому...

Не знаю, что сказать. Что чувствовать. Облегчение, потому что мы оба выжили? Мы будем говорить о том, что случилось? Я скучаю по нему. Иногда мне хочется, чтобы мы могли вернуться туда, и это просто бред. Чувствую, как будто у меня стокгольмский синдром, но не к человеку, а к дому в снегу.

Я тяну время, сижу в машине на стоянке около часа, теребя резиновый чехол на руле. Я позвонила туда чуть раньше, поэтому знаю, что он здесь. Не знаю, как буду чувствовать себя, когда увижу его. Я держала его, пока он умирал. Айзек держал меня. Мы пережили что-то вместе. Как подойти и пожать чью-то руку в реальном мире, когда вы были сплетены вместе в кошмаре?

Я распахиваю дверь машины, и она стучается о бок уже избитого минивэна.

— Прощу прощения, — бормочу я, прежде чем отойти.

Двери в больницу скользят в стороны, и я замираю, оглядывая всё вокруг. Ничего не изменилось. Здесь всё ещё слишком холодно, фонтан до сих пор распыляет кривой поток в воздух, который пахнет антисептиком. Медсёстры и врачи снуют и пересекаются, прижимают к груди дела пациентов или же те свободно свисают в их руках. Всё это осталось прежним, а я изменилась. Я разворачиваюсь лицом к стоянке. Хочу уйти, остаться в стороне от этого мира. Никто, кроме Айзека не знает, на что это было похоже. От этого я чувствую себя единственным человеком на планете. Из-за этого злюсь.

Мне нужно поговорить с ним. Он единственный. Вхожу. Вот я уже в лифте, медленно поднимаюсь на его этаж. Он, вероятно, делает обход, но я буду ждать в его кабинете. Мне нужно всего несколько минут. Несколько. Я быстро выхожу, как только двери лифта открываются. Офис Айзека находится всего в двух шагах за автоматом.

— Сенна?

Я оборачиваюсь. Дафни стоит в нескольких метрах от меня. На ней чёрная больничная форма и стетоскоп на шее. Она выглядит усталой и красивой.

— Привет, — говорю я.

Мы стоим и пару секунд смотрим друг на друга, затем я нарушаю молчание. Не ожидала увидеть её. Это было глупо. Беспечно. Я пришла сюда не для того чтобы ей было неудобно.

— Я пришла увидеться с...

— Я позову его, — говорит она быстро. Я удивлена. Наблюдаю, как женщина поворачивается на каблуках и бежит по коридору. Может быть, Айзек не рассказал ей всего.

Он не говорил с новостными станциями. Мой агент позвонила мне спустя несколько

дней после того, как я вернулась, желая знать, буду ли я писать книгу с подробным описанием того, что случилось со мной, с нами. Если честно, не знаю, напишу ли я когда-нибудь ещё одну книгу. Но я никогда не расскажу о том, что произошло в том доме. Это всё только моё.

Когда я вижу Айзека, мне больно. Он выглядит великолепно. Не скелет человека, которого я поцеловала на прощание. Но вокруг его глаз появилось больше морщин. Надеюсь, что некоторые из них оставила ему я.

— Здравствуй, Сенна, — произносит он.

Мне хочется плакать и смеяться.

— Здравствуй.

Он жестом указывает на дверь своего кабинета, которую должен открыть с помощью ключа. Айзек заходит первым и включает свет. Я бросаю быстрый взгляд через плечо, прежде чем войти, чтобы проверить, не таится ли где-нибудь Дафни. К счастью, её там нет. Я не могу нести ещё и её бремя поверх своего.

Мы сидим. Это не неудобно, но и не посиделки за чаем с печеньем. Айзек садится на свой стул, но через минуту встаёт и садится в кресло рядом со мной.

— Ты вернулся к работе, — нарушаю я молчание. — Не мог остаться в стороне.

— Я пытался. — Айзек качает головой. — Я был на Гавайях и посещал психолога.

Это вызывает у меня что-то вроде смеха.

— Смело.

— Я знаю, — улыбается он. — Во время всего сеанса я старался не говорить ей того, что сподвигло бы её похитить меня.

Мы становимся серьёзными.

— Как ты? — спрашивает он осторожно. Я ценю то, как Айзек принимает во внимание мои чувства, но мы слишком разрушены для таких нежных чувств. Впервые я отвечаю ему честно:

— Хреново.

Уголок рта Айзека приподнимается вверх. Только один. Это его фирменный знак.

— Но, полагаю, это лучше, чем быть похищенной, — вставляет он.

Я чувствую, как меня накрывают эмоции, интимность, неловкость. Хочу восстать против них, но не делаю. Это очень плохо сказывается на человеке, когда он постоянно борется со своими чувствами. Элгин пыталась сказать мне об этом как-то раз. Сука.

— Я слышал о твоём прогнозе...

— Всё нормально, — говорю я быстро. — Это просто... есть.

Айзек выглядит так, будто хочет сказать миллион вещей, но не может.

— Я хотел навестить тебя, Сенна. Просто не знал как.

— Ты не знал, как прийти ко мне? — спрашиваю я, слегка ухмыляясь.

Он смотрит в мои глаза, прямо в них. С таким сожалением.

— Всё хорошо, — успокаиваю его. — Я понимаю.

— Что нам теперь делать? — спрашивает он. Не знаю, спрашивает ли он о том, как мы должны жить, или как мы должны закончить разговор. Я уж точно не знаю, что делать.

— Мы проживем, и мы уйдём, — отвечаю ему. — Сделаем всё, что от нас зависит.

Айзек проводит языком по внутренней стороне нижней губы. Она чуть выпячивается вперёд и возвращается на место. Это напоминает мне о выпечке торта, когда вы открываете духовку слишком рано. Я играю с неровными краями волос, периодически поглядывая на

него снизу вверх.

— У вас всё нормально? У тебя и Дафни? — я не имею права спрашивать его, вообще никакого. Особенно, если учесть, что Элгин сделала всё это из-за меня.

— Нет, — отвечает он. — Как может быть? — Айзек качает головой. — Она была понятливой. Я не могу жаловаться, но это продолжалось месяц, а потом они захотели, чтобы вернулась прежняя версия меня. Они, моя семья, — говорит мне Айзек. — Но я не знаю, как быть им. Я изменился.

Айзек всегда был честен в своих эмоциях. Я хотела бы быть такой же. Чувствую, что мне нужно что-то сказать.

— Я не разочарована, — признаюсь ему. — Я не знаю, легче ли мне от этого.

Он выглядит поражённым. Его чёрная форма морщится, когда Айзек наклоняется ко мне.

— Ты любима, — говорит он.

Любовь — это владение; то, что вы складываете из слоёв людей в вашей жизни. Но если представить мою жизнь в виде торта, он был бы бесслойный, не пропечённый, с недостающими ингредиентами. Я слишком хорошо изолировала себя, чтобы иметь чью-либо любовь.

— Я люблю тебя, — говорит Айзек. — Я полюбил тебя в тот момент, когда ты убежала из леса.

Я не верю ему. Он воспитан так по жизни и профессионально. Увидел что-то сломанное, и ему необходимо было излечить меня. Доктор полюбил процесс.

Как будто читая мои мысли, он говорит:

— Ты должна кому-то верить, Сенна. Когда тебе говорят об этом. В противном случае, ты никогда не будешь знать, каково это быть любимой. И это печально.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я, наполняясь гневом. — Слишком серьёзно, чтобы говорить такие слова. Откуда ты знаешь, что любишь меня?

Айзек надолго замолкает. А потом отвечает.

— Она предложила мне выход.

— Выход? Выход из чего? — мне плевать, что я опережаю события. Это как камень, который падает между нами. Я жду стука, но его не происходит, потому что мой мозг перестаёт соображать, и комнату наклонило и немного зашпатель. — Что ты имеешь в виду?

— Утром, после того, как мы открыли дверь, я нашёл в сарае записку со снотворным и шприцом. Там говорилось, что я могу уйти. Всё, что я должен сделать — усыпить тебя, впрыснуть снотворное себе, и я бы проснулся дома. Было лишь одно условие: я не должен ни с кем о тебе говорить. Ни с полицией, ни с кем-либо вообще. Я должен был сказать им, что у меня был нервный срыв, и я сбежал. Если бы я рассказал о тебе, тебя бы убили. Если бы я оставил тебя там, я мог бы вернуться домой. Я выбросил шприц и снотворное с обрыва.

— Боже мой.

Я встаю, но мои ноги меня не держат. Сажусь снова, прячу лицо в руках. *Сапфира, что ты наделала?* Когда я смотрю на него, состояние моей души отражается на моём лице, искажая мои черты. Она зла и печальна.

— Айзек. Зачем ты это сделал? — мой голос срывается. Я знаю, почему Сапфира сделала это. Она знала, что он не оставит меня. Знала, что, в конце концов, Айзек рассказал бы мне, и что после этого я всё пойму. Я увижу...

— Потому что я люблю тебя.

Моё лицо расслабляется.

— Я не оставил тебя потому, что не мог. Никогда не мог. — Он замолкает, а затем: — ...только если ты вынуждала меня. И если бы я знал тебя тогда лучше, я бы не оставил тебя. Я думал — это то, что тебе нужно. Но ты не знала себя. Я знал тебя. Ты нужна мне, а я позволил тебе оттолкнуть себя. И поэтому мне очень жаль.

Он сжимает губы вместе и у него на лбу выступает вена.

— Я тоже получил ещё один шанс, — добавляет Айзек. — Она дала мне ещё один шанс не уйти. Так что я воспользовался им.

— Ты говоришь что Сапфира...

— Я ничего не говорю о Сапфире, — обрывает он меня. — Она сделала то, что сделала. Мы не можем этого изменить. Жизнь случается. Иногда сумасшедшие люди похищают вас и делают частью своего личного психологического эксперимента.

Звук, который вырывается из моего горла, является отчасти смехом, отчасти стоном.

— Она хотела увидеть чего стоит любовь перед испытаниями.

Любовь не уходит. Она принимает на себя все невзгоды.

Не знаю, почему Сапфира хотела испытать любовь. Чтобы что-то показать мне, или, чтобы показать себе. Интересно. Кем она была. Кто тот человек, который построил тот дом для неё. Но она играла с нашей жизнью, и я ненавижу её за это. Айзек пропустил рождение дочери и несколько месяцев её жизни из-за того, что сделала Сапфира. Мы чуть не умерли из-за того, что она сделала. Но это изменило меня. Изменения, которые Айзек начал, прежде чем я подала судебный приказ, чтобы отдалить его, а Сапфира Элгин закончила в том доме, в снегу.

Часть меня благодарна ей, и от этого признания мне очень плохо.

В день отъезда я нахожу коричневый конверт на лобовом стекле. На мгновение мне кажется, что я получила штраф за парковку и до сих пор умудрилась не заметить его. Но когда я поднимаю стеклоочиститель и достаю конверт, бумага свежая, ещё не промокла от влажности воздуха Сиэтла. Конверт тяжёлый. Моя вселенная наклоняется. Я оборачиваюсь, высматриваю его в деревьях и на дороге. Знаю, его здесь нет. Я знаю. Но он был, и я его чувствую.

Всё в доме собрано, в том числе и моя звуковая система, поэтому я забираюсь в автомобиль и вставляю серебристый диск в радиоприёмник. Как раз пошёл снег, так что я открываю все окна и включаю обогрев на всю мощь, и могу наслаждаться обоими мирами. Я нажимаю «плэй» и держусь за руль. Я собираюсь сброситься с обрыва. Я знаю.

Я тяжело дышу и слушаю последнюю песню, которую Айзек когда-либо давал мне. Я слушаю его, пока моё дыхание замерзает облаком в воздухе.

А в это время снег летит в окна автомобиля.

И в это время мое сердце бьётся, а потом ноет, и снова бьётся.

Я слушаю сердце моей половинки, и потоки солёной воды капаяют из моих глаз. Он

говорит со мной через песню. Также как делал всегда. Это тяжело осознавать, но я больше никогда не увижу Айзека и не услышу его музыку, которая разбудила меня от долгого, беспокойного сна. Тени всё ещё преследуют меня. И я знаю, что когда проснусь, крича от кошмаров среди ночи, Айзек не залезет в постель позади меня, чтобы прогнать их прочь вместе с запутанным состоянием, каким он меня любит. Песня разрушает меня. Наша космическая любовь, наша космическая связь.

Ник был не прав насчёт меня. Наличие Испорченной Крови не убило меня, а спасло. Моя вена привлекла Айзека. Он был светом и последовал за мной в темноту. Стал тьмой, чтобы нести тяготы, которые выпали на мою долю. Айзек спас меня от себя, но, в конце концов, никто не мог спасти меня от рака.

Я неизлечима. Смешное слово. Рак может убить моё тело, но не может убить меня. У меня есть душа. У меня есть вторая половинка. Мы парим; как перелётные птицы. Но, прежде чем придёт завтра, я хочу увидеть цвета — цвета Италии, Франции и Швеции. Хочу увидеть северное сияние. И когда умру, я знаю, что останется невидимая красная нить, соединяющая меня с моей второй половинкой. Она может запутаться и может растянуться, но никогда не порвётся. Когда я умру, то отправлюсь в свет. И когда-нибудь Айзек найдёт меня, потому что он такой.

Я кладу письмо в его почтовый ящик и поднимаю вверх маленький красный флажок.

«Дорогой Айзек,

Я, наконец, поняла твои татуировки. Я никогда не говорила, насколько они беспокоили меня, но иногда, в том доме в снегу, ты ловил меня за разглядыванием их, и я видела скрытую улыбку на твоём лице. Ты знал, что я пыталась их разгадать. Когда я спросила тебя об этом, ты сказал, что мы все связаны чем-то, потому что нам нужно что-то, что не даст нам развалиться. То, что ты обернул вокруг своей души, является результатом борьбы, вот, что ты сказал мне. Но тогда я не поняла. Я считала это бессмыслицей до того дня, когда ты, держа меня за руку, зажал нож, и направил его в своё тело — мы вместе пронзали твою плоть.

В тот час ты забрал моё бремя. Имеет ли это смысл? Ты взял мою ненависть к себе и печаль, моё обещание отомстить всему миру, и направил их на себя. Я уже любила тебя. Потому что ты меня видел. Это был момент пробуждения, я поняла, наконец-то, что стою лицом к лицу перед своей второй половинкой. Понятие, в которое я не верила, пока твоя душа не излечила мою. Тьма, прежде повелевавшая мной, сдалась твоему свету. Вот как я поняла твои татуировки. Отвращение к себе и печаль больше не были путями, связывающими меня. Они вдруг стали тобой, но в хорошем смысле. Мне нужны эти пути, чтобы держать меня. Я больше не хотела разрушать себя, потому что это причиняло боль тебе.

О, Боже. Я заболталась. Мне просто нужно, чтобы ты знал.

Каждую минуту, которую ты потратил, чтобы узнать меня, я тоже узнавала себя. Прости, что не признавала нашу связь раньше, когда у нас ещё было время. Природа любви заключается в преодолении. Ненависти. Даже печали. Главным образом, она преодолевает ненависть к самому себе. Я сидела в белой комнате и ненавидела себя, пока ты не вдохнул в меня жизнь. Ты любил меня так сильно, что я начала любить себя.

Кто бы мог подумать, что в день, когда я выбежала из леса, я буду бежать прямо в руки своего спасителя? Прямо из уродливой жизни, в которой я застряла. Я не выбирала тебя, и ты не выбирал меня. Что-то другое сделало выбор за нас. Снег покрыл меня, и ты покрыл

меня, и в том доме, сквозь боль, и холод, и голод, я познала безусловную любовь. Ты моя правда, Айзек, и ты освободил меня.

Мы все умрём когда-нибудь, но я собираюсь умереть первой. До самой последней секунды своей жизни я буду думать о тебе.

Сенна»

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net